

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 2025

Исторические науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

П. Верг, доктор наук (PhD), профессор (США, Лас-Вегас)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, действительный член философско-исторического отделения Австрийской академии наук, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Л.А. Королева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, в базы данных ВИНТИ РАН, Научной электронной библиотеки (elibrary.ru), электронной библиотеки «Cyberleninka», международную справочную систему «Ulrich's International Periodicals Directory», индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 1 2025

Historical Sciences

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

P. Werth, PhD, Professor (USA, Las Vegas)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Full Member of the Division of Humanities and the Social Sciences of Austrian Academy of Science, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

L.A. Koroleva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Penza, Russia)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK), in the Abstract Journal and VINITI databases, Ulrich's International Periodicals Directory, Scientific Electronic Library (elibrary.ru), Cyberleninka Electronic Library. The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik210@mail.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 9.929.73
ББК 63.3(2)521

М.А. АЛЕКСЕНКО, О.Ю. МАЛАХОВА, А.Н. ПОПОВ

ОТСТАВКА М.М. СПЕРАНСКОГО: ВИНОВНИКИ, ПРИЧИНЫ, ИТОГ

Ключевые слова: М.М. Сперанский, Александр I, дворцовые интриги, отставка, ссылка, возвращение.

Статья посвящена рассмотрению виновников и причин дискредитации и опалы одного из самых грамотных реформаторов России XIX в. – М.М. Сперанского. Стремительный карьерный рост, быстрое сближение с императором Александром I пугало, раздражало и окружение, и реформатора, и монарха. Недоброжелатели, ожидающие скорого падения гениального госсекретаря, находились среди самых близких людей правящей особы и самого Сперанского.

Проблема заключалась в том, что, несмотря на перспективность задумок и проектов М.М. Сперанского, российское чиновничество и дворянство, максимально близкое к императору, остались им недовольны, что спровоцировало заговоры в узких кругах. Их не остановила даже перспектива превращения России благодаря усилиям и проектам Михаила Михайловича в правовое государство.

Цель исследования – выявление лиц, причастных к отставке реформатора, и изучение причин дискредитации Сперанского в глазах императора Александра I в процессе дворцовых интриг.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы опубликованные авторские разработки о деятельности М.М. Сперанского, биографические сведения дореволюционного и советского периодов, материалы периодической печати постсоветского периода. Хронологические рамки исследования ограничиваются первой третью XIX в. (с начала правления Александра I до публикации Свода законов Российской империи, созданного при помощи Сперанского). В статье применялись принцип историзма, ретроспективный и историко-генетический методы, способствующие комплексному рассмотрению темы исследования.

Результат исследования. В процессе анализа причин и лиц, причастных к отставке реформатора, выяснено, что многие придворные, чиновники и даже монаршие особы имели свои стремления к удалению со двора главного генератора преобразований времен Александра I. Для сестры Александра I это была личная обида, для шведского барона Густава-Морица Армфельда – нереализованные ожидания, для большинства коллег-чиновников – личная неприязнь или зависть к стремительному карьерному росту Сперанского. Опасавшийся гнева дворян Александра Павлович, «двуликий Янус», поддался мнению двора и отправил в отставку, а затем и ссылку некогда бывшего вторым лицом в государстве Михаила Михайловича.

В отличие от старшего брата, Николай I, куда менее интересующийся мнением дворянства, привлёк Сперанского на службу для помощи в работе Собственной Его императорского величества канцелярии для составления свода законов.

Вывод. Сестра императора, знать, чиновники – все жаждали отставки ненавистного им М.М. Сперанского. Несмотря на грандиозные реформаторские задумки, Александр I подвергся влиянию окружения, решив судьбу своего администратора не в его пользу.

Введение. История России в правление практически любого монарха видела множество гениев при дворе. В XIX столетии среди них Сергей Ланской – один из авторов крестьянской реформы Александра II, Сергей Витте – «дедушка русской индустриализации» [2. С. 5–9], Александр Горчаков – один из лучших дипломатов в истории России, Михаил Сперанский – «светило русской администрации» и ключевой реформатор Александра I и т.д. Список можно продолжать. Однако из обилия деятелей при дворе последнему повезло меньше других. Несмотря на природный ум, усидчивость, одаренность, работоспособность, желание трудиться на благо России, его активность и энергичность далеко не всем при дворе царя Александра Павловича пришлась по душе.

Выходец из семьи сельского священника Михаил Михайлович даже не имел первоначально родового прозвища, то есть фамилии. Находясь до семи лет практически полностью на попечении слепого деда, научился читать, а после, благодаря содействию родственника, был зачислен во Владимирскую духовную семинарию. Именно там мальчик впервые получил фамилию, которую в буквальном смысле ему придумали. «Попович», как его впоследствии будут звать при дворе за глаза, обладал настолько выдающимися способностями и одаренностью, что получал продвижения, начиная с семинарии. Сильный ум и феноменальная работоспособность, без сомнения, вызывали зависть с первых лет его взрослой жизни. К несчастью для самого М.М. Сперанского, завистью сослуживцев его карьера не ограничилась.

Целью исследования является выявление виновных лиц и изучение причин отставки и ссылки М.М. Сперанского – статс-секретаря Александра I и одного из самых перспективных реформаторов XIX вв.

Материалы и методы. В статье применялись следующие принципы и методы исторического исследования: историзма, ретроспективный, историко-генетический. Первый позволил проанализировать события с учетом происходящих в то время условий и неразрывной с ними связи, второй – погрузиться в события прошлого, третий – проанализировать причины и способы борьбы с реформатором. Основу исследования составляют авторские материалы, материалы периодической печати, монографии.

Результаты исследования. Изобилие служебной работы, лежавшей на Сперанском с первых дней его деятельности, и особенности характера, привычка находиться вдали от развлечений заставляли его вести очень замкнутую домашнюю жизнь, отдаляя от светских кругов столицы. Домашние интересы исчерпывались заботой о дочери Елизавете, находившейся на попечении ее бабушки Стивенс, матери жены Сперанского, в связи с тем, что сам Михаил Михайлович рано овдовел [5. С. 34–35].

В его доме бывали только самые близкие люди, с которыми он подружился во время совместной службы в Сенате [4. С. 108–109]. Одним из них был И.В. Лопухин, называвший Сперанского в переписке «любезным другом» и преподносящий ему в подарок книги [1. С. 1–2]. Тесные отношения подтверждаются обсуждением литературы, описанием личных и имущественных дел [1. С. 23], изменений по службе в первые годы работы Сперанского при дворе. Подобные дружеские отношения связывали Михаила Михайловича Сперанского и Петра Григорьевича Масальского. Письма последнего выражали явную поддержку друга спустя много лет с начала знакомства в связи с «объявлением Высочайшей воли» в отношении госсекретаря в 1812 г. [4. С. 12–13].

Этот образ жизни не изменился и во время высшего государственного влияния Сперанского. Стоит отметить, что при восхождении по карьерной лестнице реформатор становился все более замкнутым, необщительным. Вероятно, ему было просто некогда, поскольку он старался по возможности все исполнять сам, отчего был занят круглые сутки. Это породило, в свою очередь, в высших эшелонах власти чисто деловые отношения и только официальные связи. Он был знаком, конечно, со всеми сановниками и видными людьми этого времени, со всеми имел дела и пользовался симпатиями и уважением многих [7. С. 109]. Но и врагов у него было немало. Представители малого и среднего чиновничества, ненавидевшие Сперанского за указы об экзаменах и о чинах [9. С. 39], оказать влияние на его положение, разумеется, не могли; опаснее

были те лица, которые имели доступ к императору и не могли простить Сперанскому его быстрой карьеры и силы, или же не одобряли проводимой от его имени политики. Сюда относились прежде всего сановники прежних времен, славу которых затмил «попович» (например, Державин) [7. С. 109]. Кроме того, «либеральные» идеи, проводимые в проектах Сперанского, встречали резкое осуждение приверженцев старины и всех реакционных кругов, которые осмеливались громко или шепотом возражать против них. Но так, как известно было, что за Сперанским стоит император, то с прямыми обвинениями или критическими нападками долгое время многие не решались выступать. Однако постепенно их нашептывания делались все громче и громче. Накануне войны с Наполеоном влияние Сперанского, с одной стороны, достигло апогея, с другой – император уже начал проявлять колебания в отношении к своему советнику. Добавляли негатива явно враждебные реформатору прокламации, распространяющиеся при дворе.

Ретроспективный и историко-генетический методы исследования позволили не только использовать историческую информацию прошлого для выявления личностей, причастных к ссылке реформатора М.М. Сперанского, но и определить причины возникновения интриг вокруг него, закончившихся опалой некогда ближайшего к императору лица.

На самом деле, долго ожидать заговора не пришлось. Одним из первых и самых опасных врагов Сперанского была сестра императора великая княгиня Екатерина Павловна. Казалось бы, какая связь между реформатором и княгиней? У Екатерины Павловны имелось две причины на обиду. Во-первых, из-за указа о чинах Сперанского ее супруг принц Ольденбургский не получил чин коллежского асессора, во-вторых, стремительный рост авторитета Михаила Михайловича и его влияние на брата ей категорически не нравились.

Масла в огонь добавило знакомство с Екатериной Павловной Н.М. Карамзина в конце 1809 г. Пользуясь близостью великой княгини к императору, придворный историк Карамзин регулярно ездил в гости к ней в Тверь. Николай Михайлович не упускал возможности ознакомить монаршую особу с фрагментами рукописи «Истории государства Российского». В феврале 1811 г. он прочел ей записку «О древней и новой России», в которой негативно отзывался не только о бабушке и отце императора – Екатерине II и Павле I, но даже и Александре I. Причиной негатива стало противоречие консервативной натуры историка и начала либерального курса Александра Павловича. Безусловно, намеки о смещении курса России были связаны с проектами реформ Сперанского, хотя конкретного упоминания его фамилии в записке не было.

Великой княгине пришлось по душе мысли придворного историка. 18 марта 1811 г. Екатерина Павловна, воспользовавшись приездом к ней брата, передала ему для ознакомления записку «О древней и новой России». В отличие от сестры, Александру Павловичу не пришелся по нраву резкий тон в адрес венценосной бабушки, упоминания о гибели отца десятилетней давности. Стоит отметить, что напоминание о трагических событиях марта, послуживших основанием для вступления на престол, задело царя, но постепенно недовольство Александра Карамзиным, порожденное содержанием записки, прошло. Возвратившись в Петербург, российский император говорил уже (французскому послу Коленкуру), что «нашел в Твери очень разумных людей». С этого момента отношение царя к Сперанскому и его реформам стало меняться.

Со временем список недоброжелателей пополнялся новыми лицами. Среди них немало было тех, кто совсем недавно всячески поддерживал его. И если ранее эти придворные его пафосно превозносили, то сейчас с таким же пафосом порицали Сперанского и его деятельность.

Примечательно, что к лету 1811 г. к нему стали недоброжелательно относиться даже самые близкие, кто раньше дружил с ним и был вхож в его дом. Атмосфера вокруг реформатора накалилась. Обычным делом стали насмешки, оскорбления и интриги, подобные атрибуты светских разговоров были теперь сплошь и рядом [10. С. 122].

Следующим недоброжелателем и главным интриганом стал шведский барон Густав-Мориц Армфельд. Еще на родине он славился склонностью к интриге и честолюбием. Барона и Сперанского столкнул финляндский вопрос. По окончании войны со Швецией Россия получила Финляндию, где у барона Армфельда были значительные владения. Он планировал направить решение в данном вопросе в свою пользу, однако Александр I возложил обязанность по управлению финляндскими делами на Михаила Сперанского, где и произошло первое столкновение интересов. Ненависть к госсекретарю прослеживается в переписке шведа.

На почве этой ненависти с Густавом-Морицем быстро сошелся давний враг Сперанского – барон Розенкампф. В переписке последнего и в личных записках царю Розенкампф указывал на внутривластные проблемы, вина за которые лежит именно на Сперанском. Речь идет о дезорганизации центрального управления, разорении экономики и, конечно же, пренебрежении интересами дворянства [3. С. 187].

К дуэту примкнул министр полиции А.Д. Балашов. Благодаря Сперанскому в 1810 г. Балашов возглавил образованное министерство полиции. К сожалению, в то время Михаил Михайлович не имел в полной мере представления о личностных качествах возвышаемого.

Участники интриги против госсекретаря доносили до императора информацию о разных дерзких отзывах о его августейшей персоне и передавали содержание насмешек, которые исходили и будто бы исходили из уст реформатора. Понятно, что большая часть их придумывалась для порочения чести реформатора с целью затронуть достоинство императора, но часть отзывов об Александре Павловиче все же имела место быть. Например, однажды Балашов разговаривал со Сперанским о расширении круга полномочий своего министерства. Михаил Михайлович ответил, что реформы можно провести, но лишь со временем, при этом поясняя: «Вы знаете подозрительный характер государя. Все, что он делает, он делает наполовину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым». Эти слова Сперанского были незамедлительно переданы Балашовым Александру I [5. С. 130]. Слова упали на благодатную для интриганов почву и незамедлительно были доведены до императора.

При всех обстоятельствах Михаил Сперанский смутно ощущал угрозу, витавшую вокруг него. Опасения он, несомненно, имел, о чем сообщал Александру I. В процессе представления отчета государю в феврале 1811 г., т.е. еще до бурного развития интриги, он высказал свои волнения. Сперанский в беседе сообщил императору, что продвижение по службе или появление перед императором с текущими делами вызывает повсеместно зависть, а еще более неразумие. Вариантов действий Михаил Михайлович видел два: уступка или терпение. Первое считал для себя унижительным, второе – единственно возможным в сложившейся ситуации [8. С. 187–188].

В декабре 1811 г. император распорядился установить надзор полиции за Сперанским. К делу был привлечен чиновник министерства полиции Яков Иванович де Санглен. От его непосредственного руководителя Балашова распоряжение должно было оставаться в секрете.

Нельзя сказать однозначно, имело ли целью данное решение уберечь Сперанского от злодеев или, наоборот, осуществить за ним и его деятельностью пристальный надзор. Сомнения вызваны тем, что 16 марта, когда судьба Михаила Михайловича была решена, в беседе с дерптским профессором, академиком Парротом, император с негодованием рассказывал об измене Сперанского и грозил расстрелять его без суда [7. С. 116].

17 марта вечером Сперанский был вызван к государю для доклада. После длившейся более двух часов аудиенции Сперанский вышел из кабинета очень расстроенный, со слезами на глазах. Из дворца он заехал к своему другу Магницкому, но оказалось, что его в этот же вечер уже выслали в Вологду. Дома Сперанского уже ожидали Балашов и де Санглен, которые должны были опечатать его бумаги. После этой процедуры, поздно ночью, Сперанский, не пожелавший будить свою дочь и тещу, был увезен в ссылку в Нижний Новгород в сопровождении частного пристава Шипулинского.

Известие о ссылке Сперанского сильно поразило всех. Это событие описано во всех мемуарах эпохи, как нечто очень крупное по своим последствиям, неожиданное, по крайней мере, в такой форме. Мемуары пестрили радостной информацией о справедливой, но очень снисходительной мере к изменнику М.М. Сперанскому. В этом отношении Александр I в полной мере достиг желанного эффекта – вся Россия заговорила про его расправу; он очистился от скверны, державшей его в каком-то плену, отрекся от политики, проводимой через Сперанского, и мог уехать в действующую армию, примиренный с общественным мнением и поднявшийся в глазах всей России.

Привлечение Сперанского к службе произошло при Николае I. По возвращении в столицу Михаил Михайлович стал членом Госсовета по департаменту законов. Его озадачили одной из приоритетных проблем того времени – систематизацией законодательства и составлением действующего свода законов [4. С. 90]. По сути, именно Сперанский был кодификатором законодательства при Николае I и основоположником отечественного правоведения [6. С. 90]. Сперанский также занимался обучением наследника престола – Александра Николаевича, будущего царя-освободителя.

Выводы. Анализ эпистолярных источников позволяет прийти к выводу, что Михаил Михайлович не был абсолютно замкнут, имел друзей и даже близких. Его переписка с несколькими друзьями наполнена искренним интересом, заинтересованностью в делах и прочим. Однако изучение литературы свидетельствует о значительном количестве недоброжелателей, завистников, появившихся из-за карьерного роста и стремительного продвижения госсекретаря.

Судьбоносный отчет М.М. Сперанского императору по распоряжению князя Куракина, не менее судьбоносная совместная поездка с Александром в Эрфурт быстро возвысили госсекретаря, но также быстро и безжалостно удалили его со двора. Вокруг М.М. Сперанского было много недоброжелателей, откровенных завистников и прочих недовольных им лиц. Причины для заговора были столь же разнообразными, как и контингент заговорщиков. Естественно, что таинственная обстановка такого необычайного по форме удаления

от дел самого видного сановника породила огромное количество слухов и предположений. Сперанского обвиняли в измене. Сам император впоследствии и в собственноручном рескрипте Сперанскому 1819 г. прямо отвергал эту мысль. Но причины изгнания Сперанского до сих пор считаются еще не до конца раскрытыми, и однозначного ответа на вопрос, что же послужило причиной отставки и ссылки, пока нет.

Литература

1. Автографы императорской публичной библиотеки. Вып. 1. М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1982. 208 с.
2. Аманжолова Д.А. «Дедушка русской индустриализации» // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. Т 8. № 2. С. 5–9.
3. Андреев А.Ю. Источники об отставке М.М. Сперанского в 1812 году: опыт систематического анализа // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3(35). С. 185–200.
4. Дружеские письма графа М.М. Сперанского к Н.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год с историческими пояснениями, составленные К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского. СПб., 1862. 166 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.priib.ru/item/408119?ysclid=m367b9dv9c721852195> (дата обращения: 06.11.2024).
5. Кантакузин-Сперанский М.С. Сага о Кантакузиных-Сперанских. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2004. 368 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/kku/kku-001-.htm> (дата обращения: 09.09.2024).
6. Кодан С.В. М.М. Сперанский и создание свода законов Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4(8). С. 89–95.
7. Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 298 с.
8. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. 5-е изд., обновл. и доп. М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. 476 с.
9. Фатеев А.Н. М.М. Сперанский. 1809–1909: биографический очерк. Харьков, 1910. 80 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22092-fateev-a-n-m-m-speranskiy-1809-1909-biograficheskiy-ocherk-harkov-1910#mode/grid/page/1/zoom/1> (дата обращения: 14.09.2024).
10. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Наука. 1989. 213 с.

АЛЕКСЕНКО МАИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, преподаватель, Оренбургский техникум железнодорожного транспорта; научный сотрудник, Оренбургский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения, Россия, Оренбург (krutaya.20112011@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0437-3730>).

МАЛАХОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора, Оренбургский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения, Россия, Оренбург (olgamal74@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-0407>).

ПОПОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат педагогических наук, директор, Оренбургский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения, Россия, Оренбург (a.n.popov@origt.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1478-7935>).

Maya A. ALEKSENKO, Olga Yu. MALAKHOVA,
Anatoly N. POPOV

RESIGNATION OF M.M. SPERANSKY:
GUILTY PARTIES, CAUSES, THE OUTCOME

Key words: M.M. Speransky, Alexander I, court intrigues, resignation, exile, return.

The article is devoted to considering the guilty parties and causes of discrediting and disgrace of one of the most literate reformers of Russia in the XIX century – M.M. Speransky. His rapid career growth and rapid rapprochement with the Emperor Alexander I frightened and irritated

his entourage, the reformer, and the monarch. The ill-wishers, who expected the genius Secretary of State to fall soon, were among the closest people to the ruling person and Speransky himself.

The problem was that, despite the good perspectives of M.M. Speransky's ideas and projects, the Russian bureaucracy and the nobility, who were as close to the emperor as possible, remained dissatisfied with him, which provoked conspiracies in narrow circles. They were not even deterred by the prospect of Russia's becoming a rule-of-law state thanks to Mikhail Mikhailovich's efforts and projects.

The purpose of the study is to identify those involved in the reformer's resignation and to study the reasons for Speransky's discrediting in the eyes of the Emperor Alexander I during the court intrigues.

Materials and methods. The research used published author's development results on the activities of M.M. Speransky, the biographical information from the pre-revolutionary and Soviet periods, and materials from the periodical press of the post-Soviet period. The chronological scope of the study is limited to the first third of the XIX century (from the beginning of the reign of Alexander I to the publication of the Code of Laws of the Russian Empire, created with the help of Speransky). The principles of historicism, the retrospective and historical-genetic methods were used in the article, contributing to a comprehensive consideration of the research topic.

Research results. In the process of analyzing the reasons and persons involved in the reformer's resignation, it was found out that many courtiers, officials and even monarchs had their aspirations to remove from the court the main generator of transformations of the time of Alexander I. For Alexander I's sister, this was a personal grudge, for the Swedish Baron Gustav-Moritz Armfeldt it was unimplemented expectations, and for most of his colleagues-civil servants, personal dislike or envy of Speransky's rapid career growth. Fearing the wrath of the nobility, Alexander Pavlovich, the "two-faced Janus," succumbed to the opinion of the court and dismissed and then exiled Mikhail Mikhailovich, who had once been the second person in the state.

Unlike his elder brother, Nicholas I, who was much less interested in the opinion of the nobility, recruited Speransky to help with the work of His Imperial Majesty's Own chancellery to compile the code of laws.

Conclusion. The emperor's sister, the nobility, the civil servants, all longed for the hated M.M. Speransky's resignation. Despite his grandiose reformist ideas, Alexander I was influenced by his environment, having determined the fate of his administrator not in his favor.

References

1. *Avtografy imperatorskoi publichnoi biblioteki* [Autographs of the Imperial Public Library]. Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1872. vol. 1. 208 p.
2. Amanzholova D.A. «Dedushka russkoi industrializatsii» [«The Grandfather of Russian Industrialization»]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 5–9.
3. Andreev A.Yu. *Istochniki ob otstavke M.M. Speranskogo v 1812 godu: opyt sistematicheskogo analiza* [Sources on the Resignation of M.M. Speransky in 1812: An Experience of Systematic Analysis]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2022, no. 3 (35), p. 185–200.
4. *Druzhieskie pis'ma grafa M.M. Speranskogo k N.G. Masal'skomu, pisannnye s 1798 po 1819 god s istoricheskimi poyasneniyami, sostavlennye K. Masal'skim, i nekotorye sochineniya pervoi molodosti grafa M.M. Speranskogo* [Friendship letters of Count M.M. Speransky to N.G. Masalsky, written from 1798 to 1819 with historical explanations, compiled by K. Masalsky, and some works of the early youth of Count M.M. Speransky]. Saint Petersburg, 1862. 166 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/408119?ysclid=m367b9dv9c721852195> (Accessed Date: 2024, Nov. 6).
5. Kantakuzin-Speranskii M.S. *Saga o Kantakuzinykh-Speranskikh* [The Saga of the Kantakuzin-Speranskys]. Moscow.: Ros. fond kul'tury; Studiya «TRITE» Publ; Ros. Arkhiv, 2004, 368 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/kku/kku-001-.htm> (Accessed Date: 2024, Sept. 9).
6. Kodan S.V. *M.M. Speranskii i sozдание svoda zakonov Rossiiskoi imperii* [Speransky and the Creation of the Code of Laws of the Russian Empire]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 4(8), p. 89–95.
7. Nol'de A.E. *M.M. Speranskii. Biografiya* [M.M. Speransky. Biography]. Moscow, 2004, 298 p.
8. Tomsinov V.A. *Svetilo russkoi byurokratii* [The Great Russian Reformer. Life, Work, Political Views of M.M. Speransky]. Moscow, 2013, 476 p.
9. Fateev A.N. *M.M. Speranskii. 1809–1909: biograficheskii ocherk* [M.M. Speransky. 1809–1909: biographical sketch]. Khar'kov, 1910, 80 p. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/22092-fateev-a-n-m-m-speranskiy-1809-1909-biograficheskii-ocherk-harkov-1910#mode/grid/page/1/zoom/1> (Accessed Date: 2024, Sept. 14).

10. Chibiryayev S.A. *Velikii russkii reformator. Zhizn', deyatel'nost', politicheskie vzglyady M.M. Speranskogo* [Great Russian reformer. Life, activities, political views of M.M. Speransky]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 213 p.

MAYA A. ALEKSENKO – Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Orenburg Technical School of Railway Transport (OTGT); Researcher, Orenburg Institute of Railway Engineering – Branch of the Volga State University of Railway Engineering, Russia, Orenburg (krutaya.20112011@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0437-3730>).

OLGA Yu. MALAKHOVA – Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Director for Science and Innovation, Orenburg Institute of Railway Engineering – Branch of the Volga State University of Railway Engineering, Russia, Orenburg (olgamal74@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-0407>).

ANATOLY N. POPOV – Candidate of Pedagogical Sciences, Director, Orenburg Institute of Railway Engineering – Branch of the Volga State University of Railway Engineering, Russia, Orenburg (a.n.popov@origt.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1478-7935>).

Формат цитирования: Алексенко М.А., Малахова О.Ю., Попов А.Н. Отставка М.М. Сперанского: виновники, причины, итог // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 5–12. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-5-12.

УДК 930+323.1

ББК 63.3(2)

Д.А. АМАНЖОЛОВА

КОНЦЕПТ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Ключевые слова: история, историография, советская национальная политика, концепт неокOLONиализма.

Изучение концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики актуально в интересах критики так называемых постколониальных исследований СССР и России как колониальной державы.

Цель исследования – проанализировать концепт неокOLONиализма, противодействующий доказательному исследованию сложных проблем существования национальной политики.

Материалы и методы. Основу исследования составила новейшая зарубежная историография, которая анализируется на основе методов контекстуализации, классификации, проблемно-хронологического, сравнительного.

Результаты. Рассмотрены получившие в последние годы развитие подходы современной зарубежной историографии советской национальной политики, связанные с продвижением как концепта неокOLONиализма, распространившегося в качестве так называемого деколониального поворота, так и ставших популярными с конца XX в. постколониальных исследований ситуаций в бывших колониях Запада – Африке, Азии и Латинской Америке. Показано, что данный концепт формируется на основе массива постколониальной литературы и так называемого «деколониального» дискурса о России как имперской державе. Выделяются наиболее распространенные толкования СССР как колониальной империи, тематические блоки и сюжеты из истории советской национальной политики, которые привлекаются для попыток обосновать необходимость «деколонизации» истории, культуры и социальной памяти о советском прошлом в России. Отмечен отказ от исследования базовых факторов развития и жизнедеятельности этносоциальных общностей, связанных с государством, социально-экономическим развитием и существом советского, альтернативного западному, проекта модерности. Приводятся примеры неокOLONиальных историографических практик, выделяются их характерные черты и приемы, в том числе незнание или нежелание учитывать фактическую основу советской истории и национальной политики, прежде всего в экономике и социальном развитии; подмена фундированных исследований с привлечением архивных и иных верифицированных источников апологией субъективных переживаний «субалтернов» с поиском колонизации в проявлениях символического насилия, интимных переживаний, самоидентификации и всевозможных репрезентаций; дискредитация государства и призыв к созданию сообществ изменений через деколонизацию сознания, мышления, искусства, образования, субъектности; критика статичных идентичностей и территориальных идентификаций в противовес советскому конструированию этноидентичности.

Вывод. Анализ примеров продвижения концепта неокOLONиализма свидетельствует о тенденциозности подбора «обличительных» фактов и политизированного субъективизма в изучении многокультурности России/СССР с неокOLONиальными попытками доказать необходимость «деколонизации» постсоветского пространства. Предлагается актуализировать фундированное изучение модернизационных процессов в экономике, политической и социально-культурной сфере как фактической основы нациестроительства.

Введение. Концепт неокOLONиализма прямо связан с динамикой интерпретации имперского существа СССР и России, с усилиями по так называемой деколонизации бывших советских республик. Ныне его пытаются превратить в интеллектуальный инструмент для формирования облика современной России

* Исследование (публикация, статья) выполнено в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности на период 2023–2025 годы.

как якобы колониальной державы. Анализ содержания и приемов навязывания неоколониального дискурса о советской национальной политике – актуальная научная задача.

Распространившись в качестве так называемого деколониального поворота и версий постколониализма, концепт неоколониализма приобретает оформление в призывах «деколонизировать российскую историю», поскольку якобы «до сих пор мало что было сделано для признания того, что царская и советская история имеют много общего с опытом западных колониальных империй» [34].

Цель исследования – проанализировать концепт неоколониализма, противодействующий доказательному исследованию сложных проблем существования национальной политики.

Материалы и методы. Новейшие зарубежные историографические практики как основа исследования содержат основные положения концепта неоколониализма, продвигаемые в научном сообществе бывших советских республик. Методы историографического анализа, классификации, контекстуализации, проблемно-хронологического и сравнительного стали основными.

Результаты исследования. В российской и зарубежной историографии показано, что досоветская и советская история России есть непрерывный процесс, а изменения типа ее государственности в XX в. отразили преемственность базисных цивилизационных и политических оснований, которые в эпоху революционных потрясений приобрели внешне противоположный федеративный формат [25]. Имперский фундамент лежал в основе процессов, в рамках которых историки конкретизируют динамику федерализации, содержание и смысл коренизации, процессы и эффекты модернизации народов СССР, взаимоотношения руководства страны и этнополитических элит на разных этапах истории, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с поддержкой этничности. В.А. Тишков оценивает советский проект как «гигантский эксперимент территориализации и институционализации этничности», а национальную политику – как причудливую верхушечную инженерию [17. С. 10]. СССР не означал «простой» переход от империи к конструированию наций и общесоветской надэтнической общности/нации, а наследовал и создавал свои инструменты поддержания разнообразия и управления, консолидации общества на социальной и интернационалистской основе.

Тем не менее в рассуждениях о «советском колониализме» различные версии трактовки СССР как империи, будто по определению обязанной иметь колонии, занимают большое место. Указывается на амбивалентную сущность СССР как империи, к которой трудно применить взятые за основу критерии модерности и пути к ней, невозможность создания единой аналитической концепции для всех типов империй, при этом советское государство парадоксальным образом сочетало антиимперскую политику с квазиимперскими практиками в своем стремлении к коммунистической современности [30].

Т. Мартин написал о советской империи «положительной деятельности» [13. С. 310]. А. Халид признает решающую роль советской модернизации в конструировании среднеазиатских наций, их невиданном прогрессе и советскости, в то же время настаивая на колониальном характере СССР, где якобы «нерусские национальности могли считаться советскими постольку, поскольку признавали опеку над собой русского народа» [21. С. 310]. Х. Дриё подчеркивает,

что «имперская периферия» обладала способностью к инициативе, располагала автономией и даже извлекала пользу из подчинения «центру», не считая необходимым применять колониальную парадигму в отношении Средней Азии. В то же время она приписывает советской кинокультуре объективизацию и дегуманизацию в духе «колониального реализма», сочетавшего антиколониальную политическую риторику и колониальный дискурс [7. С. 25]. Такой подход не удовлетворяет К. Акабарову [1. С. 181]. А. Моррисон считает, что трансформация большей части Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана в обширную хлопковую плантацию воспроизводит классические колониальные отношения; а авторитарные традиции советской власти до сих пор не позволили центральноазиатским республикам перейти к более представительным формам правления [33]. Л. Виола пишет: Советский Союз был «добывающим государством» и напоминал колониальную империю, но крестьянство «стало заменой заморских колоний, служа основным источником зерна, рабочей силы, солдат и внутренней колонизации» [27. Р. 200]. Б. Лоринг признает: трудно оценить, получал ли центр больше, чем он давал, особенно если говорить о Сибири, и предлагает понятие «внутренней колонии» [8. С. 34].

С началом СВО существенно активизировались попытки «изобличения» «российского/советского империализма». Р. Суни отмечает, что стало модно «деколонизировать» российскую историю, «децентрализовывать» Россию и уделять больше внимания нерусским народам, и «это очень приятно для тех из нас, кто деколонизировал Россию полвека назад, но не осознавал, что мы делаем». Он напоминает, что «подчеркивал фатальную напряженность в советской национальной политике и практике, которая, с одной стороны, привела к созданию несuverенных наций внутри Советской империи, а с другой – к модернизации, ассимиляции национальностей в русифицированный советский народ. ...источник иронии советской истории... кроется в противоречии между советским национал-строительством и советской имперской рамкой» [35. С. 103–104].

Среди способов продвижения концепта неокOLONиализма – попытки трансформировать социальную память с помощью разных практик (устная и эго-история, памятники, ритуалы и церемонии) и монохромной политически ангажированной актуализации исторических событий в публикациях, формирующих заданный образ прошлого. Транслируется тезис, что историк не должен служить государству, так как «выбор предмета исследования обусловлен общественной конъюнктурой» [14]. Е. Гапова делит постсоветских ученых на тех, кто ориентирован на западный академический истеблишмент, владеет английским языком и опирается на социально-экономическую поддержку либерализации, и подчиненную государству когорту без знания иностранных языков. Она пишет о добровольном переходе в статус неокOLONиальных жертв части позднесоветской гуманитарной интеллигенции [6. С. 313–314], подчеркивает: «Чисто технически “мы” никогда не были колонизированы Западом, но, судя по тому, как все складывается сейчас, именно по отношению к Западу как к могущественному другому постсоциалистические интеллектуалы ведут себя как “постколониальные подданные”, ищущие признания» [28. С. 88]. Принятие постсоветскими интеллектуалами постколониального подхода означает не столько прорывы в изучении прошлого, сколько маскировку и рыночную адаптацию к структурной ситуации на современном интеллектуальном рынке, где постколониальная парадигма может рассматриваться как «символический капитал» для международной интеграции и признания [34].

Е. Гапова указала и на характерную черту изобретателей «постколониального» подхода к бывшему СССР [5. С. 5], на деле продвигающих неокOLONIALИЗМ. Это интенсивная саморефлексия, вызванная стрессом от «огромного социального сдвига» конца XX в. и породившая глубокий психологический комплекс [28. С. 88]. Субъективный опыт, комплекс собственной вторичности как «постколониальной жертвы» взяты за основу для оценки обществ бывших советских республик. Сам СССР, считает А. Калиновский, «создал пространство для “национальной элиты” в республиках, поощряя ее не просто думать о развитии собственной этнической группы, но и вникать в прошлое и традиции» [9]. Сын лауреата Ленинской и Сталинской премий М.О. Ауэзова, один из организаторов движения «Жас тулпар» (1963–1966) М.М. Ауэзов в 1978 г. писал в дневнике о казахах как «недвусмысленно колонизованном и попираемом этносе», а Россию определял «колонизатором» [19. С. 75]. Для М. Тлостановой советская национальная политика была «абсолютной фальшью, за которой прятались расизм, ориентализм, прогрессизм, структурное неравенство и другие знакомые изъяны модерности/колониальности, даром что в формах государственного социализма» [15], а «культурная метрополия в СССР и затем в России, безусловно, продолжает экзотизировать и демонизировать нас как (пост)колониальных *иных*» [18].

Утверждая, что колониальность в советском изводе была навязанным способом познания, толкования и устройства всего сущего в категориях и канонах «советских теорий», критики советской национальной политики призывают к созданию собственного взгляда на прошлое, но используют неокOLONIALНЫЕ идеологемы западной литературы. Незнание или нежелание учитывать фактическую основу истории советской национальной политики подменяется субъективными переживаниями «субалтернов», пытающихся обнаружить советскую колонизацию в интимных переживаниях авторов дневников, самоидентификации и всевозможных репрезентациях, в том числе кино, литературе, театре, изобразительном искусстве, скульптуре, лингвистике [22]. Выдвигаются все новые антропологические концепции, призванные подменить основательное изучение фактов и источников. Х. Баба предлагает концепцию мимикрии, когда колонизатор не вполне успешно стремится улучшить редко знакомого суть дела колонизируемого и сделать его подобным себе, но сохранить различия [2].

Показательным примером неокOLONIALНЫХ практик служит обзор «динамики империализма и национализма в Евразии», где обсуждается «концептуализация общества после современного территориального государства и нации». Эпистемологическим вызовом объявлена русофония как угроза местным национальным культурам и государственности (М. Пулери) [16]. В противовес советскому конструированию этнонациональной идентичности Т. Ширинян выступает за отказ от статичных идентичностей и территориальных идентификаций, якобы поддерживающих националистические и колониальные структуры господства [23]. С. Люррман обвиняет советский режим в политизации интимности и знания, А. Эдгар предлагает изучать «интимные домены» и сравнивать «постколониальные» парадигмы, предостерегая от механического заимствования подходов [28].

Происходят вытеснение и девальвация значения базовых факторов жизнеспособности и исторической судьбы народов: государство, механизмы власти, элиты, экономика и социальная структура общества и их трансформация, объективные показатели развития, история межэтнического взаимодействия

и взаимобмена народов России в хозяйственной и культурной практике. Исключаются из рассмотрения устойчивость и самодостаточность государства, управляемость, опыт и огромные возможности многонационального общества для развития.

Это стало результатом многолетних усилий, когда часть академических кругов и новых поколений устремилась к «новой «когнитивной последовательности» общества спектакля». Х. Дабаши называет формой неокOLONIALИЗМА идеологический новояз, «сочетание исторических событий, социологических разработок, метафизических убеждений и фетишизированных визуальных представлений», проводниками которых стали «местные информаторы» и «интеллектуалы-наемники» из бывших советских республик [26. Р. 7].

Так, они считают, что «давление метрополии» продолжается, «академический национализм сам оказывается в плену гегемонного дискурса бывшей метрополии», а получившие образование за пределами бывшего СССР историки не способны к радикальной деколонизации знания [3. С. 213, 222, 221, 233, 234]. Предлагается деколонизировать Россию и историческую дисциплину на постсоветском пространстве, освободив ее от европоцентризма с его приоритетом российской истории [10]. С этим связаны и призывы перенастроить сознание ученых на отказ от признания заслуг российских историков как «представителей империи и собственно колонизаторов», обрести чувство равенства с прежней метрополией, которая психологически признается таковой.

Но пока самоопределение историков сводится лишь к самовиктимизации как основе социальной памяти, примордиалистской и этноцентристской трактовке многомерного прошлого с широким заимствованием англоязычных дискурсивных практик. Впрочем, С.Н. Абашин считает «постколониальную и посттравматическую» память оправданием того, что умалчивается роль СССР в создании аппаратов, кадров, инфраструктуры, которые функционируют по сей день [8. С. 34].

М. Тлостанова вообще не верит в государство и призывает к созданию сообществ изменений через деколонизацию сознания, мышления, искусства, образования, субъектности [15]. Россия, по ее мнению, постоянно и неудачно стремится догнать Запад и является империей двуликого Януса, поскольку использует различные подходы в отношениях с Западом, Азией и Кавказом [36]. СССР она обвиняет в неокOLONIALИЗМЕ, где советская модель выдавалась властью за деколонизацию. Если Центральная Азия якобы вписывается в парадигму колониализма, постколониализма и неокOLONIALИЗМА, то Украина подверглась «стиранию инаковости», поскольку людей здесь «пытались привести к общему знаменателю русскости» [15]. Поразительное незнание фактов истории, в том числе об украинизации [4], подтверждает субъективизм и политическую ангажированность автора.

Примеры «академических этнических и расовых классификаций, визуальных образов в кино и художественном искусстве, риторических и литературных образов» для признания советского опыта, безусловно, содержащим «колониальные элементы», привлекают и С.Н. Абашина. По его мнению, в дискуссиях об имперскости СССР и России надо анализировать дискурсы и образы, через которые советские люди и политики в центре и республиках «вписывали себя в имперскую историю и колониальный опыт» [24. С. 44], что подтверждает выводы Х. Дабаши, Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой. Е. Савицкий призывает искать разные модели колониализма применительно к СССР, что «усложняет и морально-политические

оценки» «русификации» или строительства железных дорог [24. С. 23]. Впрочем, использование сырьевых ресурсов республик в интересах всей страны считается признаком советского колониализма [9]. Носителей неоколониального концепта настораживают мифическая «опасность российского империализма и сила питающих его культурных представлений и установок» [11. С. 60–61].

С. Ушакин отмечает, что новые подходы и термины в постколониях социализма¹ не являются ответом на исторические практики, а лишь вписывают заимствования в местное содержание – постколониальные интерпретации ситуации в бывших западных колониях применяются, дабы представить советский опыт как многолетнюю историю колониального угнетения. Базовыми стали понятия национальной «памяти» и национального «родства». Нежелание изучать факты и источники приводит в методологический тупик. Вслед за Э. Саидом основное место заняли проявления символического и эпистемологического насилия в области производства образов и идей; постколониальные исследования подчинили себе пространство бывшего СССР. Для его неокOLONизированных гуманитариев советская национальная политика – поле приложения де/постколониальных подходов и терминов [20. С. 396, 399, 401]. А. Камалов признает: произошла колонизация разума и идей, где «по сравнению с советской историографией постсоветские истории ... просто заменили знаки вместо применения новых методологических подходов», якобы наследуя образ мышления колонизаторов [31. Р. 31–33].

Утверждение об имперской «колониальной» стратегии этнокультурных практик России и СССР на окраинах создает ложное представление о привилегированной метрополии и ущемленной в правах периферии, о социальном взаимодействии в советском обществе «русских» – агентов власти и «субалтернов»-жертв [12]. Признается приоритет политической необходимости над методологическим анализом: очень этнизированная и мифологизированная популярная история не поможет «деконструкции империи». Лидеры Глобального Юга приводят различия между империями Запада и России, и дискуссии о «деколонизации Евразии» и разрушении «имперскости» России подразумевают иерархию множественных напряжений [32]. Впрочем «модерность и вестернизация не идентичны», что доказал советский проект [29. Р. 11].

Выводы. Анализ неоколониального концепта в оценке советской национальной политики показывает методологическую противоречивость, использование идеологических оценок в интересах политической прагматики, недостаточность и избирательность аргументов, априорную убежденность в том, что идеологизация была исключительно советской практикой, а советская субъективность заведомо ущербна. Для литературы, основанной на данном концепте, характерны незнание или нежелание учитывать фактическую основу советской истории, прежде всего в экономике и социальном развитии; подмена фундированных исследований апологией субъективных переживаний «субалтернов» с поиском колонизации в проявлениях символического насилия, интимных переживаниях, самоидентификации и всевозможных репрезентациях; дискредитация государства и призыв к созданию сообществ изменений через деколонизацию сознания, мышления, искусства, образования, субъектности; критика статичных идентичностей и территориальных идентификаций в противовес советскому конструированию этноидентичности. Очевидны тенденциозность подбора «обличительных» фактов и политизированного субъективизма

¹ Так он предлагает называть постсоветские страны.

в изучении многокультурности России/СССР, неоколониальные попытки доказать необходимость «деколонизации» постсоветского пространства.

Сегодня востребованы компаративный критический анализ практик продвижения концепта неоколониализма, учитывая тренд на изучение «постколониальных» и «деколониальных» нарративов в сфере образования и культуры, через иерархию создания и продвижения знаний в западноцентричной системе рейтинга изданий; осмысление культурно-политического значения понятия «империя», новых подходов к «деколонизации» исторической памяти у народов бывшего СССР.

Литература

1. *Акабарова К.* Кино в советском Узбекистане: между ориентализмом, модернизацией и нацие-строительством. Рецензия // *Ab Imperio*. 2024. № 3. С. 177–184.
2. *Баба Х.* Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса (пер. с англ. Дмитрия Тимофеева) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/1/mimikriya-i-chelovek-dvoystvennost-kolonialnogo-diskursa.html> (дата обращения: 04.03.2023).
3. *Бисенова А., Медеуова К.* Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab imperio*. 2016. № 4. С. 207–255.
4. *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
5. *Гапова Е.* Классы наций: феминистская критика нациостроительства. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 368 с.
6. *Гапова Е.* Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // *Ab Imperio*. 2011. № 4. С. 289–319.
7. *Дриё Х.* Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919–1937. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 468 с.
8. Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия «Юг»: материалы конф. Алматы, 2011. 253 с.
9. *Калиновский А.* Призывники социализма: таджикская интеллигенция и деколонизация по-советски [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21976/ (дата обращения: 16.03.2023).
10. *Касымбекова Б.* О децентрализации советских исследований и организации новых платформ для диалога // *Ab Imperio*. 2022. № 1. С. 115–120.
11. *Ларионов О.* После слома. «Внутренняя колонизация» revisited [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2024. № 157. С. 47–62. URL: <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/ed8/u7j0qpb307b908fvt0692vmog55zhwmc/157-NZ-Larionov.pdf>.
12. *Малахов В.С., Летняков Д.Э.* Колониальная аналогия: о пользе и вреде языка постколониальных исследований в постсоветском контексте // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 113–127.
13. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 662 с.
14. Михаил Акулов: «Наше общество равнодушно к истории» [Электронный ресурс]. URL: <https://the-steppe.com/lyudi/istorik-doktor-ph-d-garvardskogo-universiteta-mihail-akulov-nashe-obshchestvo-ravnodushno-k-istorii> (дата обращения: 04.05.2023).
15. *Нарышева К.* Деколониальность бытия, знания и ощущения. Интервью с исследователем, профессором постколониального феминизма университета Линчепинга Мадиной Тлостановой [Электронный ресурс]. URL: https://vlast.kz/persona/42074-dekolonialnost-bytia-znania-i-osusenya.html?fbclid=IwAR3S-57_zMR7DDzPpXf158yStfNT66bcc51vEkn4exgzZnE9jqMXb7MJV54 (дата обращения: 02.11.2020).
16. *Пулери М.* Русофония как эпистемологический вызов // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 76–98.
17. *Тишков В.А.* Условноющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–19.
18. *Тлостанова М.* Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/ (дата обращения: 16.03.2023).
19. Уйти, чтобы вернуться. Из дневника Мурата Ауэзова // *Manqi el*. 2013. № 2. С. 70–76.
20. *Ушакин С.* Колониальный омплет и его последствия: о публичных историях постколониального социализма // Всё в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.

21. Халид А. Центральная Азия: От века империй до наших дней: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 560 с.
22. Шафранская Э. Колониальная и постколониальная литература: терминология и содержание // Филология и культура. 2019. № 1(55). С. 203–211.
23. Ширинян Т. На пути к квирной постнациональной политике: представляя, что нация не выживает // Ab Imperio. 2023. № 1. С. 59–75.
24. Эдвард Саид, постколониализм и деколонизация сегодня. Форум // Неприкосновенный запас. 2024. № 157(5). С. 3–46.
25. Burbank J., von Hagen M., Remnev A., eds. Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington, Indiana University Press, 2007, 538 p.
26. Dabashi H. Brown Skin, White Masks. London, New York, Pluto Press, 2011, 165 p.
27. Getty A., Siegelbaum L.H., eds. Reflections on Stalinism. Ithaca, New York, Northern Illinois University Press, 2024, 232 pp.
28. Edgar A., Luehrmann S., Abashin S., Gapova E. «Sub Altera Specie»: a view at postcolonial paradigm from inside russian/soviet history. *Ab Imperio*, 2008, no. 2, pp. 80–92.
29. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*, 2020, no. 129(01), pp. 1–29.
30. Hansen C.B. The Ambivalent Empire Soviet Rule in the Uzbek Soviet Socialist Republic, 1945–1964. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute, 2013, 25 p.
31. Kamalov A. Post-Soviet historiographies of Central Asia in the context of theory of Postcolonialism // Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия «Юг»: материалы конференции. Алматы, 2011. С. 30–33.
32. Laruelle M. The Tensions of Positionality Reflection. *Ab Imperio*, 2023, no. 1, pp. 35–40.
33. Morrison A. Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial. Available at: URL: http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook (Access Date: 2017, Oct. 27).
34. Sartori P. What do we talk about when we talk about “decolonizing Russian history”? Available at: URL: <https://www.oaew.ac.at/sice/sice-blog/what-do-we-talk-about-when-we-talk-about-decolonizing-russian-history> (Access Date: 2023, Nov. 8).
35. Suny R.G. Sheila Fitzpatrick's black comedy. *Ab Imperio*, 2023, no. 4, pp. 103–104.
36. Tlostanova M. What Does it Mean to Be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire (Duke University Press, 2018). Available at: URL: https://caa-network.org/archives/204-49?fbclid=IwAR07F7IC7OabcXsbEMr_fZO2v63wewXsAYqmezYQSpHyd8SNFthjDPBx8Y (Access Date: 2020, Sept. 13).

АМАНЖОЛОВА ДИНА АХМЕТЖАНОВНА – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, Москва (amanzholova19@mail.ru).

Dina A. AMANZHOLOVA

THE CONCEPT OF NEOCOLONIALISM: SOME STUDY QUESTIONS

Key words: history, historiography, the Soviet national policy, the concept of neocolonialism.

Studying the concept of neocolonialism in relation to the Soviet experience in national politics is relevant in the interests of criticizing the so-called postcolonial studies of the USSR and Russia as a colonial power.

The purpose of the study is to analyze the concept of neocolonialism, which opposes the evidence-based study of complex problems of the essence of national politics.

Materials and methods. The research is based on the latest foreign historiography, which is analyzed on the basis of the methods of contextualization, classification, the problem-chronological and comparative methods.

Results. The articles examines the approaches of modern foreign historiography of the Soviet national policy that have developed in recent years, related to promotion of both the concept of neocolonialism, which spread as a so-called decolonial turn, and postcolonial studies of situations in former colonies of the West – Africa, Asia and Latin America, which have become popular since the end of the XX century. This concept is shown to be formed on the basis of an array of postcolonial literature and the so-called “decolonial” discourse about Russia as an imperial power. The author points out the most common interpretations of the USSR as a colonial empire, thematic blocks and plots from the history of the Soviet national politics, which are used in attempts to justify the need to “decolonize” the history, the culture and the social memory of the Soviet past in Russia. The author notes rejection to study the basic

factors of development and vital activity of ethno-social communities related to the state, the socio-economic development and the essence of the Soviet modernity project, which is alternative to the Western one. Examples of neocolonial historiographical practices are given, their characteristic features and techniques are pointed out, including ignorance or unwillingness to take into account the factual basis of the Soviet history and national policy, first and utmost in economics and social development; substitution of grounded research involving archival and other verified sources with an apology for the subjective experiences of "subalterns" with the search for colonization in symbolic violence, intimate experiences, self-identification and all kinds of representations; discrediting the state and calling for the creation of communities of change through decolonization of consciousness, thinking, art, education, subjectivity; criticism of static identities and territorial identifications as opposed to the Soviet construction of ethnic identity.

Conclusion. The analysis of examples on neocolonialism concept promotion indicates the tendency to select "incriminating" facts and politicized subjectivism in study the multiculturalism in Russia/ the USSR with neocolonial attempts to prove the need for "decolonization" of the post-Soviet space. It is proposed to update the grounded study of modernization processes in the economy, political and socio-cultural spheres as the actual basis of nation-building.

References

1. Akabarova K. *Kino v sovetskom Uzbekistane: mezhdru orientalizmom, modernizatsiei i natsiostroitel'stvom. Retseziya* [Cinema in Soviet Uzbekistan: between Orientalism, Modernization and Nation Building. Review]. *Ab Imperio*, 2024, no. 3, pp. 177–184.
2. Baba H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse (Russ. ed.: *Mimikriya i chelovek. Dvoistvennost' kolonial'nogo diskursa*). *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/1/mimikriya-i-chelovek-dvoistvennost-kolonialnogo-diskursa.html> (Accessed Date: 2023, Mar. 4).
3. Bisenova A., Medeuova K. *Davlenie metropolii i tikhkii natsionalizm akademicheskikh praktik* [The pressure of the metropolises and the quiet nationalism of academic practices]. *Ab imperio*, 2016, no. 4, pp. 207–255.
4. Borisenok E.Yu. *Fenomen sovetskoi ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. The 1920s and 1930s]. Moscow, Evropa publ., 2006, 256 p.
5. Gapova E. *Klassy natsii: feminist'skaya kritika natsiostroitel'stva* [Classes of Nations: A Feminist Critique of Nation-Building]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 368 p.
6. Gapova E. *Natsional'noe znanie i mezhdunarodnoe priznanie: postsovetskaya akademiya v bor'be za simvolicheskie rynki* [National knowledge and international recognition: the post-Soviet Academy in the struggle for Symbolic markets]. *Ab imperio*, 2011, no. 4, pp. 289–319.
7. Drie H. *Kino, natsiya, imperiya: Uzbekistan, 1919–1937* [Cinema, Nation, Empire: Uzbekistan, 1919–1937]. Saint-Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2023, 468 p.
8. *Kavkaz i Tsentral'naya Aziya posle dvadtsati let nezavimosti: k pereosmysleniyu ponyatiya «Yug»: material'nyy konf.* [Proc. of the Conf. «The Caucasus and Central Asia after twenty years of independence: towards rethinking the concept of the "South"». Almaty, 2011, 253 p.
9. Kalinivskii A. *Prizyvnikhi sotsializma: tadzhik'skaya intelligentsiya i dekolonizatsiya po-sovetski* [Conscripts of Socialism: The Tajik intelligentsia and Soviet-style decolonization]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 161. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21976/ (Accessed Date: 2023, Mar. 16).
10. Kasymbekova B. *O detsentralizatsii sovetskikh issledovaniy i organizatsii novykh platform dlya dialoga* [On the decentralization of Soviet research and the organization of new platforms for dialogue]. *Ab imperio*, 2022, no. 1, pp. 115–120.
11. Larionov O. *Posle sloma. «Vnutrennyaya kolonizatsiya» revisited* [After the scrap. «Internal Colonization» revisited]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2024, no. 157, pp. 47–62. Available at: <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/ed8/u7j0qpb307b908fvt0692vmog55zhwmc/157-NZ-Larionov.pdf> (Accessed Date: 2023, Mar. 16).
12. Malakhov V.S., Letnyakov D.E. *Kolonial'naya analogiya: o pol'ze i vrede yazyka postkolonial'nykh issledovaniy v postsovetskom kontekste* [The Colonial Analogy: the benefits and harms of the language of postcolonial studies in the post-Soviet context]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2023, no. 6, pp. 113–127.
13. Martin T. *Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Empire of «positive activity». Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 662 p.
14. Mikhail Akulov. *«Nashe obshchestvo ravnodushno k istorii»* [«Our society is indifferent to history»]. Available at: <https://the-steppe.com/lyudi/istorik-doktor-ph-d-garvardskogo-universiteta-mihail-akulov-nashe-obshchestvo-ravnodushno-k-istorii> (Accessed Date: 2023, May 4).
15. Narysheva K. *Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oschuscheniya. Intervyu s issledovatelem, professorom postkolonial'nogo feminizma universiteta Linchepinga Madinoy Tlostanovoi* [The

decoloniality of being, knowledge and feeling. Interview with Madina Tlostanova, researcher, Professor of postcolonial feminism at Linköping University]. Available at: https://vlast.kz/persona/42074-dekolonialnost-bytia-znania-i-osusenia.html?fbclid=IwAR3S-57_zMR7DDzPpXfI58yStfNT66bcc51vEkn-4exgzZnE9jqMXb7MJV54 (Accessed Date: 2020, Nov. 2).

16. Puleri M. *Rusofoniya kak epistemologicheskii vyzov* [Russophonism as an Epistemological Challenge]. *Ab Imperio*, 2023, no. 1, pp. 76–98.

17. Tishkiov V.A. *Uslozhnyayushee raznoobrazie: kak ego ponimat' i uporyadochit'* [Complicating diversity: how to understand and organize it]. In: *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsii* [The cultural complexity of modern nations]. Moscow, 2016, pp. 7–19.

18. Tlostanova M. *Postkolonial'nui udel i dekolonial'nyi vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya* [Postcolonial destiny and the decolonial choice: post-socialist mediation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 161(1). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/-161_nlo_1_2020/article/21972/ (Accessed Date: 2023, Mar. 16).

19. *Ūiti, chtoby ostat'sya. Iz dnevnika Murata Auezova* [Leave to return. From Murat Auezov's diary]. In: *Mangi el* [Mangi el]. *Mezhdunarodnyi nauchno-populyarnyi zhurnal* [International Popular Science Magazine], 2013, no. 2, pp. 70–76.

20. Ushakin S. *Kolonial'nyi omlot i ego posledstviya: o publichnykh istoriyakh postkolonii sotsializma* [The Colonial omelet and its consequences: on the public Histories of the postcolonies of Socialism]. In: *Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoi istorii* [Everything is in the past: Theory and Practice of Public History]. Moscow, Novoe izdatel'stvo publ., 2021, 448 p.

21. Khalid A. *Central Asia: From the Age of Empires to the Present Day* (Russ. ed.: *Tsentral'naya Aziya: Ot veka imperii do nashikh dnei*). Moscow, Al'pina non-fikshn publ., 2024, 560 p.).

22. Shafranskaya E. *Kolonial'naya i postkolonial'naya literatura: terminologiya i sodержanie* [Colonial and postcolonial literature: terminology and content]. *Filologiya i kul'tura*, 2019, no. 1(55), pp. 203–211.

23. Shirinyan T. *Na puti k kvirnoi postnatsional'noi politike: predstavlyaya, chto natsiya ne vyzhivaet* [On the Way to Queer Post-National Politics: Imagining that the Nation Does Not Survive]. *Ab Imperio*, 2023, no. 1, pp. 59–75.

24. *Edvard Said, postkolonializm i dekolonizatsiya segodnya* [Edward Said, postcolonialism and decolonization today]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2024, no. 157(5), pp. 3–46.

25. Burbank J., von Hagen M., Remnev A., eds. *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, Indiana University Press, 2007, 538 p.

26. Dabashi H. *Brown Skin, White Masks*. London, New York, Pluto Press, 2011, 165 p.

27. Getty A., Siegelbaum L.H., eds. *Reflections on Stalinism*. Ithaca, New York, Northern Illinois University Press, 2024, 232 pp.

28. Edgar A., Luehrmann S., Abashin S., Gapova E. «Sub Altera Specie»: a view at postcolonial paradigm from inside russian/soviet history. *Ab Imperio*, 2008, no. 2, pp. 80–92.

29. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*, 2020, no. 129(01), pp. 1–29.

30. Hansen C.B. *The Ambivalent Empire Soviet Rule in the Uzbek Soviet Socialist Republic, 1945–1964*. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute, 2013, 25 p.

31. Kamalov A. Post-Soviet historiographies of Central Asia in the context of theory of Postcolonialism. In: *Kavkaz i Tsentral'naya Aziya posle dvadtsati let nezavimosti: k pereosmysleniyu ponyatiya «Yug»: materialy konf.* [Proc. of the Conf. «The Caucasus and Central Asia after twenty years of independence: towards rethinking the concept of the «South»]. Almaty, 2011, pp. 30–33.

32. Laruelle M. The Tensions of Positionality Reflection. *Ab Imperio*, 2023, no. 1, pp. 35–40.

33. Morrison A. *Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial*. Available at: http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook (Access Date: 2017, Oct. 27).

34. Sartori P. *What do we talk about when we talk about «decolonizing Russian history»?* Available at: URL: <https://www.oeaw.ac.at/sice/sice-blog/what-do-we-talk-about-when-we-talk-about-decolonizing-russian-history> (Access Date: 2023, Nov. 8).

35. Suny R.G. *Sheila Fitzpatrick's black comedy*. *Ab Imperio*, 2023, no. 4, pp. 103–104.

36. Tlostanova M. *What Does it Mean to Be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire*. Duke University Press, 2018. Available at: URL: https://caa-network.org/archives/20449?fbclid=IwAR07F7IC7OabcXsbEMrm_fZO2v63wewXsAYqmezYQSpHydJ8SNFthjDPBx8Y (Access Date: 2020, Sept. 13).

DINA A. AMANZHLOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow (aman-zholova19@mail.ru).

Формат цитирования: Аманжолова Д.А. Концепт неокOLONIALИЗМА: некоторые вопросы изучения // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 13–22. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-13-22.

УДК 625.1(094)(470)«1914/1918»

ББК ТЗ(2)-534-68-234(28-8)

С.Н. БЛИНЯЕВ, А.А. ДАНИЛОВ, М.Ю. ХАРИТОНОВ

ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Казанская губерния, военнопленные, продовольственное обеспечение, рацион питания, материально-бытовое положение, вещевое довольствие, нормы санитарного контроля, отопление помещения.

В настоящее время Россия вовлечена в вооруженный конфликт (проведение специальной военной операции на Украине и в ее рамках контртеррористической операции в Курской, Белгородской и Брянской областях, где введен соответствующий правовой режим), что порождает проблемы, связанные с появлением пленных комбатантов. Современные боевые действия подогревают общественный интерес к ретроспективному освещению, в контексте сравнительного анализа, вопроса материально-бытового положения военнопленных в годы Первой мировой войны на строго документальной основе, без конъюнктурных политических соображений и излишней идеологизации, так как это направление исследования остается не до конца изученным. Рассмотрение этой проблемы является актуальным, потому что позволяет выявить такие стороны военного плена, как особенности быта военнопленных, их взаимоотношений с местным населением, а это помогает понять глубинные аспекты войны. Кроме того, освещение вопроса материального содержания, обогрева, выработки и исполнения норм пищевого довольствия военнопленных, соблюдение в их отношении норм санитарного контроля в годы Первой мировой войны позволяет говорить о военном плене, как многогранной и важной проблеме, требующей тщательного изучения на различных уровнях для осмысления процессов, происходивших в это время в стране.

Цель исследования – изучение организации местными властями социально-бытовых условий содержания германских и австро-венгерских военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии, которые на данный момент административно включены в состав Республики Чувашия.

Материалы и методы. Ретроспективный анализ исторических аспектов темы осуществлен на основе неизданных архивных документов Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива Ульяновской области и научных публикаций отечественных исследователей, посвященных изучаемой теме. При разработке проблемы были использованы общеоисторические методы анализа и обобщения и специально-исторические (историко-сравнительный, структурно-функциональный, проблемно-хронологический).

Результаты исследования. В связи с размещением на территории Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии в годы Первой мировой войны германских и австро-венгерских пленных перед региональными общественными, военными и административно-чиновными структурами встала проблема согласования и исполнения решений центра в вопросе организации социально-бытовых условий содержания военнопленных. На конкретных примерах рассмотрены вопросы материального содержания, обогрева, выработки и исполнения норм пищевого и хозяйственного довольствия военнопленных, соблюдения в их отношении норм санитарного контроля. Для обеспечения военнопленных обмундированием властями Казанской губернии создавались мастерские для пошива одежды и починки обуви, приобретались сапоги, бывшие в употреблении. С целью административного регулирования вопроса приготовления пищи, отопления и освещения зданий вводился норматив потребления дровяного топлива. Для профилактики инфекционных заболеваний воинскими начальниками вводились санитарно-гигиенические правила для пленных. В статье представлены факты, свидетельствующие о значительном ухудшении материально-бытового положения пленных комбатантов из-за затягивания войны. Это выразилось в снижении уровня и качества хозяйственного, провиантского и медицинского обеспечения.

Выводы. В годы Первой мировой войны на территории Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии местными властями на законодательной базе были проведены в жизнь с той или иной степенью успешности мероприятия по организации социально-бытовых условий содержания и продовольственного обеспечения

германских и австро-венгерских военнопленных. С затягиванием войны изменились в худшую сторону основной рацион питания и материально-бытовое положение пленных нижних чинов, находившихся в распоряжении военных и гражданских властей, а правила содержания пленных офицеров ужесточались. Полученные результаты устраняют пробелы в региональной истории военного плена в годы Первой мировой войны и могут быть использованы при обобщении сведений и систематизации знаний по истории первого мирового конфликта на региональном уровне.

Введение. XX век – эпоха жесточайших военных конфликтов, дважды принимавших глобальный характер. И один из них – Первая мировая война, на ход которой решающее влияние, бесспорно, оказало активное участие в ней Российской империи. Любой вооруженный конфликт порождает целый ряд проблем, напрямую связанных с появлением пленных комбатантов, как противника, так и своих [1. С. 3]. События Первой мировой войны еще долго будут волновать умы россиян, накладывая особый эмоциональный отпечаток на восприятие нами трагедии военного плена. Изучение разных сторон проблематики материально-бытового положения военнопленных на территории Чувашского края (в пределах Казанской губернии) является актуальным потому, что в настоящее время наше государство находится в состоянии проведения специальной военной операции на Украине, частичной мобилизации Вооруженных сил Российской Федерации и проведения контртеррористической операции в Курской, Белгородской и Брянской областях, что приводит к усилению общественного интереса к выявлению таких сторон военного плена, как особенности быта военнопленных, их взаимоотношений с местным населением, а это помогает понять глубинные аспекты войны. Кроме того, освещение вопроса материального содержания, обогрева, выработки и исполнения норм пищевого довольствия военнопленных, соблюдение в их отношении норм санитарного контроля в годы Первой мировой войны позволяет говорить о военном плене, как многогранной и важной проблеме, требующей тщательного изучения на различных уровнях для осмысления процессов, происходивших в это время в стране. Актуальность теме придает и тот факт, что российские военнослужащие несут службу в так называемых «горячих точках» на территории Приднестровья, Южной Осетии, Таджикистана. Все это порождает проблемы, связанные с появлением военнопленных.

Публикация приурочена к 110-летней годовщине начала Первой мировой войны и является продолжением цикла статей одного из авторов¹, посвященных проблеме правового статуса и материально-бытового положения военнопленных в годы мирового конфликта.

¹ См.: *Блиняев С.Н.* Историография проблемы, связанной с правовым и материально-бытовым положением военнопленных в годы Первой мировой войны // Исторический поиск / Historical Search. 2023. Т. 4, № 4. С. 113–125; *Блиняев С.Н., Кежутин А.Н., Кистанов С.В.* Изменение правового статуса и социального положения военнопленных на территории Казанской губернии в результате Февральской революции // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всерос. (Нац.) науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Чебоксары, 26 января 2024 г.) / отв. ред. Р.В. Михайлова, Е.В. Агаева. Чебоксары: Чуваш. аграр. ун-т, 2024. Вып. 5. С. 61–66; *Блиняев С.Н.* Правовое положение военнопленных в годы Первой мировой войны (на материалах Казанской и Симбирской губерний) // Научно-образовательные и прикладные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 15 ноября 2023 г. Чебоксары: Чуваш. аграр. ун-т, 2023. С. 755–760; *Блиняев С.Н.* Правовое положение военнопленных, размещенных на территории Казанской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны // Научно-образовательные и прикладные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 15 ноября 2023 г. Чебоксары: Чуваш. аграр. ун-т, 2023. С. 760–764.

Цель исследования – изучение организации местными властями социально-бытовых условий содержания германских и австро-венгерских военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии, которые на данный момент административно включены в состав Республики Чувашия.

Материалы и методы исследования. Основными источниками при рассмотрении темы стали архивные материалы фондов № 82 и 86 Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), фонда № 76 Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), тематического сборника ГИА ЧР и научные публикации отечественных исследователей, посвященные изучаемой теме.

При разработке проблемы авторы использовали общеисторические методы анализа, обобщения и специально-исторические методы (историко-сравнительный, структурно-функциональный, проблемно-хронологический).

Результаты исследования. Недостижимость быстрой победы над врагом и завершение мировой войны в неопределенном будущем привели власти Российской империи к необходимости организации материального содержания и пищевого довольствия военнопленных. Кроме того, требовалось организовать оптимальный режим содержания военнопленных, создающий условия для охраны, изоляции контингента и исключающий возможность побега [11. С. 186]. Ситуация осложнялась тем, что в места постоянного расквартирования пленные прибывали, как правило, в сильно изношенной одежде и обуви. Это хорошо видно из «Акта об освидетельствовании обуви прибывшей в г. Ядрин партии военнопленных нижних чинов Австрийской армии» от 5 ноября 1915 г.: из 80 пар обуви (штиблет) 46 были с изорванными передками, задниками, изношенными подошвами и 3 пары были «совершенно развалившимися». К акту была приложена требовательная ведомость Ядринского уездного воинского начальника подполковника Савицкого на 73 руб. 60 коп. [10. С. 132–136]. Аванс для приобретения материалов и инструментов выделялся Окружным интендантством Казанского военного округа через начальника Казанской местной бригады для починки одежды, обуви и белья военнопленных нижних чинов «силами самих пленных» [10. С. 142].

Поэтому 8 ноября 1915 г. в г. Ядрин из г. Ардатов Симбирской губернии «в видах удешевления и сокращения расходов казны» прибыло 15 пленных мастеров – портных и сапожников для пошива одежды и починки обуви. Сапожная мастерская и «закройная швальня» для них была создана 11–12 ноября 1915 г. при Управлении Ядринского уездного воинского начальника. Пороговые цены на заготовление обуви, одежды и белья для них были объявлены приказом по Казанскому военному округу за № 1287 от 6 ноября 1915 г., однако практически сразу они оказались ниже постоянно растущих реальных рыночных цен [10. С. 438–439]. Повышение цен заставляло уездных воинских начальников неоднократно обращаться к начальнику Казанской местной бригады об установлении новых цен [10. С. 438–439].

Такая же ситуация с износом обуви и обмундирования военнопленных сложилась при управлении Цивильского уездного воинского начальника. Согласно актам и его приказам по хозяйственной части от 5 и 10 ноября 1915 г. пленным было выдано, взамен «пришедших в совершенную непригодность вещей», 68 нательных рубашек, 12 исподних брюк, 1 пара сапог и по 2 пары шерстяных носков и шаровар [10. С. 132–136, 142].

Согласно примечаниям к «высочайше» утвержденному 5 августа 1915 г. Особому журналу Совета министров, обувь (сапоги) для военнопленных в случае дороговизны их заготовления необходимо было приобретать «удешевленных типов», которые находились «в употреблении» местных сельскохозяйственных рабочих [7. Д. 1387. Л. 90об.]. К концу 1915 г. снабжение пленных комбатантов всеми видами довольствия приобрело черты бюрократической пунктуальности и четкой централизации. По нормам вещевого содержания военнопленным полагались: а) солдатская шинель без погонов; б) черная суконная шапка без кокарды; в) по 2 пары сапог и исподних брюк; г) суконные куртка-камзол и шаровары без выпушек; д) 2 рубахи; е) галстук, а в холодное время года – полушубок и суконные рукавицы [6. Д. 1107. Л. 6]. Правда, не всегда эти нормы были выполнимы в силу недостатка ресурсов тыловых интендантских служб и, в случае крайней нужды в обуви, предлагалось снабжать их лаптями с теплыми портянками [10. С. 46].

Прибытие пленных комбатантов на территорию Казанской губернии остро поставило вопрос их пищевого довольствия. Кроме того, требовала скорейшего разрешения жизненно важная ситуация с их обогревом в местах казарменного размещения. Эти проблемы были решены военным ведомством изданием и реализацией двух приказов: № 50 в 1914 г. и № 20 в 1915 г., которые устанавливали нормативную базу для административного регулирования вопроса приготовления пищи, отопления и освещения зданий, в которых размещались военнопленные нижние чины из расчета расходов на одного пленного солдата в размере 3 руб. 50 коп. в год (только на 7 «зимних» месяцев с октября по апрель) [10. С. 165, 172]. В эту же сумму входили траты на дрова для выпекания хлеба и варки пищи [10. С. 178].

Кроме того, поставка дров на вышеозначенные нужды для военнопленных регламентировалась Уставом о земских повинностях. На основании особого положения для войск Казанского военного округа (отзыв Главного штаба 1907 г. № 8066) казна поставляла «на 10 человек в месяц на хлебопечение 4 вершка и на варку пищи 6 вершков трехполенной меры» (1 вершок равнялся 1/48 сажени, или 4,445 см) [10. С. 165]. Согласно «Ведомости о годовых квартирных окладах, установленных Казанским губернским распорядительным комитетом на 1-го военнопленного нижнего чина по г. Ядрину и Ядринскому уезду» от 5 января 1916 г. цена за постой в них разнилась: в городе она составляла 5 руб., а в уезде – 4 руб. [10. С. 172]. Та же норма квартирного оклада 18 января 1916 г. была установлена для Цивильского уезда [10. С. 178].

Для отопления помещений в г. Чебоксары, где разместились 5 офицеров и 64 военнопленных нижних чинов «Германской и Австрийской армий», в январе–апреле 1915 г. было доставлено 46 сажень еловых дров для 8 печей, из которых было израсходовано 32 сажени. За январь и февраль 1915 г. на варку пищи и хлебопечение было использовано 5 сажень 2 аршина 175 вершков дров (1 сажень равнялась 3 аршинам, или 48 вершкам – 213,36 см). В сентябре того же года военнопленным были доставлены 1200 соломенных мат (снопов соломы) для спальных нар [7. Д. 1358. Л. 262–263]. Согласно отчету Чебоксарской городской управы, отправленному Казанскому распорядительному комитету, на приспособление и оборудование помещений под размещение в них пленных было израсходовано 740 руб. 23 коп [7. Д. 1384. Л. 2–5, 39–40]. В целом, обеспечение нормальных условий существования сотням тысяч вражеских солдат ложилось непосильным бременем на экономику страны, и в частности регионов [2. С. 73].

Массовость заболеваний пленных сыпным и брюшным тифом в целом по стране ранее вызывала озабоченность Главного управления Генерального штаба, в телефонограмме от 7 сентября 1915 г. начальникам местных бригад говорилось «о немедленном принятии самых энергичных мер по предупреждению дальнейшего распространения среди военнопленных заболеваний брюшным и сыпным тифом», а командующий войсками Казанского военного округа в декабре 1915 г. даже объявил, что «развитие тифа среди военнопленных им будет относиться к бездействию власти воинских начальников» [10. С. 441].

С целью профилактики заболеваний среди пленнх комбатантов губернские и уездные власти составляли санитарно-гигиенические правила, отправляя регламенты уездным гражданским и военным властям, которые должны были развешивать их для ознакомления в местах казарменного размещения военнопленных. 20 экземпляров таких предписаний на польском, немецком и «мадьярском» (венгерском) языках были отправлены из канцелярии Казанского губернатора на имя Чебоксарского городского головы П.Е. Ефремова для распространения среди военнопленных [7. Д. 1384. Л. 72, 84]. 23 января 1916 г. они были вывешены для военнопленных нижних чинов, состоящих при управлении Чебоксарского уездного воинского начальника. Разработал их Чебоксарский воинский начальник Г.П. Слюсаренко совместно с врачом приемного покоя Н.С. Петровым и ввел в действие приказом по управлению с предписанием «строго руководствоваться ими» [10. С. 175].

В заглавии вышеприведенных правил говорилось, что «чистота тела, белья и одежды и полный порядок в казармах – главное условие сохранения здоровья», поэтому все пленные нижние чины были обязаны: 1) ежедневно, по возможности часто, мыть руки и лицо с мылом; 2) не менее трех раз в месяц мыться в казенной бане, летом – купаться ежедневно по составленному для каждой роты расписанию в купальне управления на р. Волге; 3) не реже одного раза в неделю менять нижнее белье; 4) одежду стирать в прачечной, но предварительно вываривать в котле в течение 10 минут, способ которого заключается в следующем: в котел с кипящей водой вместимостью 10 ведер вливалась смесь из неочищенной карболовой кислоты, зеленого мыла, которое употреблялось в качестве дезинфицирующего (уничтожающего микробов) средства, и скипидара (2 фунта), и уже затем опускалось для варки белье; 5) как нижнее белье, так и верхнюю одежду не менее двух раз в неделю проутюживать горячим паровым утюгом с обеих сторон, в особенности на швах и складках; 6) кроме утюжения, белье и одежду («платье») не менее двух раз в неделю промазывать в швах и складках особыми кистями жидкостью Малинина, которая использовалась для умерщвления насекомых в помещении (эту смесь рекомендовалось перед употреблением разбавлять пополам с керосином, а верхнюю одежду выколачивать палкой, протирать и вычищать щетками, смоченными той же жидкостью); 7) волосы на голове стричь машинкой два раза в месяц; 8) не уклоняться от обязательных ежедневных прогулок ротами или командами [10. С. 175–177, 442].

Отдельно воинские начальники требовали соблюдать образцовую чистоту в казармах. Согласно санитарно-гигиеническим правилам, виновные в нарушении указанных предписаний должны были подвергаться строгим наказаниям. Непосредственное «заведывание» санитарной частью военнопленных возлагалось на врача приемного покоя Н.С. Петрова. В помощь ему назначались медицинский фельдшер и три санитаря. Фельдшер обязан был ежедневно обходить

все казармы и следить за состоянием здоровья пленных, а также за исполнением ими настоящих правил. При малейшем подозрении на появление заразного заболевания военнопленные должны были немедленно сообщать об этом врачу. Санитары в приемном покое выполняли поручения врача и фельдшера, а также руководили уборкой и дезинфекцией помещений [10. С. 177, 442].

После размещения пленных комбатантов в казармах, они ставились на чайное, приварочное и кормовое довольствие, которое было идентично продовольственному содержанию солдат русской императорской армии [4. С. 1326–1328].

31 мая, 20 и 29 июля 1915 г. Военным Советом были утверждены нормы провиантского и хозяйственного довольствия неработающих военнопленных и привлеченных к работам. Неработающим полагалось в день: 1/4 фунта мяса (102,5 г); свинины, баранины или рыбы, при условии выдачи пленным 2 раза в неделю обязательно постной пищи; крупы – 24 золотника (96 г); хлеба – 2 фунта (820 г); приварочного довольствия (на 2,5 коп.) [8. Д. 1008. Л. 165]. Ранее полагавшиеся им по норме 15 коп. в месяц на хозяйственные нужды и чайное довольствие отменялись [8. Д. 1042. Л. 33]. Работающие получали следующую суточную «дачу»: 2,5 фунта хлеба (или 1 ф. 72 зол. ржаных сухарей), 3/4 фунта свежего мяса или рыбы, 0,48 зол. чая, 6 зол. сахара, 24 зол. крупы и 3,5 коп. приварочных денег (1 фунт равнялся 96 золотникам или 409,5 граммов) [9. С. 184]. Питание пленных не должно было быть лучше пищевого рациона русских работников, находящихся на службе в том же хозяйстве [3. С. 32]. Понятно, что нормы питания нижних чинов не всегда выдерживались на практике [12. С. 234]. Как правило, у офицеров были некоторые преимущества перед рядовыми солдатами, в том числе это касалось и продовольственного обеспечения [3. С. 32].

В отношении содержания военнопленных офицеров было установлено, что закупкой съестных припасов для них занимаются от одного до трех «увольняемых» офицеров из числа пленных с денщиками в зависимости от их числа в пункте расквартирования. Назначенный для закупки продуктов офицер имел право покупать на базаре «все решительно имеющиеся в продаже продукты», но «без намеренной переплаты», существующей на рынке стоимости продукта, за соблюдением чего обязательно наблюдал сопровождающий офицера нижний чин конвойной команды [10. С. 262–263]. Для «господ» офицеров были устроены кухни, контроль над которыми принадлежал одному из них, причем в еде для них не было практически никаких ограничений, кроме алкоголя [5].

В конце войны правила содержания военнопленных офицеров были ужесточены. Так, 17 января 1917 г. Казанским вице-губернатором «Двора Его Величества Камергером» Дьяченко был издан циркуляр «О нормах ежедневной покупки продовольствия военнопленными офицерами». Он появился вследствие недовольства местного населения тем, что пленные офицеры, не считаясь с недостатком и высокой стоимостью продуктов на местных рынках, стали покупать их без всякого ограничения. Поэтому в циркуляре и была определена максимальная норма ежедневной покупки пищевых продуктов пленными офицерами, врачами и чиновниками. С правилами должны были ознакомить и продавцов съестными припасами под расписку о привлечении «к законной ответственности в установленном порядке» за их нарушение. При этом военнопленным нижним чинам покупка продуктов на рынке и в лавках была совершенно воспрещена, так как они получали довольствие по существующим правилам от 15 июня 1916 г. «казарменным порядком», как особые войсковые части [10. С. 313–315].

С затягиванием войны менялся в худшую сторону и основной рацион питания пленных нижних чинов, находящихся в распоряжении военных властей.

Так, после изданного казанским губернатором 16 сентября 1916 г. циркуляра № 261 были введены следующие изменения в их нормы пищевого довольствия: во-первых, вводилось по аналогии с русской императорской армией 2 «мясопустных дня» в неделю; во-вторых, 2 раза в неделю производилась замена мясной порции на яйца и соленую рыбу, сообразно существующей для войск «норме замещения», из расчета 3 яйца за полфунта мяса и 18 золотников рыбы за четверть фунта мяса [7. Д. 1384. Л. 91, 101]. В свою очередь, на пленных, находящихся в распоряжении гражданских властей, распространялись нормы довольствия и содержания, которые действовали на предприятиях в отношении русских рабочих [8. Д. 1043. Л. 175].

Материальное положение военнопленных нижних чинов также стало ухудшаться, что хорошо видно из циркуляра Казанского губернатора № 65 от 26 февраля 1916 г. В нем он указывает, что некоторые организации, использующие военнопленных на работах, «не считают себя обязанными заботиться» о них [6. Д. 1007. Л. 6]. Хотя по закону им полагались соответствующие помещения для казарменного проживания, возможность регулярного посещения бани, получения медицинской помощи и право отдыха в воскресный день [7. Д. 1384. Л. 63–65]. Расходы же на лечение больных военнопленных должны были производиться в размере, определенном для соответствующих чинов русской армии [8. Д. 1042. Л. 33].

В целом, содержание пленных офицеров дорого обходилось русской казне. Это хорошо видно из «Приказа по управлению Чебоксарского уездного воинского начальника по строевой части о зачислении на довольствие прибывших военнопленных офицеров» от 19 февраля 1916 г. Доставленные под конвоем в Чебоксары обер-офицеры Германской армии Лео Майер и Австрийский – Вильгельм Ипсмиллер были зачислены на жалованье исходя из годового оклада в 338 руб. 40 коп. и 600 руб. соответственно. Оба офицера были размещены в квартире дома Таврина [10. С. 205].

Выводы. Таким образом, недостижимость быстрой победы над врагом и завершение войны в неопределенном будущем с неизбежностью привели власти Российской империи к необходимости организации материального обеспечения, обогрева, пищевого довольствия, санитарных условий содержания и правового регулирования положения военнопленных. Ситуация усугублялась тем, что пленные прибывали в места постоянного расквартирования, как правило, в сильно изношенной одежде и обуви. Поэтому уездные воинские начальники создавали сапожные мастерские, «закройные швальни» для пошива одежды и починки обуви военнопленных, а также, в силу недостатка ресурсов тыловых интендантских служб, приобретали лапти с теплыми портянками и сапоги «удешевленных типов».

Уже в начале Первой мировой войны в России на законодательном уровне были отрегулированы вопросы, касающиеся вещевого и продовольственного содержания военнопленных. Военные власти посредством издания и реализации ведомственных приказов установили нормативную базу для административного регулирования вопроса приготовления пищи, отопления и освещения зданий, в которых размещались военнопленные нижние чины. Поэтому к концу 1915 г. снабжение пленных комбатантов всеми видами довольствия приобрело черты бюрократической пунктуальности и четкой централизации. Были установлены максимальные тарифы на обеспечение одного военнопленного в конкретной местности. В целом, обеспечение нормальных условий существования тысячам вражеских солдат ложилось непосильным бременем на экономику региона.

Материально-бытовые условия проживания пленных определялись особыми правилами содержания, а продовольственное обеспечение – строго регламентированными нормами пищевого довольствия. Летом 1915 г. Военным советом были утверждены нормы провиантского и хозяйственного содержания незадействованных в трудовой деятельности военнопленных и привлеченных к работам. Довольствие и снабжение всем необходимым военнопленных нижних чинов полностью оказалось в ведении уездных воинских начальников, которыми был установлен и распорядок дня для них. Военнопленные офицеры имели целый ряд привилегий, размещаясь на частных квартирах без охраны. С целью профилактики заболеваний среди пленных комбатантов губернские и уездные власти составляли санитарно-гигиенические правила, отправляя регламенты уездным гражданским и военным властям, которые должны были развешивать их для ознакомления в местах казарменного размещения военнопленных. С затягиванием войны менялись в худшую сторону основной рацион питания и материально-бытовое положение пленных нижних чинов, находившихся в распоряжении военных и гражданских властей. В конце войны правила содержания пленных офицеров были также ужесточены.

Литература и источники

1. Альбов В.Ю. Советские пленные второй мировой войны: по архивным материалам Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 28 с.
2. Бояренко В.Г. Иностранцы военнопленные в Западной Сибири в период Первой мировой и гражданской войн // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3(4). С. 72–75.
3. Ильязова Р.В., Кузнецов В.Н. Условия содержания австро-венгерских и германских военнопленных в концентрационных лагерях Симбирской губернии в Первую мировую войну // Симбирский научный вестник. 2013. № 1(11). С. 30–34.
4. Коллективный портрет военнопленных Первой мировой войны (по материалам Тобольской губернии) / А.А. Валитов, В.С. Сулимов, И.С. Томилов, Д.Ю. Федотова // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–6. С. 1326–1330.
5. Кузнецова Е.А. Особенности содержания и социально-бытового обеспечения военнопленных в годы Первой мировой войны в Симбирской губернии [Электронный ресурс]. URL: https://www.pedgazeta.ru/pages/2015/07/03/ms_143587173 (дата обращения: 12.08.2024).
6. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1.
8. ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1.
9. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. 432 с.
10. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое Время, 2014. 520 с.
11. Федин С.А., Тимофеева Е.Г. Содержание и охрана военнопленных: опыт мировых войн (на материалах астраханского региона) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (101). С. 186–192.
12. Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. 2014. № 4–2 (84). С. 232–236.

БЛИНЯЕВ СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет, Россия, Чебоксары (semen-blinjaev@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1686-1214>).

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7083-417X>).

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8498-6978>).

Semen N. BLINJAEV, Andrey A. DANILOV, Mikhail Yu. KHARITONOV

PROBLEMS OF MATERIAL AND DOMESTIC MAINTENANCE OF
WAR PRISONERS IN THE TERRITORY OF KAZAN GOVERNORATE
DURING THE WORLD WAR I

Key words: Kazan governorate, prisoners of war, food supply, food ration, material and living conditions, clothing allowance, sanitary control standards, room heating.

Currently, Russia is involved in an armed conflict (conducting a special military operation in Ukraine and, within its framework, a counter-terrorism operation in Kursk, Belgorod and Bryansk regions, where an appropriate legal regime was introduced), which creates problems associated with the arrival of captured combatants. Modern military operations are fueling the public interest in retrospective coverage, in the context of comparative analysis, of the issue of the material and living situation of war prisoners during the World War I on a strictly documentary basis, without opportunistic political considerations and excessive ideologization, since this area of research remains not fully understood. Consideration of this problem is relevant because it makes it possible to identify such aspects of military captivity as peculiarities of everyday life of war prisoners, their relationships with the local population, and this helps to understand the deeper aspects of the war. In addition, coverage of the issue of material maintenance, heating, development and implementation of food standards for war prisoners, and compliance with sanitary control standards during the World War I gives the opportunity to talk about military captivity as a multifaceted and important problem that requires careful study at various levels to understand the processes taking place in the country at that time.

The purpose of the study is to study the organization by local authorities of the social and living conditions for German and Austro-Hungarian war prisoners during the First World War in the territory of Tsivilsky, Cheboksarsky and Yadrinsky uyezds of Kazan governorate, which are currently administratively included in the Republic of Chuvashia.

Materials and methods. A retrospective analysis of the topic's historical aspects was carried out on the basis of unpublished archival documents of the State Historical Archive of the Chuvash Republic, the State Archive of Ulyanovsk region and scientific publications of Russian researchers devoted to the topic under study. In developing the problem, general historical methods of analysis and generalization and special historical methods (historical-comparative, structural-functional, problem-chronological) were used.

Results. Due to the deployment of German and Austro-Hungarian prisoners on the territory of Tsivilsky, Cheboksarsky and Yadrinsky districts of Kazan governorate during the World War I, regional public, military and administrative structures faced the problem of coordinating and executing the decisions of the center on organization of social and living conditions for war prisoners. Using specific examples, the issues of material maintenance, heating, development and implementation of food and household allowances for war prisoners, and compliance with sanitary control standards in relation to them are considered. To provide war prisoners with uniforms, the authorities of Kazan governorate created workshops for sewing clothes and repairing shoes, and purchased used boots. In order to administratively regulate the issue of cooking, heating and lighting of buildings, a standard for the consumption of firewood fuel was introduced. To prevent infectious diseases, military commanders introduced sanitary and hygienic rules for prisoners. The article presents facts indicating a significant deterioration in the material and living conditions of captured combatants due to prolongation of the war. This expressed in a decrease in the level and quality of household, food and medical care.

Conclusions. During the World War I, on the territory of Tsivilsky, Cheboksarsky and Yadrinsky districts of Kazan governorate, local authorities implemented within the legislative framework with varying degrees of success, measures to organize social and living conditions for the detention and food supply of German and Austro-Hungarian war prisoners. As the war dragged on, the basic diet and the material and living conditions of the lower-ranking prisoners at the disposal of the military and civilian authorities changed for the worse, and the rules for the detention of captured officers became more rigorous. The results obtained eliminate gaps in the regional history of military captivity during the World War I and can be used to summarize information and systematize knowledge on the history of the first World conflict at the regional level.

References

1. Al'bov V.Yu. Sovetskie plennye vtoroi mirovoi voyny: po arkhivnym materialam Nizhegorodskoi oblasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Soviet prisoners of World War II: based on archival materials of the Nizhny Novgorod region. Abstract of Cand. Diss.]. Nizhnii Novgorod, 2004, 28 p.

2. Boyarenko V.G. *Inostrannye voennoplennyye v Zapadnoi Sibiri v period Pervoi mirovoi i grazhdanskoj voin* [Foreign prisoners of war in Western Siberia during the First world war and the civil war]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2015, no. 3(4), pp. 72–75.
3. Il'yazova R.V., Kuznetsov V.N. *Usloviya soderzhaniya avstro-vengerskikh i germanskikh voennoplennykh v kontsentratsionnykh lageryakh Simbirskoi gubernii v Pervuyu mirovuyu voinu* [Conditions of detention of Austro-Hungarian and German prisoners of war in concentration camps of Simbirsk province in the First World War]. *Simbirskii nauchnyi vestnik*, 2013, no. 1(11), pp. 30–34.
4. Valitov A.A., Sulimov V.S., Tomilov I.S., Fedotova D.Yu. *Kollektivnyi portret voennoplennykh Pervoi mirovoi voiny (po materialam Tobol'skoi gubernii)* [Collective portrait of prisoners of war of the First World War (based on the materials of the Tobolsk province)]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2014, no. 12-6, pp. 1326–1330.
5. Kuznetsova E.A. *Osobennosti soderzhaniya i sotsial'no-bytovogo obespecheniya voennoplennykh v gody Pervoi mirovoi voiny v Simbirskoi gubernii* [Features of the maintenance and social welfare of prisoners of war during the First World War in the Simbirsk province]. Available at: https://www.pedgazeta.ru/pages/2015/07/03/ms_143587173 (Accessed Date: 2024, Aug. 12).
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 76. Opis 1* [The State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 76. Anagraph 1].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 82. Anagraph 1].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 86. Opis 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 86. Anagraph 1].
9. Os'kin M.V. *Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi. Plennyye. Dezertiry. Bezhtentsy* [Unknown tragedies of the First world war. Prisoner. Deserters. Refugees]. Moscow, Veche Publ., 2011, 432 p.
10. Kozlov F.N. *Pervaya mirovaya voina: avstro-vengerskie i germanskije voennoplennyye v Chuvashii (dokumenty i materialy Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Chuvashskoi Respubliki)* [World War I: Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia (documents and materials of the State historical archive of the Chuvash Republic)]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ, 2014, 520 p.
11. Fedin S.A., Timofeeva E.G. *Soderzhanie i okhrana voennoplennykh: opyt mirovykh voin (na materialakh astrakhanskogo regiona)* [The maintenance and protection of prisoners of war: the experience of world wars (based on materials from the Astrakhan region)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, no. 6(101), pp. 186–192.
12. Fedorova T.V. *Problema sotsial'no-bytovykh uslovii soderzhaniya avstro-vengerskikh voennoplennykh na territorii Vostochnoi Sibiri vo vremya Pervoi mirovoi voiny* [The problem of social and living conditions of Austro – Hungarian prisoners of war in Eastern Siberia during the First world war]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 4–2(84), pp. 232–236.

SEMEN N. BLINJAEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General Education Disciplines, Chuvash State Agrarian University, Russia, Cheboksary (semen-blinjaev@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1686-1214>).

ANDREY A. DANILOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (danilov.andrey@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7083-417X>).

MIKHAIL Yu. KHARITONOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (muha21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8498-6978>).

Формат цитирования: Блинjaев С.Н., Данилов А.А., Харитонов М.Ю. Проблемы материально-бытового содержания военнопленных на территории Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 23–32. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-23-32.

**ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ ЧУВАШИИ:
ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ**

Ключевые слова: прокуратура Чувашской Республики, ветераны Великой Отечественной войны, Иван Григорьевич Григорьев.

Приближается 80-летие победы СССР в Великой Отечественной войне, что побуждает нас с особым вниманием отнестись к ветеранам этой войны. Прокурор Иван Григорьевич Григорьев, отметивший в 2024 г. свое столетие, – один из немногих, кто может поделиться сегодня своими воспоминаниями о войне. Несмотря на обилие юбилейных статей о ветеране, нет публикаций, в которых бы полностью освещался его жизненный путь. Изучение его деятельности – не только долг наших современников, но и возможность изучить вклад фронтового поколения работников прокуратуры Чувашии в совершенствование ее работы и укрепление законности и правопорядка.

Цель исследования – на основе документальных источников и источников личного происхождения проанализировать биографию видного представителя фронтового поколения работников прокуратуры Чувашской АССР Ивана Григорьевича Григорьева.

Материалы и методы. В ходе исследования придерживались принципов историзма, объективности и системного анализа. Источниками являлись интервью с И.Г. Григорьевым, материалы его личного архива, документы из ведомственного архива прокуратуры Чувашской Республики, публикации о юбилеях И.Г. Григорьева, статьи о нем в энциклопедиях, а также монографические исследования о прокуратуре Чувашской Республики. В работе применялись историко-генетический, историко-сравнительный и биографический методы исторического исследования.

Результаты исследования. В деятельности прокуратуры Чувашской автономии с первых лет ее существования остро стоял вопрос кадрового обеспечения для ее успешной деятельности по защите законности и правопорядка. В годы Великой Отечественной войны небольшой прогресс в этом вопросе, достигнутый в 1930-е гг., был перечеркнут тем, что многие работники прокуратуры ушли на фронт, усилилась ротация кадров, не хватало специалистов с высшим юридическим образованием. Поэтому приход на работу в прокуратуру после войны фронтовиков позволил решить острую проблему нехватки прокурорских кадров. Ярким представителем этого фронтового поколения является Иван Григорьевич Григорьев. Выходец из крестьянской семьи, он начал свою трудовую деятельность сельским учителем, но в 1942 г. был призван в действующую армию. Он достойно прошел свой фронтовой путь, участвовал в боях по освобождению Левобережной Украины, Крыма, Белоруссии и Польши, взятии Кенигсберга, Данцига и Штеттина. 3 апреля 1945 г. его подразделение встретилось с союзными британскими и американскими войсками в районе Гамбурга. После демобилизации в декабре 1945 г. он вернулся на работу в школу, но вскоре решил связать свою жизнь с правоохранительной деятельностью. После окончания Казанского юридического института в 1950 г. он 15 лет служил в органах прокуратуры Чувашской АССР в Урмарском, Октябрьском и Козловском районах, а в 1963 г. стал заместителем прокурора Чувашской АССР. В его прокурорской деятельности были небольшие перерывы, связанные с избранием Ивана Григорьевича на партийные должности. Он очень много сделал для улучшения кадрового состава прокуратуры Чувашии. С 1965 г. И.Г. Григорьев работал в партийных и советских органах и лишь в 1994 г. в возрасте 70 лет ушел на заслуженный отдых. Ветеран и сейчас поддерживает контакт с работниками прокуратуры, являя собой пример искреннего служения делу законности и правопорядка.

Выводы. Иван Григорьевич Григорьев является видным представителем фронтового поколения работников прокуратуры Чувашии. Сельский учитель, фронтовик, он внес большой вклад в совершенствование работы прокуратуры, обновление ее кадрового состава. Его работа в партийных и государственных органах способствовала улучшению их работы и планомерному развитию Чувашии. Изучение его жизни и деятельности способствуют более полному пониманию той роли, которую сыграли ветераны Великой Отечественной войны в развитии нашей страны.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что с учетом приближающейся 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне особую важность приобретает освещение жизненного, боевого и трудового пути представителей поколения фронтовиков. Судьбы этих людей, одолевших страшного врага и успешно восстановивших разоренную войной страну, должны стать нравственным ориентиром для молодого поколения россиян, деструктивное влияние на которых со стороны недружественных России сил с каждым годом возрастает. Научная новизна исследования связана с введением в научный оборот личных воспоминаний И.Г. Григорьева из его интервью, ранее нигде не опубликованных документов из личного архива прокурора и ведомственного архива кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики. Они содержат ценные сведения, позволяющие сделать важные выводы об особенностях становления и развития прокуратуры Чувашии.

Цель исследования заключалась в том, чтобы на основе документальных источников и источников личного происхождения проанализировать биографию видного представителя фронтового поколения работников прокуратуры Чувашской АССР Ивана Григорьевича Григорьева.

Материалы и методы. В ходе исследования придерживались принципов историзма, объективности и системного анализа. Источниками являлись интервью с И.Г. Григорьевым, материалы его личного архива, документы из ведомственного архива прокуратуры Чувашской Республики, публикации о юбилеях И.Г. Григорьева, статьи о нем в энциклопедиях, а также монографические исследования о прокуратуре Чувашской Республики. В работе применялись историко-генетический, историко-сравнительный и биографический методы исторического исследования.

Отдельные аспекты исследования освещены в трудах ученых, посвященных истории прокуратуры [4, 8, 10]. Использованные материалы предоставили ценный массив данных об эволюции республиканской прокуратуры, но в содержании существующей литературы освещены не все стороны рассматриваемого вопроса. В частности, не дана оценка вкладу представителей фронтового поколения работников прокуратуры Чувашской АССР в обеспечение законности и правопорядка в послевоенные годы, не представлено описание боевого и трудового пути его представителей, в частности – прокурора И.Г. Григорьева. Таким образом, проведенный обзор литературы показывает, что жизнь и деятельность И.Г. Григорьева как представителя фронтового поколения работников прокуратуры Чувашской АССР (ЧАССР) еще не была предметом специального научного исследования.

Результаты исследования. Прокуратура Чувашской автономной области начала свою деятельность в 1922 г. В первые годы ее работы остро встали вопросы кадрового обеспечения. Многие работники, являясь верными сторонниками советской власти, тем не менее не имели не только юридического образования, но и законченного школьного. Только перед началом Великой Отечественной войны была создана организационная и правовая основа советской прокуратуры как органа, осуществляющего высший надзор за исполнением законов и судебной деятельностью в ЧАССР.

После начала Великой Отечественной войны значительная часть прокуроров и следователей ЧАССР была мобилизована в действующую армию. Осложняла работу и постоянная ротация кадров. Прокурорско-следовательский

состав пополнялся за счет женщин, ранее работавших секретарями районных и городских прокуратур, а также выпускниками заочных юридических учебных заведений [10. С. 51].

На протяжении всех военных лет сохранялась острая нехватка прокурорских работников в ЧАССР. Ситуация с кадровым обеспечением начинает меняться после окончания войны. На фронтах Великой Отечественной войны сражались за Родину 143 работника прокуратуры Чувашии. На полях сражений погибли 27 прокуроров и следователей из Чувашии [8. С. 77–78].

После окончания войны кадры прокуратуры пополнились не только теми ветеранами, которые вернулись на прежнее место работы, но и представителями поколения фронтовиков, решивших связать свою судьбу с защитой правопорядка, правосудия и законности.

Для восполнения потерь в кадровом составе прокуратуры ЦК ВКП(б) 5 октября 1946 г. принял постановление «О расширении и улучшении юридического образования». По всей стране были открыты курсы переподготовки юридических кадров [4. С. 99]. Однако к началу 1951 г. из 32 районных прокуроров в Чувашии высшее юридическое образование имели только 10, а среднее юридическое образование – 6 человек [8. С. 86].

Поэтому большое значение для совершенствования работы прокуратуры ЧАССР имело привлечение новых кадров из числа фронтовиков, доказавших свою преданность Родине в сражениях Великой Отечественной войны. Среди прокурорских работников из числа фронтовиков, пришедших на работу в прокуратуру, следует упомянуть Пантелея Васильевича Васильева, Ивана Анисимовича Журавлева, Варсанофия Ивановича Иванова, Николая Николаевича Краснова, Геннадия Ивановича Иванова и др.

Один из них – видный представитель фронтового поколения работников прокуратуры ЧАССР, прокурор Иван Григорьевич Григорьев, жизнь которого типична для поколения фронтовиков, но, с другой стороны, он обладает уникальными чертами. Иван Григорьевич сегодня единственный ныне живущий ветеран Великой Отечественной войны из числа работников прокуратуры, который является носителем уникальных знаний. Он в январе 2024 г. отпраздновал свое 100-летие. В сентябре 2024 г. Иван Григорьевич согласился дать нам интервью, материалы которого лежат в основе статьи. Ветеран не только сообщил важные факты своей биографии, но и предоставил возможность ознакомиться с документами из своего личного архива. Эти источники позволяют увидеть характерные черты жизненного пути фронтового поколения работников прокуратуры Чувашской Республики.

Иван Григорьевич Григорьев родился 14 января 1924 г. в с. Турмыши (ныне Янтиковского района Чувашской Республики) в семье крестьян, где было шестеро детей [2. С. 1]. Все они выросли достойными людьми.

По словам Ивана Григорьевича, судьба его братьев так или иначе была связана с воинской службой. Старший брат Ивана Григорьевича – Николай (1916–1994) – окончил в Ленинграде военную академию и работал во Владивостоке [5]. В годы Великой Отечественной войны Николай был призван на фронт и стал военным комендантом города Вязьма [12]. Следующий по старшинству – Алексей – родился в 1920 г., в 1939 г. поступил в Подольское артиллерийское училище. Погиб на фронте в ходе Великой Отечественной войны [5]. Один из двух младших братьев Ивана Григорьевича – Ивильян (1927–1981) – учился в Энгельсском авиационном военном училище, но в ходе одного

из тренировочных полетов самолет потерпел крушение, он получил ранение и в 1946 г. был демобилизован [5]. Затем он окончил в 1960 г. Казанский химико-технологический институт, работал инженером и секретарем парткома на Красноармейском оборонном заводе в Московской области, а затем – начальником конструкторского бюро завода имени Чапаева в Чебоксарах [3]. Младший из братьев Василий родился в 1936 г. Он был механиком на одном из канашских заводов [12]. Сестра Ивана Григорьевича Елена, которая родилась в 1928 г., работала в Канашской городской больнице [12].

Закончив в 1939 г. семилетку, Иван Григорьевич в возрасте 15 лет поступил в Канашское педагогическое училище. После его окончания И.Г. Григорьев работал по назначению учителем начальных классов в Яншихово-Норвашской средней школе Янтиковского района Чувашской АССР [13. С. 2–3]. 28 августа 1942 г. Иван Григорьевич был призван в ряды действующей армии. С ноября 1942 по июнь 1943 г. он учился на курсах военных радиотелеграфистов в поселке Акбулак Оренбургской области. После их завершения молодой боец был зачислен в отдел контрразведки «СМЕРШ» 4 Гвардейской минометной дивизии [7]. В 1943–1944 гг. органы контрразведки «СМЕРШ» выявили 293 изменников Родины, 100 подозреваемых в шпионаже, 76 пособников немецких оккупантов, 356 дезертиров, 58 террористов [1]. По воспоминаниям Ивана Григорьевича, на фронте он занимался обеспечением безопасности одного из наиболее секретных и стратегически важных видов советского оружия периода Великой Отечественной войны – боевых машин реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша» [5].

Иван Григорьевич служил на должности командира отделения на 3-м Украинском (09.1943–12.1943), 4-м Украинском (12.1943–07.1944) и 3-м Белорусском (11.1944–05.1945) фронтах [2. С. 7], участвовал в боях по освобождению Левобережной Украины, Крыма и Севастополя, Белоруссии и Польши, а также в сражениях по взятию Кенигсберга, Данцига и Штеттина. В интервью Иван Григорьевич упомянул о том, что во время службы в Крыму ему встречались пособники гитлеровцев среди местных жителей [5]. По воспоминаниям Ивана Григорьевича, его подразделение было среди частей Советской армии, встретившихся 30 апреля 1945 г. с союзными британскими и американскими войсками в районе немецкого города Гамбурга. Иван Григорьевич был дважды ранен – под Севастополем и Кенигсбергом [5]. Войну он закончил в должности химинструктора 41-й Минометной бригады Северной группы войск [7], в звании младшего лейтенанта [7]. Он был демобилизован 2 декабря 1945 г. [2. С. 4]. Иван Григорьевич награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями: Маршала Жукова, «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженных Сил СССР» [9].

После демобилизации И.Г. Григорьев в качестве специалиста народного хозяйства с 23 января по 15 февраля 1946 г. работал учителем начальных классов в Турмышинской средней школе, а с 16 февраля по июнь 1946 г. – учителем в Уразкасинской начальной школе [13. С. 2–3]. Молодой фронтовик был замечен руководством и в июле 1946 г. назначен инструктором Канашского райкома ВЛКСМ [13. С. 4–5]. Тогда же Иван Григорьевич принял решение поступить в Казанский юридический институт. По воспоминаниям ветерана,

это был его осознанный выбор, поскольку «обеспечение безопасности “Катюш” было связано со следственными действиями» [5]. Учитывая фронтový опыт Ивана Григорьевича, понятным является его стремление трудиться в сфере защиты законности и правопорядка.

Казанский юридический институт, который стал *alma mater* для Ивана Григорьевича, стал настоящей кузницей кадров для прокуратуры ЧАССР. Еще в 1931 г. был образован Казанский институт советского права для подготовки кадров с высшим юридическим образованием для национальных республик. В 1936 г. он был переименован в Казанский юридический институт. После окончания Великой Отечественной войны прием студентов был расширен, увеличилось число студентов на заочном отделении института. Так, вместе с Иваном Григорьевичем Григорьевым после Великой Отечественной войны в Казанском юридическом институте учились его земляки-фронтовики Федор Николаевич Майоров, Павел Васильевич Леонтьев, Виталий Григорьевич Лисов, Иван Иванович Иванов и многие другие, которые позже стали коллегами в прокуратуре ЧАССР. Иван Григорьевич вспоминает, что учиться в институте было нелегко [5]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что государственные экзамены были успешно им сданы в 1950 г. [6].

Здесь же, в Казани, произошла судьбоносная встреча студента юридического института со своей ровесницей – студенткой Казанского педагогического института Дарьей Ивановной Ивановой, которая вскоре стала его супругой. Дарья Ивановна всю жизнь посвятила учительской карьере, преподавала математику и позже исполняла обязанности завуча. В дружной семье Григорьевых родились две дочери [5].

После окончания Казанского юридического института 3 августа 1950 г. Иван Григорьевич был направлен стажером помощника прокурора Урмарского района. 4 февраля 1951 г. он был утвержден в этой должности [13. С. 4–5]. В 1951 г. [16] (по другим данным – в 1952 г. [7]) вступил в КПСС. Это расхождение в датах приема в партию объясняется тем, что первоначально Иван Григорьевич стал кандидатом в члены КПСС. Обычно кандидатский срок продолжался 1 год. В характеристике на И.Г. Григорьева, данной прокурором Урмарского района ЧАССР А.Л. Лаврентьевым, Иван Григорьевич характеризуется с положительной стороны. Отмечаются его юридическая грамотность и умение применять теоретические знания на практике [17]. В этой должности Иван Григорьевич лично расследовал с соблюдением всех процессуальных норм как минимум 4 следственных дела, участвовал в суде в качестве гособвинителя по 8 делам [19].

Успешная деятельность Ивана Григорьевича на должности помощника прокурора позволила 10 апреля 1952 г. выдвинуть его на должность прокурора Октябрьского района [20]. Прокурор ЧАССР И.М. Сидоркин положительно характеризовал работу И.Г. Григорьева на новом посту. Прокуратурой Октябрьского района в 1954 г. было расследовано 43 уголовных дела. Иван Григорьевич активно участвовал в политико-правовом просвещении населения, в 1954 г. он лично 26 раз выступил с публичными лекциями и докладами на правовые, политические и научные темы. И.Г. Григорьев, и на посту районного прокурора проявивший себя с положительной стороны, был рекомендован для назначения в другой район – Козловский, как гласит текст документа, «с большим объемом работы» [20].

С 14 февраля 1955 г. Иван Григорьевич стал прокурором Козловского района. В характеристике о деятельности И.Г. Григорьева на должности прокурора Козловского района, направленной прокурором Чувашской АССР Н.А. Баженовым на имя секретаря Чувашского обкома КПСС С.М. Ислюкова, отмечаются его инициативность и принципиальность при решении служебных вопросов.

В частности, было подчеркнуто, что И.Г. Григорьев, пребывая в должности прокурора Козловского района, «улучшил надзор за дознанием, благодаря чему снизилось количество необоснованно возбужденных уголовных дел» [18]. В 1959 г. в руководимой Иваном Григорьевичем прокуратуре было расследовано 55 уголовных дел [18]. Характеристика на И.Г. Григорьева, составленная прокурором ЧАССР Н.А. Баженовым, свидетельствует о том, что благодаря усилению Иваном Григорьевичем связи между вверенной ему прокуратурой и общественностью уровень преступности в Козловском районе в 1959 г. снизился на 47% по сравнению с 1958 г. [18]. 29 апреля 1960 г. он был назначен на второй конституционный срок.

Прокурорская деятельность позволяла узнать все стороны жизни района, наладить сотрудничество с людьми из разных социальных слоев и разных сфер жизни. Поэтому логичным было решение перевести прокурора И.Г. Григорьева на партийную работу. 11 марта 1961 г. Иван Григорьевич был избран вторым секретарем Козловского райкома КПСС [13. С. 8–9], а 28 июля 1962 г. – председателем исполкома Козловского районного Совета депутатов трудящихся [13. С. 10–11]. Теперь в центре его внимания были социальные, экономические и хозяйственные проблемы района. И.Г. Григорьев хорошо проявил себя на уровне района. Теперь его ждал республиканский уровень.

18 февраля 1963 г. И.Г. Григорьев приказом прокурора РСФСР был назначен на должность заместителя прокурора ЧАССР [13. С. 10–11]. В тексте монографии об истории чувашской прокуратуры, опубликованной в 2010 г., приводятся воспоминания Ивана Григорьевича о работе, проводимой им в период пребывания в этой должности. В частности, И.Г. Григорьев отмечает, что в центре его внимания на этом посту находились вопросы совершенствования кадров прокуратуры. «В центре внимания нашей повседневной работы находились вопросы подбора и воспитания прокурорских кадров. Прежде всего, мы добились создания действенного резерва. В его составе были работники, претендующие на замещение должностей прокуроров городов и районов, помощников прокуроров и следователей. В резерв зачислялись только лица с высшим юридическим образованием и с положительной характеристикой. С ними велась постоянная работа. Это помогало избежать необоснованных вакансий должностей. Молодые специалисты были на особом контроле, я им оказывал постоянную помощь в освоении профессии, стремились определить в каждом деловые и творческие способности, своевременно решали вопросы их продвижения по службе. Кропотливая, продуманная работа с кадрами давала положительные результаты. Выросли достойные прокурорские работники, пользующиеся заслуженным авторитетом и уважением, обеспечивающие укрепление законности и правопорядка на порученном участке работы» [10. С. 84]. Можно утверждать, что благодаря этой работе, проведенной Иваном Григорьевичем, было подготовлено немало достойных прокурорских работников, пользующихся заслуженным авторитетом и уважением, обеспечивающих укрепление законности и правопорядка в Чувашии.

В сентябре 1965 г. Иван Григорьевич вновь перешел на партийную работу. 21 сентября решением бюро обкома КПСС ЧАССР он был назначен на должность заведомо административных органов, где проработал до выхода на пенсию 15 августа 1984 г. [13. С. 20–21]. В 1985 г. Ивану Григорьевичу Постановлением Совета Министров СССР от 11 февраля 1985 г. была установлена персональная пенсия всесоюзного значения. Но, несмотря на это, даже в столь почтенном возрасте И.Г. Григорьев – фронтовик, ветеран прокуратуры и видный партийный деятель – продолжил свой трудовой путь. Вплоть до 1994 г. он занимал

различные должности в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти Чувашии. 23 августа Иван Григорьевич получил назначение на должность начальника 2-го отдела [13. С. 22–23] – одного из подразделений аппарата Совета Министров Чувашской АССР. В нем И.Г. Григорьев проработал вплоть до освобождения от должности по собственному желанию 11 мая 1989 г. [13. С. 22–23]. 6 августа 1990 г. он был назначен консультантом отдела по вопросам законодательства и правопорядка Секретариата Верховного Совета Чувашской АССР [13. С. 24–25], а 15 июня 1993 г. – консультантом юридического отдела Аппарата Верховного Совета Чувашской Республики [13. С. 24–25]. 18 апреля 1994 г. Иван Григорьевич стал исполняющим обязанности заведующего юридическим отделом Аппарата Верховного Совета Чувашской Республики [13. С. 26–27], а 26 мая 1994 г. был принят на должность специалиста-эксперта Представительства Президента Российской Федерации в Чувашской Республике [13. С. 26–27]. Эта должность стала завершающей в карьере Ивана Григорьевича.

Несмотря на то, что Иван Григорьевич последние годы находился на государственной службе, ему удалось сохранить теплые и по-настоящему дружеские связи с прокурорским ведомством, которому он посвятил более 15 лет жизни. За годы службы в органах прокуратуры И.Г. Григорьев приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 58-по от 17 апреля 2015 г. награжден медалью Руденко [15] и приказом № 17-по от 13 февраля 2014 г. – знаком отличия «За верность закону» III степени [14], а также И.Г. Григорьев неоднократно получал поощрения от Генерального прокурора ССР и прокурора ЧАССР [11].

Выводы. Профессиональный путь прокурора Ивана Григорьевича Григорьева демонстрирует высокую значимость деятельности фронтового поколения работников прокуратуры для налаживания работы ведомства в послевоенные годы. Перед республиканской прокуратурой в этот период наиболее остро стояли проблемы постоянной текучести кадров и недостатка высококвалифицированных специалистов с высшим юридическим образованием. Во многом эти проблемы были решены сотрудниками, доказавшими свою преданность Родине на фронтах Великой Отечественной войны, в частности прокурором Иваном Григорьевичем Григорьевым.

Помимо доблестной службы в рядах вооруженных сил СССР в годы Великой Отечественной войны, в числе основных результатов работы Ивана Григорьевича следует отметить значительное повышение эффективности функционирования прокуратур Октябрьского и Козловского районов ЧАССР, вверенных И.Г. Григорьеву в 1952–1955 и 1955–1961 гг. соответственно, а также создание действенного кадрового резерва в период его пребывания в должности заместителя прокурора Чувашии в 1963–1965 гг. Находясь на заслуженном отдыхе, Иван Григорьевич продолжал поддерживать связи с работниками прокуратуры Чувашской Республики.

Иван Григорьевич Григорьев является видным представителем фронтового поколения работников прокуратуры Чувашии. Сельский учитель, фронтовик, он внес большой вклад в совершенствование работы прокуратуры, обновление ее кадрового состава. Его работа в партийных и государственных органах способствовала улучшению их работы и планомерному развитию Чувашии. Изучение его жизни и деятельности способствуют более полному пониманию той роли, которую сыграли ветераны Великой Отечественной войны в развитии нашей страны. Иван Григорьевич относится к поколению, самоотверженность и трудолюбие которого воодушевляет и вдохновляет. В частности, боевой и трудовой

пути многих его коллег, среди которых Пантелей Васильевич Васильев, Иван Анисимович Журавлев, Варсанофий Иванович Иванов, Николай Николаевич Краснов, Геннадий Иванович Иванов и другие представители славного фронтового поколения, характеризуются большими успехами в работе. В этом ряду деятельность И.Г. Григорьева – пример беззаветного служения родной стране.

Литература и источники

1. Бондаренко А. Военные контрразведчики. М.: Молодая гвардия, 2019. 588 с.
2. Военный билет Григорьева Ивана Григорьевича // Личный архив И.Г. Григорьева. 9 с.
3. Григорьев Ивильян Григорьевич [Электронный ресурс] // Энциклопедия Янтиковского района: сайт. URL: <http://энциклопедии.наследиечувашии.рф/a/article/4050.html> (дата обращения: 28.09.2024).
4. Еремин А.В. История отечественной прокуратуры. СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т (фил.) ун-та Прокуратуры Российской Федерации, 2018. 135 с.
5. Интервью с Григорьевым Иваном Григорьевичем 1924 г.р. Дата проведения интервью 23 сентября 2024 г. Интервьюеры Иванова Т.Н., Казимиров М.С. // Полевые исследования автора.
6. Копия с подлинника свидетельства об окончании института Григорьевым И.Г. // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
7. Личный листок по учету кадров Григорьева И.Г. // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
8. На страже Отечества и Закона / сост. Н.Н. Агеева, О.В. Андреев, И.В. Дмитриева и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 306 с.
9. Подполковнику Ивану Григорьевичу исполнилось 100 лет [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Чувашской Республики: сайт. URL: <https://mintrud.cap.ru/news/2024/01/15> (дата обращения: 21.09.2024).
10. Прокуратура Чувашской Республики вчера и сегодня / под ред. В.Г. Метелина: сост.: И.Г. Сахаров и др. Чебоксары: СВ-Пресс, 2010. 243 с.
11. Прокуроры Чувашии поздравили ветеранов Великой Отечественной войны и ветеранов органов прокуратуры с Днем Победы [Электронный ресурс] // Прокуратура Чувашской Республики: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_21/activity/veterans-rights/news?item=73650161 (дата обращения: 30.09.2024).
12. Личное дело Григорьева И.Г. Сведения о ближайших родственниках // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
13. Трудовая книжка Григорьева Ивана Григорьевича // Личный архив И.Г. Григорьева. 27 с.
14. Удостоверение о награждении медалью «За верность закону» III степени Григорьева И.Г. // Личный архив И.Г. Григорьева.
15. Удостоверение о награждении медалью Руденко Григорьева И.Г. // Личный архив И.Г. Григорьева.
16. Характеристика аттестуемого Ивана Григорьевича Григорьева // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
17. Характеристика прокурора Урмарского района Лаврентьева А.Л. на помощника прокурора Урмарского района ЧАССР Григорьева И.Г. // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
18. Характеристика прокурора Чувашской АССР Баженова Н.А. на прокурора Козловского района ЧАССР Григорьева И.Г. // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
19. Характеристика прокурора Чувашской АССР Сидоркина И.М. на помощника прокурора Урмарского района ЧАССР Григорьева И.Г. // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.
20. Характеристика прокурора Чувашской АССР Сидоркина И.М. на прокурора Октябрьского района ЧАССР Григорьева И.Г. // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2428-2578>).

КАЗИМИРОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ – ассистент кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (cazimirov.maksim@yandex.ru).

Tatyana N. IVANOVA, Maxim S. KAZIMIROV

THE FRONT-LINE GENERATION OF EMPLOYEES AT THE PROSECUTOR'S OFFICE OF CHUVASHIA:
IVAN GRIGORIEVICH GRIGORIEV

Key words: the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic, veterans of the Great Patriotic War, Ivan Grigorievich Grigoriev.

The 80th anniversary of the victory of the USSR in the Great Patriotic War is approaching, which prompts us to pay special attention to veterans of this war. Prosecutor Ivan Grigorievich Grigoriev, who celebrated his centenary in 2024, is one of the few who can share his war memories today. Despite the abundance of commemorative articles about the veteran, there are no publications that would fully cover his life path. Studying his work is not only the duty of our contemporaries, but also an opportunity to study the contribution of the front-line generation of employees at the Prosecutor's office of Chuvashia to improving its work and strengthening law and order.

The purpose of the study is to analyze the biography of Ivan Grigorievich Grigoriev, a prominent representative of the front-line generation of prosecutors of the Chuvash ASSR, based on documentary sources and sources of personal origin.

Materials and methods. In the course of the research, the principles of historicism, objectivity and system analysis were adhered to. The sources were interviews with I.G. Grigoriev, materials from his personal archive, documents from the departmental archive of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic, and publications about I.G. Grigoriev's anniversaries, articles about him in encyclopedias, as well as monographic studies on the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic. Historical-genetic, historical-comparative and biographical methods of historical research were used in the work.

Research results. Beginning with the first years of its existence, the issue of staffing for its successful activities in protecting law and order was acute in the activities of the Prosecutor's Office of the Chuvash Autonomy. During the Great Patriotic War, little progress made in this issue in the 1930s was negated by the fact that many prosecutors went to the front, staff rotation increased, and there were not enough specialists with higher legal education. Therefore, the arrival of front-line soldiers to work in the prosecutor's office after the war made it possible to solve the acute problem of the prosecutorial staff shortage. Ivan Grigorievich Grigoriev is a prominent representative of this front-line generation. Coming from a peasant family, he began his career as a rural teacher, but in 1942 he was called up to the military service. He passed his front-line path with dignity, participated in the battles for the liberation of Left-bank Ukraine, the Crimea, Belarus and Poland, the capture of Königsberg, Danzig and Stettin. On April 3, 1945, his unit met with allied British and American forces near Hamburg. After demobilization in December 1945, he returned to work at school, but soon decided to engage with law enforcement. After graduating from Kazan Law Institute in 1950, he served for 15 years in prosecutor's offices of the Chuvash ASSR in Urmarsky, Oktyabrsky and Kozlovsky districts, and in 1963 became deputy prosecutor of the Chuvash ASSR. There were brief interruptions in his prosecutorial activities related to the election of Ivan Grigorievich to party positions. He did a lot to improve the staff of the Prosecutor's Office of Chuvashia. Beginning with 1965 I. G. Grigoriev worked in party and Soviet organs, and only in 1994, at the age of 70, he retired for a well-deserved rest. The veteran even now maintains contact with the staff of the prosecutor's office, being an example of sincere service to the law and order.

Conclusions. Ivan Grigorievich Grigoriev is a prominent representative of the front-line generation of employees at the Prosecutor's office of Chuvashia. A village teacher, a veteran soldier, he made a great contribution to improving the work of the prosecutor's office and renewing its staff. His work in party and state bodies contributed to the improvement of their work and systematic development of Chuvashia. The study of his life and work contributes to a more complete understanding of the role that the veterans of the Great Patriotic War played in the development of our country.

References

1. Bondarenko A. *Voennye kontrrazvedchiki* [Military counterintelligence agents]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2019, 588 p.
2. *Voennyyi билет Grigor'eva Ivana Grigor'evicha* [Military ID of Grigoriev Ivan Grigorievich]. In: *Lichnyi arkhiv I.G. Grigor'eva* [Personal archive of I.G. Grigoriev], 9 p.
3. Grigor'ev Ivi'yan Grigor'evich. Available at: <http://entsiklopedii.naslediechuvashii.rf/a/article/-4050.html> (Access Date: 2024, Sept. 28).
4. Eremin A.V. *Istoriya otechestvennoi prokuratury: uchebnoe posobie* [The history of the national prosecutor's office: a textbook]. St. Petersburg, 2018, 135 p.
5. *Interv'y u s Grigor'evym Ivanom Grigor'evichem 1924 g.r. Data provedeniya interv'y u 23 sentyabrya 2024 g. Interv'y uerya Ivanova T.N., Kazimirov M.S.* [Interview with Grigoriev Ivan Grigorievich born

in 1924. Date of the interview September 23, 2024 Interviewers Ivanova T.N., Kazimirov M.S.]. In: *Polevye issledovaniya avtora* [Personal research of the author].

6. *Kopiya s podlinnika svidetel'stva ob okonchaniy instituta Grigor'evym I.G.* [A copy of the original certificate of graduation by Grigoriev I.G.]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

7. *Lichnyi listok po uchetu kadrov Grigor'eva I.G.* [Personal personnel accounting sheet of Grigoriev I.G.]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

8. Ageeva N.N., Andreev O.V., Dmitrieva I.V. et al., comps. *Na strazhe Otechestva i Zakona* [On guard of the Fatherland and the Law]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2021, 306 p.

9. *Podpolkovniku Ivanu Grigor'evichu ispolnilos' 100 let* [Lieutenant Colonel Ivan Grigoryevich turned 100 years old]. Available at: <https://mintrud.cap.ru/news/2024/01/15> (Access Date: 2024, Sept. 21).

10. Metelin V.G., ed., Sakharov I.G. et al., comps. *Prokuratura Chuvashskoi Respubliki vchera i segodnya* [Prosecutor's Office of the Chuvash Republic yesterday and today]. Cheboksary, SV-Press Publ., 2010, 243 p.

11. *Prokurory Chuvashii pozdravili veteranov Velikoi Otechestvennoi voyny i veteranov organov prokuratury s Dnem Pobedy* [Prosecutors of Chuvashia congratulated veterans of the Great Patriotic War and veterans of the prosecutor's office on Victory Day]. Available at: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_21/activity/veterans-rights/news?item=73650161 (Access Date: 2024, Sept. 30).

12. *Lichnoe delo Grigor'eva I.G. Svedeniya o blizhaishikh rodstvennikakh* [Personal file of Grigoriev I.G. Information about the next of kin]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

13. *Trudovaya knizhka Grigor'eva Ivana Grigor'evicha* [The employment record of Grigoriev Ivan Grigorievich]. In: *Lichnyi arkhiv I.G. Grigor'eva* [Personal archive of I.G. Grigoriev], 27 p.

14. *Udostoverenie o nagrazhdenii medal'yu «Za vernost' zakonu» III stepeni Grigor'eva I.G.* [Certificate of awarding the medal "For loyalty to the law" of the III degree by Grigoriev I.G.]. In: *Lichnyi arkhiv I.G. Grigor'eva* [Personal archive of I.G. Grigoriev].

15. *Udostoverenie o nagrazhdenii medal'yu Rudenko Grigor'eva I.G.* [Certificate of awarding the Rudenko Medal by Grigoriev I.G.]. In: *Lichnyi arkhiv I.G. Grigor'eva* [Personal archive of I.G. Grigoriev].

16. *Kharakteristika attestuemogo Ivana Grigor'evicha Grigor'eva* [Characteristics of the certified Ivan Grigorievich Grigoriev]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

17. *Kharakteristika prokurora Urmarskogo raiona Lavrent'eva A.L. na pomoshchnika prokurora Urmarskogo raiona ChASSR Grigor'eva I.G.* [Characteristics of the prosecutor of the Urmarsky district Lavrentiev A.L. on the assistant prosecutor of the Urmarsky district CHASSR Grigoriev I.G.]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

18. *Kharakteristika prokurora Chuvashskoi ASSR Bazhenova N.A. na prokurora Kozlovskogo raiona ChASSR Grigor'eva I.G.* [Characteristics of the prosecutor of the Chuvash ASSR Bazhenov N.A. on the prosecutor of the Kozlovsky district of the CHASSR Grigoriev I.G.]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

19. *Kharakteristika prokurora Chuvashskoi ASSR Sidorkina I.M. na pomoshchnika prokurora Urmarskogo raiona ChASSR Grigor'eva I.G.* [Characteristics of the prosecutor of the Chuvash ASSR Sidorkin I.M. on the assistant prosecutor of the Urmarsky district CHASSR Grigoriev I.G.]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

20. *Kharakteristika prokurora Chuvashskoi ASSR Sidorkina I.M. na prokurora Oktyabr'skogo raiona ChASSR Grigor'eva I.G.* [Characteristics of the prosecutor of the Chuvash ASSR Sidorkin I.M. on the prosecutor of the Oktyabrsky district of the CHASSR Grigoriev I.G.]. In: *Vedomstvennyi arkhiv kadrovogo podrazdeleniya prokuratury Chuvashskoi Respubliki* [Departmental archive of the personnel department of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic].

TATYANA N. IVANOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tivanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2428-2578>).

MAXIM S. KAZIMIROV – Assistant Lecturer, Department of Public Law, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kazimirov.maksim@yandex.ru).

Формат цитирования: Иванова Т.Н., Казимиров М.С. Фронтное поколение работников прокуратуры Чувашии: Иван Григорьевич Григорьев // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 33–42. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-33-42.

УДК 398.95
ББК 63.5(2)

А.С. ИЛИКАЕВ

КЕРЕМЕТЫ (КИРЕМЕТЫ) КАК ПРИРОДНЫЕ ДУХИ И РОДОВЫЕ БОЖЕСТВА У МАРИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА

Ключевые слова: керемет (киреметь), культ кереметов, мари, мордва, татары, удмурты, чуваш.

Кереметы являются одними из важнейших образов и понятий в традиционных верованиях проживающих в регионе Урало-Поволжья народов. Несмотря на наличие большого числа работ, затрагивающих тему кереметов, до сих пор не существует обобщающего труда, посвященного указанной проблеме.

Цель исследования заключается в раскрытии происхождения и характера кереметов и их культа как природных духов и родовых божеств у мари и некоторых других народов Башкортостана.

Материалы и методы. Основой статьи послужили научная литература, а также полевые исследования автора. В работе использовался в основном сравнительно-исторический метод.

Результаты. В ходе анализа образов кереметов были выделены следующие положения. Термин «керемет» восходит к чувашскому слову «киремет» и является булгаро-исламским понятием. При этом у народов Урало-Поволжья, в том числе в республике Башкортостан, культ кереметов наложился на местные культы. Судя по некоторым архаическим названиям кереметов у восточных мари, можно предположить, что наиболее древним обликом кереметов был орнитоподобный. Также, возможно, кереметы могли почитаться в образе других животных. Очевидна связь кереметов с различными объектами (деревьями, источниками) и формами рельефа (горами, оврагами). Важно отметить, что у мари Башкирии, чувашей и удмуртов кереметы до сих пор часто обозначаются собственными наименованиями природных духов: водыж/тўнг, йерех, луд кузё. Вероятно, в основе местного культа кереметов лежали пережитки анимистическо-тотемистических верований.

Выводы. Таким образом, у мари, мордвы, татар, чувашей и удмуртов под кереметами, как правило, понимается категория духов, связанная с дикой природой и культом предков. Хотя некоторые кереметы, как, например, у татар, имеют прямое отношение к исламскому культу, ряд их основополагающих компонентов является исключительно «языческим».

Введение. Актуальность исследования заключается в том, что кереметы являются одними из важнейших образов и понятий в традиционных верованиях народов Урало-Поволжья в том плане, что они могут обозначать не только особую категорию священных рощ, но и класс божеств. Особенно велико значение культа кереметов для восточных мари, проживающих в основном на территории Мишкинского района Республики Башкортостан. В начале XX в. проблемой кереметов у восточных мари занимался В.М. Васильев [2]. В настоящее время непосредственно интересующему нас кругу вопросов посвящены исследования Н.В. Морохина [17], В.В. Денисова [8], Ю.А. Калиева [12], П.С. Голубкина [7], Д.Ю. Ефремовой [10], Г.Ю. Устьянцева [10], О.П. Вовиной [5], И.В. Дмитриевой [9], Р.Р. Садикова [29] и др. Кроме работ указанных авторов большее значение имеют этимологические разыскания Р.Г. Ахметьянова [1] и В.И. Вершинина [4]. Тем не менее до сих пор не существует обобщающего труда, посвященного данной проблеме. Остается не до конца выясненной природа собственно кереметов как категории персонажей и объектов религиозного культа.

Целью статьи является выяснение происхождения кереметов (киреметей) и их культа как природных духов и локально-родовых божеств преимущественно у мари и некоторых других народов Башкортостана. Это позволяет выделить их как архаические, так и относительно более поздние черты, ответить на вопрос об аутентичной или заимствованной основе культа кереметов.

Материалы и методы. В работе использовался в основном сравнительно-исторический метод. Дополнительно применялись методы сравнительной лингвистики и археологического анализа. Материалы, извлеченные из научной литературы по данной теме, полевых материалов автора, были сопоставлены между собой и проанализированы.

Результаты исследования. Еще Д. Месарош, Н.И. Ашмарин и другие исследователи, как указывают О.П. Вовина и И.В. Дмитриева, объясняли возникновение культа кереметей в Поволжье распространением культа мусульманских святых [5. С. 43; 9. С. 27]. По М. Фасмеру, слово кереметь «злой дух у мари и чувашей»; «языческое требище» было взято из чувашского *kirēmēt* «злой дух; место, где он обитает» (ср. тат. *kirämät* «целительное средство») [35]. Р.Г. Ахметьянов и В.Н. Напольских считают, что культ кереметов возник во времена Булгарии, а может быть, даже не позже XVI в., в Казанском ханстве и по существу является традицией почитания мусульманских святых, заимствованной местными финно-уграми от тюркских соседей [1. С. 31–32; 16]. В.Е. Владыкин полагает, что, хотя удмурты заимствовали культ кереметов от булгар вместе с исламом, он соединился у удмуртов с финно-угорским почитанием священной рощи [6. С. 206–207]. По мнению Н.Ф. Мокшина, кереметь среди мордвы не имел такого сильного распространения, как среди мари [15. С. 136].

У чувашей культ киреметей специально исследовал В.К. Магницкий. К числу зловредных киреметей ученый относил заложных покойников. Благодетельными киреметями считались духи предков (киремети Пулат, Пухур, Валём хуҫа). Кроме того, по В.К. Магницкому, киремети различались по рангу в зависимости от характера жертв. Более значимым (добрым?) приносили жертвы конями, быками, а менее значимым (злым?) – гусьями или даже горстью муки. При этом киремети не имели определенного облика и увидеть их было невозможно [9. С. 27–30].

По материалам Н.В. Морохина, кэрэмэт у татар мог выступать в роли одинокостоящего дерева Кургонсат («Страшное дерево»), но оно не только не почиталось, к нему избегали даже подходить [17. С. 244]. Иногда огораживались ветлы, выросшие на могиле уважаемого человека, основателя села. Под деревом оставляли монеты, молились в сторону Мекки. Деньги, считалось, предназначались самому Аллаху. Могли огородить необычную березу, которая выросла на могиле первопоселенца. К ней подходили в самых трудных случаях, прося помощи. При этом поклонение самим березам для татар было чуждым. В отличие от мари, татарину было незазорно срубить выросшую в неположном месте березу, то есть если дерево не росло на могиле, в нем как бы особой ценности не было [17. С. 241–243].

Более языческий характер носит культ киреметей у чуваш. Хотя в легендах присутствует отсылка к временам тюркских государств, упоминания о Мекке, Аллахе отсутствуют. Более того, подчеркивается некая оппозиционность исламу. Так, П.В. Денисов пересказывает предание о чувашском йомзе, асамӑҫе (волшебнике) Орахче, который служил татарскому хану, а потом перед смертью выпустил стрелу и завещал своим сыновьям похоронить его

на том месте, куда она упала – на лесной поляне. Там поставили камень, который стоит до сих пор, и надпись на нем сделана не по-чувашски [8. С. 102]. Вероятно, речь идет о болгарском надгробии. Впрочем, стоит отметить, что памятники на могилах вождей с антропоморфными изображениями и знаками власти родоплеменных вождей были характерны для ананьинской археологической культуры, которую связывают, в том числе, с предками марийцев и удмуртов [19. С. 163]. К.А. Руденко, указывая на найденные в болгарском археологическом памятнике XI–XII вв. наконечники стрел, считает, что они использовались не для стрельбы по мишеням или по врагам, а в ритуальных целях, выступая частью охотничьей магии [28. С. 42–43].

По мнению В.М. Васильева, названия марийских кереметов впоследствии часто искажались [2. С. 27–28] и становились жертвой народной этимологии. В связи с этим нам представляется ошибочным объяснение П.С. Голубкиным происхождения названия Ёкүдö керемета (Укудо павая) якобы от некоего «дяди Акуди», основателя одноименной деревни (Бирский р-н, Башкирия). Невверно также возводить топонимический мифоним ёкүдö к словам «у» + «кудо» (був. «новый двор, поселение») [7. С. 11], ибо в таком случае игнорируется имеющая смысловое значение разница между звуками «ё»/«ö» и «у»/«о» в марийском языке. По нашим полевым материалам, правильное название керемета – Ёкүдö (павай) керемет [24]. Однако лексема ёкүдö в словарях марийского языка отсутствует. Как нам видится, наиболее близкими к ней по фонетике являются слова ёлкö («нижний», ср. Ёлешял, «нижняя деревня») и ёнгö («филин», ср. Ёнгö корем, «овраг филина») [4. С. 582–583]. Скорее всего, первоначально Ёкүдö керемет мог называться Ёнгö керемет или Ёлкö керемет. Эту догадку подтверждают информанты, указывающие на то, что «ёкүдö» – это «крик какой-то лесной птицы» [21]. Таким образом, как нам видится, в изначальных именах марийских кереметов можно обнаружить указание на то, что некогда они имели орнитоподобный облик.

Л.С. Тойдыбекова отмечает, что башкирские мари в случае болезни обращались к птицам-кереметам, перечисляя всех кереметей, каких они знали. При этом назывались имена духов, которые вообще не содержали слово *керемет*: Перныше кугу узо лудо («Ударяющийся большой селезень»), Перныше кугу ош комбо («Ударяющийся большой гусь»). Обряд сопровождался жертвой Тул-аве, матери огня [31. С. 105]. В.А. Акцорин считает, что «божества Йёксö керемет, Йёксö шырт – “керемет лебеда”, “дух лебеда”, видимо, связаны с тотемами этнической группы привятских марийцев, женщины которой назывались среди сернурских марийцев “комбо вате-шамыч” – “женщины-гусыни”» [13. С. 271].

Сведения из этнографической литературы подтверждаются и даже несколько дополняются нашими полевыми материалами. Например, как указал информант в д. Старобедеево (Нуримановский р-н, Башкирия), в числе других кереметов поклонялись Пöрт кайык керемету («керемету домашней птицы»), олицетворявшему небо. Кроме того, некоторые люди видели перед Семыком (Семиком) ходящих по особой дороге кереметов, которые принимали образ гуся. Считалось, что если человек увидел гуся, то птицу следовало обязательно поймать и даже побить. Дорога, по которой ходил гусь, шла из поля в лес. При этом жрецы нарочно называли эту тропу шайтан/шакше корно (букв. «нечистая дорога»), чтобы отвадить от нее случайных людей [25]. В Мишкинском районе Башкирии имело место моление просто Кайык керемету («птице керемету») [24]. При этом в жертву кереметам, особенно Кугурак керемету,

могли приноситься зайцы, утки. Кроме того, в д. Старобедеево имелась Кёсăкă курык («змеиная горка»), на которой когда-то обитало множество змей и также располагался керемет [25]. Кереметов в образе гусей, скорее всего, почитали в д. Ирсаево и д. Озерки (Мишкинский р-он, Башкирия). «Дело было в начале 50-х годов, – сообщает информант. – Одна девочка пришла в школу с очень коротко стриженными волосами. Когда я спросила ее, зачем она так постриглась, девочка сказала, что ее постриг гусь» [23]. Другой информант отмечает, что «в деревне старики что-то говорили про гуся» [27].

К.А. Руденко, анализируя изображение на костяной накладке из Билярского городища (XI–XIV вв.), на которой имеется изображение двух птиц (филина, тетерева), а внизу – зайца, указывает, что в данном случае может идти речь о духах-прародителях отдельных племен. Например, такие птицы, как тетерев и филин, являлись тотемами хантов [28. С. 43–44]. Заслуживает внимания то, что марийское слово кӱдыр «тетерев» созвучно названию Ыкӱдӱ керемета. По мнению В.М. Васильева, у мари д. Тумна (д. Сусады-Эбалак, Янаульский р-он, Башкирия) сова в прошлом почиталась как тотем и хранительница семейного очага: женатые мужчины данного населенного пункта раз в год вместе с женами сходились в доме, где из рубленого мяса совы готовили пирожки и употребляли после соответствующего моления [3].

Однако чаще всего кереметы отождествлялись с деревьями, рощами. По нашим полевым материалам, в д. Василово (Калтасинский р-он, Башкирия) Керемет располагался на горе, поросшей дубняком, недалеко от Юмылан Памаш – священной рощи [21], в д. Большие Шиды (Нуримановский р-н, Башкирия) молились Шоло пушенге («вязовому дереву»). Когда-то его посадил один старый жрец, чтобы в деревне не пересыхали источники воды. Статус Шоло пушенге был очень высоким. Его даже считали «богом воды». При этом кереметы чаще всего представляли березовые или липовые рощи. Иногда кереметом могла выступать старая липа или даже упавшее посреди поля одинокое дерево [25], либо, как в деревне Кайраково (Бирский р-н, Башкирия), высохшие березы на болоте [20], а иногда просто пни, оставшиеся от в прошлом мощных деревьев. Например: Ноль тӱн («нолинский керемет»), которому жертвовали барана, курицу и свинью; Тум тӱн керемет («керемет дубового комля») – ему молились во время болезни и зимой жертвовали зайца [30. С. 86, 119]. Здесь сразу следует обратить внимание на многозначность термина тӱн, имеющего значения «комель, устье реки, основа, древний, родной» (ср. тӱн кӱсӧ «старая священная роща»). Слово присутствует в финском *tuvi*, удмуртском *din*, нганасанском *tofi*, есть соответствия и в тюркских языках: чув. тунката [4. С. 551]. Можно было бы предположить, что марийское тӱн определенным образом является близким чувашскому тӱн в значении «религия; вера» (от араб. *дин*). Однако, по М.Ф. Федорову, Н.И. Исанбаеву и В.И. Вершинину, таким чувашизмом в марийском языке является слово тын с аналогичным значением [4. С. 560]. К тому же в некоторых вариантах марийского пантеона Тӱн юмо – верховный бог, аналогичный Куго Юмо [30. С. 121]. Нельзя не указать на то, что имена таких духов и божеств мари, как шырт, водыж, мужо, во многом напоминали имена кереметов, строясь по сходной модели: Монар курык ышкыж мужо («дух быка горы Монар»). При этом духи мужо относились к классу духов йомшо («исчезнувший»): йомшо сузо («исчезнувший глухарь»), йомшо музо («исчезнувший рябчик») [31. С. 170–171].

Связь кереметов с водными объектами прослеживается достаточно четко. Это подтверждают как наши полевые материалы, так и сведения, имеющиеся в этнографической литературе. Известна категория духов ер водыж («озерных водыжей»). Считается, что ими стали убитые разбойники, являющиеся также кереметами [30. С. 39]. Водыж у мари являлся лесным божеством, обходящим по ночам селения в образе оленя. Деревья кланялись ему до земли, птицы пели ему песни, звери расступались перед ним [18. С. 257–259].

Кереметы располагались как на возвышенностях, холмах, так и в оврагах, низменностях. Например, в д. Василово (Калтасинский р-н, Башкирия) имелся керемет, находившийся на поросшей березами горе [21]. На горах располагались Курык Вуй Мырза Султан керемет, Султан керемет (на правом берегу реки Белой) и Ыкүдө керемет (на левом берегу) [18]. Один из опрошенных нами информантов указал, что в д. Тебеняки (Суксунский гор. округ, Пермский край) имело место поклонение Ыымал керемету (букв. «керемету низа») [26].

По всей видимости, последнее обстоятельство указывает на то, что слово «керемет» у мари действительно появилось позднее, для выражения понятий «природный дух, душа» вместо него ранее использовались собственные наименования вроде водыж, мужо, тун, шырт, йымал, йомшо, связанные с культом ручьев, деревьев, гор, оврагов (ср. также чувашский дух воды вуташ, имеющий финно-угорское происхождение). По крайней мере, в своды марийского фольклора такие духи, как шырт, водыж, овда, прямо называются кереметами [13. С. 102, 229]. По материалам Д.Ю. Ефремовой и Г.Ю. Устьянцева, кереметы до сих пор ассоциируются у мари с женскими демоническими духами – овдами. Причем последние могут представляться в виде сидящей у колодца незнакомой женщины, высокой черной тени на месте снесенного родового святилища кудо [10. С. 117].

Сходная ситуация, по-видимому, могла наблюдаться у удмуртов, знавших луд, мурт, вожо – природных духов-предков, а также мордвы, почитавшей озков – духов-покровителей и священных роц [30. С. 26–27, 86]. Удмуртский воршуд по своим функциям также весьма близок марийскому кудо-водыжу и чувашскому йереху [11. С. 99]. Так, указывает Н.И. Шутова, божество Луд/Керемет являлось у удмуртов Хозяином дикой природы, который контролировал окрестные территории [33. С. 237]. Закамские удмурты, по мнению Р.Р. Садикова, имели представление о Керемете в образе Луд/Керемет кузё (Хозяина Луда/Керемета), обитавшем в роце луд/керемете [27. С. 102].

Относительно йерехов у чувашей, представлявших собой чаще ветки, считается, что они приобрели функции киреметей недавно [14. С. 118]. Однако можно предположить и обратное, что культ киреметей отчасти наложился на традицию почитания несомненно аутентичных домусульманских йерехов, также связанных с почитанием деревьев, водных источников, оврагов, святых, способных насылать болезни и излечивать от них [11. С. 70]. Данная гипотеза подкрепляется еще тем обстоятельством, что в культе кереметов/йерехов сохранились, по мнению исследователей, некоторые матрицентричные пережитки. Например, йерех мог передаваться по женской линии (так же, как у казанских татар «материнские керемети») [11. С. 70]. Марийки, после того как выходили замуж, еще некоторое время продолжали поклоняться своему семейному Кудо-Водыжу в родительском кудо [11. С. 69]. У мари, кроме того, были известны персонифицированные «женские кереметы». Например, Пиямбар, жена керемета Кугыена, ей в жертву приносились, кроме уток, одежда, украшения [13. С. 63]. По мнению Ю.А. Калиева, культ Керемета у мари частично заменил прежние культы Кугурака и Кугыена [12. С. 389–406].

Природа кереметов представляется носителям традиции противоположной природе богов. Так, информант сообщает, что «Керемет, Султан, Акпатыр и другие были “кўшыл кашта” (нижняя ветка), ведь они стали мертвыми. Мы мертвым молимся. А “ўлыл кашта” (верхняя ветка) – боги...» [21]. В целом различие в культе богов и кереметов состояло в том, что богам жертвовали животных преимущественно белой, светлой масти. Кереметам приносился в жертву скот черной масти. Кроме того, кереметам могли жертвовать различных диких животных [21].

Сходным образом обрисовываются кереметы у удмуртов. По материалам Р.Р. Садикова, моления Луду нельзя смешивать с молениями Инмару. Поэтому Луда обслуживал особый жрец Луд/Керемет кузё [29. С. 105–107].

У восточных мари до сих пор существует различие добрых и злых кереметов. Так, в д. Старобедеево (Нуримановский р-н, Башкирия) информант к числу «поро кереметов» относит: Пёрт кайык керемет («керемет домашней птицы»), олицетворяющий небо; Коля керемет («мышинный керемет»), олицетворяющий землю; Элтыш керемет (скорее, как считает информатор, от собственного имени Элтыш). Согласно С.Я. Черных, последнее в форме Елтыш можно сопоставить с коми-пермяцким ёлтыш «обрубок, чурбан», мариийским йолт «вертеться», венгерским *eltes* «пожилой» [32. С. 126]. К числу «осал кереметов» относится Тореч керемет (ср. мар. тореш «поперечный»), Йўд керемет («ночной керемет»). Информант также отмечает, что в керемети богам не молятся. В жертву кереметам гусей и баранов не приносят, а только зайцев и куриц [25]. Удмурты жертвовали Луду коней, баранов, гусаков и селезней [29. С. 104–105].

По поводу культа кереметов у мари Башкирии исследователь П.С. Голубкин замечает, что в кереметах молитвы происходят не только во время праздников, но и во все дни, кроме среды и субботы. Традиционно обращения к кереметам сопровождаются принесением в жертву быков, баранов, гусей, уток. При этом на моления приглашаются члены рода – насыла [7. С. 22–23, 25, 27].

Собранные нами материалы позволяют уточнить сведения П.С. Голубкина. До сих пор в окрестностях д. Большесуэозово (Мишкинский р-н, Башкирия) находится около десятка семейных кереметов в виде липовых рощиц [22]. Живущие в ближайших селах мари имели свои родовые кереметы: Кайык керемет («птичий керемет»), Шукын керемет («кереметы нескольких родов»), Насыл керемет («родовой керемет»), Утымлан керемет («керемет безродных»). Моления кереметам происходили летом после Кўсё, на стареющую луну. Сначала молились Султан керемету, затем следовал перерыв. Новый цикл молений кереметам продолжался с конца августа до середины сентября. После моления родовым кереметам до зимнего моления Теле Кўсё вообще никаких молений не проводили. Кроме того, информант отмечает, что в некоторых деревнях кереметам молились не каждый год, а только в чрезвычайных обстоятельствах (эпидемиях, неурожае) [24]. Также, по всей видимости, с культом кереметов был связан весенний обряд «сўрем поктымаш» («изгнание сўрема»), когда молодые люди собирались на «тореш модыш» (проулках), чтобы гонять «осал керемет-влак» (шакше) рябиновыми и черемуховыми ветвями и получали за это в награду яйца. «Плохие» кереметы изгонялись в овраги. Затем молодые люди варили собранную по дворам снедь, но обязательно на берегу ручья или речки [25].

По материалам Р.Р. Садикова, в удмуртских деревнях также могло быть сразу несколько кереметов (лудов), что свидетельствует о родовом характере его культа. Так, в д. Малый Качак (Калтасинский р-н, Башкирия) имелось два

керемета. Киссапал керемету молились жители одной части деревни, Уллапал керемету – другой (низовины). В с. Купченеево (Ермекеевский р-н, Башкирия) имелся луд рода Бигра [29. С. 109–110].

Известен удмуртский обычай ритуального содержания и откармливания лебедей в керемети. Их потом спускали в воду на реке Вятке. М.Б. Шатилов отмечал, что удмурты не только почитали лебедя священной птицей, но и вели от него свое происхождение [34. С. 4].

У вятских мари (Уржумский р-он, Кировская область) сохранились сведения о том, что шырту (керемету) Моржану, который мог наслать «еловую болезнь духа бобра», поклонялись в деревнях Кизере, Тюм-Тюме и др., а Йүксö керемету (духу Лебеда) поклонялись в деревнях Кюйянэнгер, Комбомучаш и др. При этом Моржан жил на горе у речки, а Йүксö керемет – в глубоком овраге. Кереметы боролись друг с другом, поскольку каждый хотел, чтобы поклонялись только ему [13. С. 102]. Возможно, в данном сюжете отразились какие-то отголоски мифа о войне первобытных тотемов различных родов, аналогичные, например, соответствующим преданиям у обских угров о соперничестве Пор и Мось.

Выводы. В настоящее время общепризнанным является то, что источником слова «керемет» («киреметь») стало чувашское понятие «киремет», обозначающее духа и священную рощу, в которой этот дух обитает. При этом, хотя некоторые кереметы, как, например, у татар, имеют прямое отношение к исламскому культу (упоминание Аллаха, Мекки), ряд их существенных компонентов, как, например, у чувашей, является исключительно «языческим» (связь с колдунами, практикой жертвоприношений). Это предположение подтверждается археологическими находками, которые позволяют говорить о сохранении традиций финно-угорской охотничьей магии у местного населения и в булгарский период.

Судя по некоторым архаическим названиям кереметов у мари, можно предположить, что наиболее древним обликом кереметов был орнитоподобный (гусь, селезень, лебедь, филин). Также, возможно, исходя из характера приносимых жертв, по упоминаниям в фольклоре и археологическим материалам, кереметы могли почитаться в образе других животных (например, зайцев, бобров, оленей, змей). Очевидна связь кереметов с различными объектами: деревьями, пнями, источниками, камнями, а также формами рельефа (горами, оврагами). При этом можно отметить, что у мари, чувашей и удмуртов кереметы часто обозначаются собственными наименованиями природных духов: водыж/түн, йерех, луд кузё. Само слово «керемет» может не использоваться.

Кульτ кереметов, противопоставлявший культ богов, носил ярко выраженный родовой характер. В основе его, по всей видимости, лежали пережитки анимистическо-тотемистических культов, когда каждый род имел своего предка – какое-либо животное (например, птицу), растение. На это указывают и некоторые матриецентричные пережитки в практике почитания кереметов у мари, чувашей, казанских татар (например, передача керемета/йереха по материнской линии; персонифицированные «женские» кереметы). Кроме того, возможно также говорить о сохранении таких пережиточных форм тотемистических воззрений, лежащих в основе культа кереметов, как обычай ритуального наказания или, в прошлом, употребления керемета в пищу; мотив соперничества между кереметами различных родовых группировок.

Таким образом, несмотря на этимологию слова «керемет» («киреметь»), следует признать, что данный класс природных духов и родовых божеств у народов Урало-Поволжья, нося следы исламского воздействия, имеет в своей основе аутентичный характер. Почитание кереметов, несомненно, восходит еще к первобытной эпохе.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа марий. Краснококшайск: Маробиздат, 1927. 127 с.
3. Васильев В.М. Тотемистические пережитки в воззрениях марийского народа // Научно-рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Оп. 1. Ед. хр. 15.
4. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер = Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Т. 2. Н–Я. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 2018. 394 с.
5. Вовина О.П. Чувашская киреметь: традиции и символы в освоении сакрального пространства // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 39–65.
6. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
7. Голубкин П.С. Тайна «Султан-Керемета». Краткий историко-этнографический очерк о пережитках дохристианских народных верований восточных марийцев. Туймазы, 1994. 78 с.
8. Денисов В.В. Религиозные верования чуваш: Ист.-этногр. очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 408 с.
9. Дмитриева И.В. К вопросу о культе киреметь в дохристианской религии чувашей (по материалам В.К. Магницкого) // Вестник Чувашиского университета. 2008. № 1. С. 27–30.
10. Ефремова Д.Ю., Устьянцев Г.Ю. Бог, дух и дьявол. Статус и образ керемета в современном марийском фольклоре // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 114–123.
11. Иликаев А.С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: монография. Уфа: РИЦ УУНИТ, 2024. 330 с.
12. Калиев Ю.А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 447 с.
13. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В.А. Аккорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 285 с.
14. Матвеев Г.М. Культ киреметья в мифоязыческом сознании чувашского народа // Вестник Чувашиского университета. 2005. № 1. С. 110–118.
15. Мокишин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 244 с.
16. Молекулярная генеалогия. Этническая история: вопросы Владимиру Напольскому [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.molgen.org/index.php/topic,365.msg41024.html#msg41024> (дата обращения: 27.05.22).
17. Морохин Н.В. Боги Лесного Заволжья. Н. Новгород: Литера, 2023. 464 с.
18. Нурминский С.А. Очерк религиозных верований черемис // Православный собеседник. 1862. Ч. III, № 12. С. 236–296.
19. Обыдёнов М.Ф., Корепанов К.И., Потапова С.В. Картина мира и Мировое древо в памятниках искусства Урало-Поволжья. Уфа: Юрика, 2003. 289 с.
20. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2023. Республика Башкортостан, Мишкинский район, д. Кайраково. Записано у Галимуллина Д.А. (1954 г.р.).
21. ПМА. 2024. Республика Башкортостан, Калтасинский район, д. Василов. Записано у Зайнетдинова Р.З. (1954 г.р.).
22. ПМА. 2023. Республика Башкортостан, Мишкинский район, д. Большесухоязово. Записано у Изилева А.А. (1983 г.р.).
23. ПМА. 2024. Республика Башкортостан, Мишкинский район, д. Ирсаево. Записано у Иликаевой И.А. (1947 г.р.).
24. ПМА. 2023–2024. Республика Башкортостан, Мишкинский район, д. Ирсаево. Записано у Камилянова В.А. (1974 г.р.).
25. ПМА 2023–2024. Республика Башкортостан, Нуримановский район, д. Старобедеево. Записано у Матюшиной Л.С. (1971 г.р.).
26. ПМА 2024. Пермский край, Суксунский городской округ, д. Тебеняки. Записано у Паньковой Г.А. (1959 г.р.).
27. ПМА. 2023–2024. Республика Башкортостан, Мишкинский район, д. Озерки. Записано у Янмурзина А.А. (1974 г.р.).
28. Руденко К.А. Булгарские святилища XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования: сб. ст. / отв. ред., авт. предисл. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.
29. Садилов Р.Р. Культ Луда/Керемета у закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 102–112.

30. Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
31. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. 312 с.
32. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен (Марий ен лум-влак мутер). Около 16000 имён. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1995. 626 с.
33. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.
34. Шатилов М.Б. Ваховские остояки: (родовые и семейные отношения, управление, суд и обычное право). Томск: Изд-во Томского краевого музея, 1929. 21 с.
35. Этимологический словарь русского языка (М.Р. Фасмер) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-202-5.htm> (дата обращения: 30.06.2024).

ИЛИКАЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью, Уфимский университет науки и технологий, Россия, Уфа (jumo@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>).

Alexander S. ILIKAEV

**KEREMETS (KIREMETI) AS NATURE SPIRITS
AND ANCESTRAL DEITIES OF THE MARI AND SOME OTHER PEOPLES OF BASHKORTOSTAN**

Key words: *keremet (kiremet'), Keremet cult, the Mari, the Mordvins, the Tatars, the Udmurts, the Chuvash.*

Keremets are one of the most important images and concepts in the traditional beliefs of the peoples living in the Ural-Volga region. Despite a large number of works dealing with the topic of Keremets, there is still no generalizing work devoted to this problem.

The purpose of the study is to reveal the origin and nature of Keremets and their cult as nature spirits and ancestral deities among the Mari and some other peoples of Bashkortostan.

Materials and methods. The article is based on scientific literature, as well as the author's field research. The work mainly used the comparative historical method.

Results. During the analysis of the images of Keremets, the following ideas were highlighted. The term "keremet" goes back to the Chuvash word "kiremet" and is a Bulgarian-Islamic concept. At this, among the peoples of the Ural-Volga region, including in the Republic of Bashkortostan, the cult of Keremets overlapped with local cults. Judging by some archaic names of keremets in the eastern Mari, it can be assumed that the most ancient image of Keremets was ornitho-like one. It is also possible that Keremets could be revered in the form of other animals. The connection of keremets with various objects (trees, springs) and landforms (mountains, ravines) is obvious. It is important to note that among the peoples of Bashkiria, the Chuvash and the Udmurts, keremets are still often referred to by their own names of natural spirits: *vodyzh/тул, jereh, lud kuzjo*. The local Keremet cult was probably based on remnants of animistic and totemic beliefs.

Conclusions. Thus, among the Mari, the Mordvins, the Tatars, the Chuvash, and the Udmurts, keremets are usually understood to be a category of spirits associated with wildlife and ancestral worship. Although some keremets, such as those of the Tatars, are directly related to the Islamic cult, a number of their fundamental components are exclusively "pagan".

References

1. Akhmet'yanov R.G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [Common vocabulary of spiritual culture of peoples of the Middle Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 144 p.
2. Vasil'ev V.M. *Materialy dlya izucheniya verovanii i obryadov naroda marii*. [Materials for studying the beliefs and rites of the Mari people]. Krasnokokshaisk, Marobizdat Publ., 1927, 127 p.
3. Vasiliev V.M. *Totemisticheskie perezhitki v vozzreniyah mariiskogo naroda* [Totemistic remnants in the views of the Mari people]. In: *Nauchno-rukopisnyi fond Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 15* [Scientific Manuscript Fund of the Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Archive 1. Storage Unit 15].
4. Vershinin V.I. *Marii mut-vlakyn kushech liimysht: etimologii muter. Proiskhozhdenie slov mariiskogo jazyka: etimologicheskii slovar': v 2 t.* [The origin of the Mari words (etymological dictionary). 2 vols.]. Yoshkar-Ola, String Publ., 2018, vol. 2, 394 p.

5. Vladikin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and Mythological Picture of the World of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2018, 400 p.
6. Vovina O.P. *Chuvashskaya kiremet': traditsii i simvol'y v osvoenii sakral'nogo prostranstva* [Chuvash kiremet: traditions and symbols in the development of sacred space]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2002, vol. 4, pp. 39–65.
7. Golubkin P.S. *Taina «Sultan-Keremeta»*. *Kratkii istoriko-ethnograficheskii ocherk o perezhitkakh dokhristianskikh narodnykh verovanii vostochnykh mariitsev* [The Mystery of "Sultan-Keremet". A brief historical and ethnographic essay on the vestiges of pre-Christian folk beliefs of the Eastern Mari]. Tujmazy, 1994, 78 p.
8. Denisov V.V. *Religioznye verovaniya chuvash: Ist.-ehtnogr. ocherki* [Religious Beliefs of the Chuvash: Historical and Ethnographic Essays]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1959, 408 p.
9. Dmitrieva I.V. K voprosu o kul'te kiremet' v dokhristianskoi religii chuvashei (po materialam V.K. Magnitskogo) [To the question of the keremet cult in the pre-Christian religion of the Chuvash (according to V.K. Magnitsky's materials)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, vol. 1, pp. 27–30.
10. Efremova D.Yu., Ust'yantsev G.Yu. *Bog, dukh i d'yavol. Status i obraz keremeta v sovremennom mariiskom fol'klore* [God, Spirit and Devil: The Status and Image of Keremet in Modern Mari Folklore]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 114–123.
11. Ilikaev A.S. *Matriarkhal'nye proyavleniya rannikh form religii v kosmogonicheskikh mifakh narodov Uralo-Povolzh'ya: bashkiry, mariitsy, russkie: monografiya* [Matriarchal manifestations of early forms of religion in the cosmogonic myths of the peoples of the Ural-Volga region: Bashkirs, Mari, Russians]. Ufa, 2024, 330 p.
12. Kaliev Yu.A. *Mify mariiskogo naroda* [Mari folk tales]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 2019, 447 p.
13. Aktsorin V.A., comp. *Mariiskii fol'klor: Mify, legendy, predaniya* [Mari folklore: Myths, legends, legends]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 1991, 285 p.
14. Matveev G.M. Kul't kiremet'ya v mifoazycheskom soznanii chuvashskogo naroda [The cult of Kiremet in the mythological consciousness of the Chuvash people]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2005, vol. 1, pp. 110–118.
15. Mokshin N.F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of the Mordvins]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1998, 244 p.
16. *Molekulyarnaya genealogiya. Etnicheskaya istoriya: voprosy Vladimiru Napol'skikh* [Molecular genealogy. Ethnic History: Questions to Vladimir Napol'skikh]. Available at: <https://forum.molgen.org/index.php/topic,365.msg41024.html#msg41024> (Accessed Date: 2022, May 27).
17. Morokhin N.V. *Bogi Lesnogo Zavolzh'ya* [The Gods of the Volga forest]. Nizhnii Novgorod, Litera Publ., 2023, 464 p.
18. Nurminskii S.A. *Ocherk religioznykh verovaniy cheremis* [An essay on the religious beliefs of Cheremis]. *Pravoslavnyi sobesednik*, 1862, vol. III, no. 12, pp. 236–296.
19. Obydenov M.F., Korepanov K.I., Potapova S.V. *Kartina mira i Mirovoe drevo v pamyatnikakh iskusstva Uralo-Povolzh'ya* [The World Picture and the World Tree in Art Monuments of the Ural-Volga Region]. Ufa, Yurika Publ., 2003, 289 p.
20. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Mishkinsky district, Kairakovo village. Informant: Galimullin D.A., born in 1954.
21. Field materials of the author. 2024. Republic of Bashkortostan, Kaltasinsky district, Vasilovo village. Informant: Zainetdinov R.Z., born in 1954.
22. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Mishkinsky district, Bolshesukhoyazovo village. Izilyaev A.A., born in 1983.
23. Field materials of the author. 2024. Republic of Bashkortostan, Mishkinsky district, Irsaevo village. Informant: Ilikaeva I.A., born in 1947.
24. Field materials of the author. 2023–2024. Republic of Bashkortostan, Mishkinsky district, Irsaevo village. Informant: Kamilyanov V.A., born in 1974.
25. Field materials of the author. 2023–2024. Republic of Bashkortostan, Nurimansky district, Starobedevo village. Informant: Matyushina L.S., born in 1971.
26. Field materials of the author. 2024. Perm Krai, Suksunsky district, Tebenyaki village. Informant: Pan'kova G.A., born in 1959.
27. Field materials of the author. 2023. Republic of Bashkortostan, Mishkinsky district, Ozerki village. Informants: Yanmurzin A.A. born in 1974.
28. Rudenko K.A. *Bulgarskie svyatilishha XI–XIV vv. (po arkheologicheskim materialam)* [Bulgarian sanctuaries of the XI–XIV centuries (according to archaeological materials)]. In: *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: materialy issledovaniya* [Religious monuments of the Kamsko-Vyatka region: Materials and research]. Izhevsk, 2004, pp. 36–66.
29. Sadikov R.R. Kul't Luda/Keremeta u zakamskikh udmurtov [The cult of Loud/Keremet among the Udmurt of the Trans-Kama river area]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2008, vol. 4, pp. 102–111.

30. Sitnikov K.I. *Slovar' mariiskoi mifologii. Bogi, dukhi, geroi* [Encyclopedia of Mari mythology. Gods, spirits, heroes]. Yoshkar-Ola, 2006, vol. 1, 160 p.
31. Toidybekova L.S. *Mariiskaya mifologiya. Etnograficheskii spravochnik* [Mari mythology. Ethnographic Reference Book]. Yoshkar-Ola, 2007, 312 p.
32. Chernyh P.Ya. *Slovar' mariiskih lichnyh imen (Marijen lym-vlak muter). Okolo 16000 imen* [Dictionary of Mari FirstNames. Over 16000 names]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 1995, 626 p.
33. Shutova N.I. *Dohristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoj religioznoj tradicii: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian religious monuments in the Udmurt religious tradition: The experience of comprehensive research]. Izhevsk, 2001, 304 p.
34. Shatilov M.B. *Vahovskie ostyaki: (rodovye i semejnye otnosheniya, upravlenie, sud i obychnoe pravo)* [Vakhovsky ostyaks: (ancestral and family relations, governance, court and customary law)]. Tomsk, Publishing House of the Tomsk Regional Museum, 1929, 21 p.
35. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* (M.R. Fasmer) [Etymological Dictionary Russian Language (M.R. Fasmer)]. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-202-5.htm> (Accessed Date: 2023, June 30).

ALEXANDER S. ILIKAEV – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Public Relations, Ufa University of Science and Technology, Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa (jumo@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>).

Формат цитирования: Иликаев А.С. Кереметы (киремети) как природные духи и родовые божества у мари и некоторых других народов Башкортостана // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 43–53. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-43-53.

УДК 39(470.34) + 811.17'373.215
ББК Т5(235.51) + Ш12=42*03*316

Г.Е. КОРНИЛОВ

**О ПОТАМОНИМАХ-«БАЛТИЗМАХ» ВОЛГО-КАМСКОГО РЕГИОНА
(начало заочного диалога с автором статьи
«Балтская гидронимия Волго-Камского региона» О.Д. Федченко)**

Ключевые слова: археологические культуры племен шнуровой керамики и боевых топоров, потамонимы, балтизмы, Ай, Бирь, тюрки, финно-угры, славяне, индо-иранцы, *eiti, iét, Бүре су, Волчья река, ай, аяк, адак, азақ, *арақ (>ора/ура), *пад-/пат-, айыр, адыр, отнога.*

Актуальность исследования вызвана незатухающим интересом российских и зарубежных авторов к проблемам глотто-, этно- и топонимизации вообще и на территории Волго-Камского региона в частности.

Цель исследования – сравнительно-сопоставительный и историко-генетический анализ предположений О.Д. Федченко о наличии «балтской гидронимии» в Волго-Камском регионе.

Материалы и методы. Источниковой базой послужили публикации предшественников, двуязычные словари, историко-этимологические, ономастологические исследования и справочники, географические атласы. Работа проделана в традициях компаративно-контрастивных методов исследования.

Результаты исследования. Обоснованы сомнения по вопросу «о балтском происхождении» потамонимов Ай, Бирь на территории Башкортостана, изложены соображения о восхождении их к собственно тюркским первоисточникам, а именно: Ай/Эй к тюрк. *ай/эй «приток», Бирь/Бере к тюрк. Бүре су/Бере һыу «Волчья река».

Выводы. Рассмотренные О.Д. Федченко потамонимы Волго-Камского региона вообще и потамонимы Ай/Эй, Бирь/, Бирь/Бере в частности нуждаются в дополнительном сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном и типологическом анализе в более широком историко-этнологическом и историко-лингвистическом контексте.

Введение. В 2019 г. независимый исследователь О.Д. Федченко (Брянск, Россия) в «Казанском лингвистическом журнале» опубликовал довольно обширную статью «Балтская гидронимия Волго-Камского региона» [27. С. 22–38], которую посвятил «лингвистическому анализу гидронимов республик *Башкортостан, Татарстан, Чувашии*», рассмотрев целенаправленно (с задачей доказать «балтское» происхождение) 33 потамонима: Ай, База, Белая, Бирь, Буй, Була, Волга, Дёма, Дымка, Зилим, Ик, Инзер, Казан(ка), Кама, Кич уй, Кубня, Лемеза, Мелля, Мензеля, Мёша, Миасс, Свяга, Сим, Сурень, Сулица, Сюнь, Уй, Уфа, Усень, Цивиль, Чермасан, Шошма, Юрюзань; необходимым требованием для включения в список были протяженность более 100 км и наличие имени «в балтской языковой среде».

Автор уверен, что его статья «дает возможность уточнить археологические (! – Г.К.) и исторические (! – Г.К.) аспекты жизни древних людей в Поволжье и Прикамье» [27. С. 22], имеются в виду племена шнуровой керамики или боевых топоров, фатьяновцев, абашевцев и других индоевропейцев; в числе последних мыслим не упомянутых балановцев, атликасинцев, ошпандинцев, хуласотцев, согласно мнению большинства археологов (см. в Википедии и в др. многочисленных интернет-публикациях), появившихся с Запада в III тысячелетии до н.э. и пребывавших на стадии германо-балто-славянской (позже – балто-славянской) общности (! – Г.К.).

В итоге, полагает независимый исследователь, благодаря его эвристичному рассмотрению перечисленных (33) потамонимов, «подтверждается мнение (чьё –

не названо. – Г.К.), что племена боевых топоров были местным населением (! – Г.К.) на территории Волго-Камского региона до появления там финно-угорских и тюркских народов».

Цель исследования – сравнительно-сопоставительный и историко-генетический анализ предположений О.Д. Федченко о наличии «балтской гидронимии» в Волго-Камском регионе.

Материалы и методы. Источниковой базой послужили публикации предшественников, двуязычные словари, историко-этимологические, ономотологические исследования и справочники, географические атласы. Работа проделана в традициях компаративно-контрастивных методов исследования.

Результаты исследования. Ниже обоснованы сомнения по вопросу «о балтском происхождении» потамонимов Ай, Бирь на территории Башкортостана, изложены соображения о восхождении их к собственно тюркским первоисточникам, а именно: *Ай/Әй* к тюрк. **ай/әй* «приток», *Бирь/Бөрө* к тюрк. *Бүре су/Бөрө һыу* «Волчья река».

I. Начнем наш встречный анализ с высказывания настороженностей и сомнений общего характера. В первую очередь, укажем на характерную особенность рассматриваемой статьи из «Казанского лингвистического журнала», заключающуюся в том, что автор идет не от инвентаризованных им реальных фактов, их всестороннего, многоаспектного анализа, а от априорной идеи, от предварительно, заранее поставленной цели с последующим некритичным и избирательным привлечением исключительно того, что «работает» на названную априорную идею, не допуская мысли, что могут быть в объективной реальности моменты, противоречащие его выводам и заключениям.

Вышеуказанной задаче легко и безупречно доказать априорную идею должна способствовать избирательная дозированность привлекаемых первоисточников, в частности, из 20 названий, указанных в списке использованной литературы [27. С. 35–36], всего три посвящены непосредственно изучаемой территории: 1. Агте В.С. О расположении и названии города Уфы [2]; 2. Матвеев А.К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь [16]; 3. Словарь топонимов Башкирской АССР [22]. Имеющиеся на сегодня словари и фундаментальные труды по топонимии Коми, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии, Чувашии, Нижегородской, Ульяновской и др. областей оказались не нужны. Литература по регионам за пределами трех избранных республик (Башкортостан, Татарстан, Чувашия) также представлена избирательно: 1) славянские топонимические древности Новгородской земли [8]; 2) словарь гидронимов Вологодской области [15]; 3) гидронимы Верхнего Поднепровья [24]. Остальные 16 источников носят общий характер или являются этимологическими словарями (русского, латышского, литовского языков), в их числе наибольшую объяснительную ценность представляют словари: J. Pokorný [34]; W. Smoczyński [36]; A. Vanagas [37]; K. Karulis [31]. Русский язык представлен существенно устаревшим этимологическим словарем А. Преображенского 1910–1914 гг. издания [18]; не были использованы этимологические словари Макса Фасмера [25], славянских языков под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева [30] (и все этимологические словари всех отдельно взятых восточно-, западно- и южнославянских языков).

II. Серию статей, посвященную критической оценке «балтского» происхождения перечисленных 33 топонимов Волго-Камского региона, якобы восходящих к языкам племен шнуровой керамики или боевых топоров (к фатьяновцам,

абашевцам, балановцам и т.д.), пребывавших здесь в III тысячелетии до н.э., начнем с рассмотрения двух названий – *Ай/Эй* и попутно *Бирь/Бөрө*, оставляя 31 название «на потом».

«**Ай (Эй)** – левый приток Уфы. Исследователи соглашались с ранее высказанным В.Н. Татищевым мнением о происхождении гидронима от тюркского *ай* – луна, красавица [5. С. 11–12]», так начинается рассматриваемая нами статья О.Д. Федченко [27. С. 24], однако в указанном пункте 5 вместо ожидаемого названия труда В.Н. Татищева значится книга А.К. Матвеева «Географические названия Урала ...» (в нашем списке [16]. – Г.К.), т.е. – сведения из вторых рук. Считаем необходимым привести подлинную цитату из оригинального труда выдающегося историка: «*Ай*, в провинции Уфимской, впадает в *Уфу* с левой стороны. Имя татарское *Светлая*, или междометие ужаса, равно как и в русском» [23. С. 156].

Конечно, в качестве междометия татарское *ай!*, *ай-ай!* выражает восхищение, восторг, удивление, частично соответствуя русскому междометию *ах!*, и мыслить междометие в качестве названия реки более чем сомнительно, тем более в границах высказывания не лингвиста, а историка, однако представляется вполне уместным вспомнить лингвиста **P. Kretschmer**-а, согласно М. Фасмеру [25. Т. II. С. 118], видевшего междометие *ei!* в основе лит. *eiti*, *eimi*, лтш. *iêt*, наст. *eimu*, *iêmu*, др.-прусск. *ēit* «идет», *ēisei* «ты идешь», лит. *eĩdinti* «заставлять идти», *eidinẽ* «ход, походка», ..., *eidũ* межд. «вон, пойдем» (ср. русск. *айда!* – Г.К.) и их индоевропейских параллелей.

Слово *ай* «луна; месяц» имеет переносное значение «светлый, ~ая, ~ое» в основном в составе антропонимов, ср. *Айдан* «светлый, лучистый»; «широкий, большой, свободный»; «сила, мощь» и т.д., на базе исходного «сияющий, словно месяц» (персидский компонент *-дан* известен и в составе потамонимов, например, *Вардан* – древнее название реки *Кубань*; *Иордан*; *Раздан*, на нем город *Ереван* и т.д.). В Ошской области Киргизии есть потамонимы *Кара-Таман* «Темная подошва» (по названию горного перевала) и *Ай-Таман* *«Светлая подошва» (не известно, воспринимаются ли эти названия современными киргизами как антонимичные). *Ай* вполне можно мыслить как сокращение **Айдан* су «Большая/Сильная/Мощная река».

Вопреки приведенному утверждению О.Д. Федченко, далеко не все «исследователи соглашались с ранее высказанным В.Н. Татищевым мнением о происхождении гидронима (*Ай/Эй*. – Г.К.) от тюркского *ай* – луна, красавица», см., например, [14. С. 205–218].

В «Словаре топонимов Башкирской АССР», на который также нет ссылки, имеются три краткие статьи на *Ай/Эй* [22. С. 176], их следовало упомянуть. Целенаправленный характер статьи О.Д. Федченко не дал ему задаться вопросом, есть ли у южноуральского потамонима *Ай* тезки на других территориях, хотя бы в пределах былой и современной тюркоязычной ойкумены. Ответ на этот вопрос не требует дополнительных экспедиций, стоит глянуть на карты «Атласа мира» [4]: *Ай* (Брит., Вост. Суффолк, 100-101. Квадрат И-16); *Ай* (Брит., Херефордшир, 102. Квадрат 3-3); *Ай* (СССР, Сахалин, 82-83. Квадрат 3-14); *Ай* нп (СССР, Семипалатинск. обл. Казах. ССР, 53-54. Квадрат Г-18) (одноименная река впадает в оз. *Сасыкколь*, упоминается в [19. Т. I. С. 109–110]. – Г.К.); *Ай*, о. (164-165, квадрат Е-10, район Индонезии); *Ай*, п-ов (97-98, квадрат В-7, Британия); *Ай*, р. (бас. *Арженса*, 115-116. Квадрат К-3; Зап. Европа); *Ай*, р. (бас. *Брахмапутры*, 178. Квадрат А-10); *Ай*, р. (бас. *Куры*, Армянский-

Восточный Тавр, Турция; 185-186. Квадрат Б-18); *Ай*, р. (бас. *Уфы*, 40. Квадрат Е-Г-5-3; 38-39. Квадрат И-Ж-12-10).

Из указанных в «Атласе мира» и приведенных выше пять – потамонимы (названия значительных рек), в их числе – один в Зап. Европе (бас. *Арженса*), один – в бас. *Брахмапутры* (Индостан), три – в границах тюркоязычной ойкумены (Башкортостан, Казахстан, Турция).

Любопытная статья в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [7. С. 79]: «*Ай*, река, название нескольких (! – Г.К.) небольших рек в Оренбургском крае и Киргизской степи. Самая большая из них, протекающая 53,3 км, есть левый приток р. *Уфы*», в БСЭ [6. Т. I. С. 882]: дл. 549 км, пл. басс. 15 000 кв. км.

Данные «Атласа мира» остались неиспользованными и у О.Т. Молчановой [17. С. 118–119]: «*Ай* (*Ая*) р., нп; *Верхняя Ая* нп; граница Алтайского р-на Алтайского края и Горно-Алтайской авт. обл.; *Малая Ая* р.; л.п. *Катуни*; *Ай-дынг-Кёли* (*Айское озеро*); л. берег *Катуни*. Алт. -*ай* – луна ... Возможно также, что в основе *ай* – родовое название; ср. башкир. племя *Ай* (*Эй*) [13. С. 255]».

Ф.Г. Гарипова отметила потамоним *Ай* в Татарстане: «В Рыбно-Слободском районе маленькую речку, протекающую под горой, называют *Ай жылгасы* [9. С. 91]». Она же напрямую процитировала В.Н. Татищева: «*Ай*, в провинции *Уфимской*, впадает в *Уфу* с левой стороны. Имя татарское *Светлая*, или междоумение ужаса, равно как и в русском» [9. С. 156]» (Не «луна, красавица», см. цитату из О.Д. Федченко в начале. – Г.К.).

Н.К. Фролов [28. С. 76], профессор Тюменского университета, в свое время писал: «*Ай* – гетерогенный характер основы не вызывает сомнения: хант. прилаг. *ай* во всех хантыйских диалектах имеет значение «малый», «маленький» (ср. выше из Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «... название нескольких небольших рек в Оренбургском крае и Киргизской степи ...». – Г.К.); *Ай ась*, р., «Малая Обь» (из *Ай ас*, -*ась* <-*ас* переключение из категории муж. р. в жен. р. на почве русской речи под влиянием номенклатурного термина *река*. – Г.К.); *Айвож*, р., Ок., «Малый город» (-*вож*: *Ай*~ в коми-зырян., как и в коми-перм., имеет, кроме прочих, еще и значения: «ответвление», «приток». – Г.К.); *Ай-ега*, р., Хм., *Ай-еган*, рч., Сг. «маленькая речка» ... Тюркская основа *ай* ... алт. *ай* «луна» ..., башк., татарск., *ай*, *айыр*, *айрак*, кирг. *айр* «раздел», «рукав, развилка, проток реки» (Радлов) ...».

III. Любопытно, что только В.Н. Татищев перевел на русский язык тюрк. *ай* «луна; лунный», «месяц; месячный» именем прилагательным (*светлая*), остальные авторы (все без исключения) переводят только существительным, что ущербно, так как в тюркских языках все имена существительные являются одновременно и прилагательными, так О.Д. Федченко о башкирском варианте потамонима *Бирь*, звучащем по-башкирски *Бөрө* [Börö], пишет следующее: «... вариант происхождения от татарского и башкирского *бюр* (волк) вызывает сомнения, как звуковые ..., так и смысловые (волк – это животное, но не река). ... «Очевидно, мы имеем дело с народной этимологией, огласовкой более древнего гидронима. Волк – это животное, но не река ...». Автор сознательно примитивизирует необходимый для цитирования подлинный текст из «Словаря топонимов Башкирской АССР» [22. С. 38а]: «**Бөрө (Бирь)** именуют ее *Бюрсу* (невозможно не вспомнить знаменитую сибирскую *Бирюсу*! – Г.К.), то есть, *волчья вода*, ибо *бюр* на их языке значит волк» (П.И. Рычков, 1776)». Совсем не лингвист, П.И. Рычков [20] правильно указывает подлинное полное название реки *Бирюсу* (*Бөрө һыу* – по-башкирски, *Буре су* – по-татарски. – Г.К.).

В тему будет напомнить, что «волчьи» реки известны в большинстве языков Евразии, включая русский, ср. в Атласе мира [4]: р. *Волчья* (бас. Днепра), 41-42, квадрат Е-17-15; р. *Волчья* (бас. Вост.-Сиб. моря), 76-77, квадрат Г-14; на соответствующих картах в своих квадратах – реки: *Волчанка*, *Волчас*, *Волченица*, *Волчимья*, *Волчина*, *Волчок* ...

Географические названия в официальном тексте, на уровне языка, обязательно включают в свой состав номенклатурный термин (*река*, *озеро*, *ручей*, *родник*, *гора*, *вершина* и т.д., на соответствующем языке), т.е. являются словосочетаниями (*Москва-река*, *озеро Байкал*, *Чёрная речка*, *гора Качканар*, *Гиссарский хребет*, *вершина Эльбрус* и т.д.), при функционировании в разных речевых жанрах эти термины опускаются, остаются только определительные части (*Москва*, *Байкал*, *Качканар*, *Гиссар*, *Эльбрус* и т.д.), но значения опускаемых терминов либо подразумеваются, либо очевидны из ситуации речи, либо выражены условными обозначениями (на топографической карте), ср. выражения: *еду в Москву* (очевидно – в город), *поймал щуку в Москве* (очевидно – в реке); в случае если астионим *Москва* является товарным знаком, его заключают в кавычки – «Москва» (часы, какое-либо иное изделие) и сопровождают наименованием вида товара.

Полное название реки *Буре* су авторы башкиризировали, получилось *Бөрө һыу*, определяемый номенклатурный термин отбросили и представили в словаре фактически в ущербной (вдобавок – вводящей в некое заблуждение) форме *Бөрө*, которую русскоязычные любители топонимики по-детски непосредственно перевели «Волк» (вместо «Волчья») и возмутились, как это «Волк», волк – животное, река – неодушевленный объект! Кстати, болгаро-чувашским соответствием башк. *бөрө*, татар. *буре/бүре* было **бир'/пир'*, вышедшее из употребления в современном чувашском литературном языке, но сохранившееся в составе фитонима *пир сырли* «волчья ягода».

IV. Но вернемся к исходной теме – эллиптированному потамониму *Ай/Әй*, который, как выяснилось выше, допускает понимание «Луна» (вместо более корректного «Лунная», «Светлая»), «малая»; а в составе указанных у В. Радлова [19. Т. I. С. 23–24, 28, 30, 32, 492, 568–569] *ад-ыр*, *аз-ыр*, *ай-ыр* (см. [11. С. 9; 26. Т. II. С. 271; 35. С. 6b] «раздел; рукав, развилка, проток реки» [28. С. 76]). Сплошной разнобой, но возможно примирение, если обратиться к сравнительно-исторической грамматике, в первую очередь, тюркских языков.

Производящий корень *ад-*: *~ыр*, *аз-*: *~ыр*, *ай-*: *~ыр* представлен в закономерных фонетических разновидностях, поскольку интервокальные соответствия *-д-/л-р-/з-/л-й-* являются регулярными чередованиями в тюркских (уйгурско-карлукских, огузских, кыпчакских, гунно-булгаро-хазарских) языках, ср. соответствия к чувашским *ора/ура* (<**орақ/урақ*) «нога» в других тюркских: уйгур. *адақ*, якут. *атах*, башк. *азак*, татар., турец. *айақ* и т.д., исходная, разумеется, форма *адақ*, имевшая в пратюркскую эпоху согласный анлаут **п-* и выглядевшая как **падақ/*раДақ* (*п-*мобиле / *р-*mobile известен во многих языках, ср. в тюркских: в большинстве – *бол-/пол-*, но в азерб., турец. *ол-* «быть, существовать; сделаться, удасться и т.д.»), словообразовательно представляющая производящую основу **пад-* и имяобразующий суффикс *-ақ*, что безупречно соответствует общеиндоевропейским параллелям типа др.-инд. *pād-a*, латин. *pedis* и т.д. «нога», лит. *pādas* «подошва», рус. *под* «низ», *пад-*: *~ать*, *пад-*: *рас~аться* «разделяться», *пад-*: *рас~ок*, см. у В. Даля [10. Т. 3. С. 86]: *пáдина*, *пáдища*, *падь* [ж.] *прм.*, *сиб.* проваль, глубокий и крутой логь, оврагь, пропась,

стремнина, ущелье или **межгорье**, разлогъ, юж. балка (потамоним *Ай/Әй* и рус. диал. *падь* – гомогенны! – Г.К.).

Тюркский вариант (заимствованного из индоевропейского источника или ностратического происхождения) корня *пад-* утратил анлаутный **п-* или **п^х-*, оставшаяся без него основа **ад* осложнилась суффиксом *-ак*, в результате чего бывший ауслатный *-д:* *а~* оказался в интервокальном положении, в позиции между гласными, что повлекло его соноризацию и дало по языкам регулярные, закономерные *-д->-р-*, *-д->-з-*, *-д->-й-*, обнаруживаемые в перечисленных выше: *адақ, азақ, айақ, *арақ* (> чуваш. *ора, ура*) «нога», первоначально – «ножка», так как *-ак/-ек* – уменьшительный (или даже уменьшительно-пренебрежительный) суффикс. Стилистическая нейтрализация достигается путем употребления производящей основы без словообразовательного компонента, что дает (ретро): *ад-/аз-/ай-/ар-*, наследующие комплекс значений, базирующихся на представлениях о падении, распадении, раздвоении, разделении и т.п.

Таким образом, с неизбежностью реконструируется пратюркский корень-архетип **пад-/пат-*, в конечном счете обязанный своим происхождением межъязыковому имитативу √ПАТ (вариант √ПĀТ), символизирующему зрительно-слуховой эффект падения на землю, на пол и т.д. чего-либо твердого, на ностратическом уровне сопоставимого со славянскими параллелями русск. *пад-*: *падь, распад-ок, пад-ина, пад-ища* «провал, глубокий и крутой лог, овраг, пропасть, стремнина, ущелье, или *меж(у)горье, разлог*, юж. балка» [10. Т. III. С. 8], сближаемое, согласно М. Фасмеру [25. Т. III. С. 184], с русск. *под*, латин. *pēs, pedis*, греч. род. *подос*, гот. *fotus* и т.д. «нога»; сближаемое нами далее – с тюркскими и иными параллелями чуваш. *пай* «доля», *пайла* – «делить», с корнем возможного архетипа **пад-ак* для *адақ, айақ, азақ; ора/ура* (<**орақ* <**арақ*) «нога» (с утратой анлаутного **п-* или **п^х-*), ср. *айақ* «развилка дорог», *ай* «промежуток между двумя штанинами» [21. С. 115], ротирующие варианты, кроме вышеуказанных чувашских *ора/ура* (<**орақ*), видимо, некомментируемый Э.В. Севортяном лобнорский корень *а:p/a:r-* (фактически *aar->ār-*, в котором долгота гласного контрактивно-компенсирующая, следствие утраты анлаутного *п-*. – Г.К.) [21. С. 114], а также – параллели общетюркского *ар(а)* «промежуток», *ар-ык* «канавка, арык» и т.д. (несколько сомнительно отнесение сюда же древнего названия Волги в виде *Ра* из **Ара*; предположительно, эта великая река мыслилась тюрками или их предшественниками как порубежье, естественная, природная граница между Востоком и Западом).

Как уже было отмечено выше, диалектные пратюркские **пад-/пат-*, утратив анлаутный **п-* (*р-mobile*), стали выглядеть **ад-/ат-*, последние, присоединяя суффиксы с начальными гласными (или даже употребляясь в речи в препозиции с членами предложения с анлаутными гласными), дали варианты: **аз-, *ар-, *ай-*, ср. *адыр-, атыр-, айыр-, азыр-*, первоначальные императивы-транзитивы, своего рода контрактуры, в качестве имени действия получившие значения: «(раз)дел(ение), (от)дел(ение), (вы)дел(ение), разветвление; развилина»; «рукав или приток реки», «отрог(и) горных систем» [21. С. 114–116; 26. Т. II. С. 270–271].

Общее глагольное значение – «делить», именное значение – «доля, долька», отсюда в отдельных тюркских говорах и диалектах значение «малая часть», «малый, ~ая, ~ое; маленький, ~ая, ~ое». Попутно заметим, что упомянутое у Н.К. Фролова (см. выше) *ай* «малый, маленький» хотя и общехантыйское слово (известно во всех говорах), тем не менее, оно не имеет параллелей в других угорских (мансийском, венгерском), не говоря уже о волжско-прибалтийско-

финских, поэтому вполне может считаться заимствованным, скорее всего из тюркских.

Одной двенадцатой (тринадцатой) *частью (долей) годовичного цикла является лунный месяц*, что делает более чем вероятным отнесение тюрк. *ай* «луна, месяц, спутник планеты Земля» к тому же корню (т.е. *ай* < **пай* < **пайыр*, результат ретродеградации), что представляет собой в конечном счете аналогию славянским (а в какой-то мере и индоевропейским) параллелям русск. *месяц*, однокоренного с глаголом *мерить/измерять*, с существительным (с)мена // (пере)мена и т.д., а также, по мысли академика О.Н. Трубачева [30. Вып. 18. С. 194], в случае объяснения продления корневого вокализма, — с компаративом **men(i)os* «меньший» (латин. *minor* и далее по списку), ср. значение «малый/маленький» у приведенных хантыйских имен с компонентом *ай-* (!). В связи со сказанным трудно воздержаться от мысли, что исторически в праславянско-пратюркскую эпоху праславянское и пратюркское названия луны/месяца представляли собой (взаимные?) кальки в ряду многих других калек (например, тюрк. *чапак/чаБақ* образован от имитатива *чал-*, символизирующего зрительно-слуховой эффект от шлепая плоского тела *леца* при выпрыгивании на водную поверхность во время массового метания икры на прогревом весенним солнцем мелководье, сопровождаемом звучным плеском, в то же время русск. *лещ* из **лескй* < *(*п*)*лескй*, **р*-mobile как в случае с *(*п*)*ад*-/*(*п*)*ат*-, см. выше; -*скй* > -*щ* как в *плоск*:- ~*ий*, но **плоскйадъ* > *плоск-адъ* и т.п.).

V. Одновременно нельзя не отметить семантическую аналогию и в употреблении производных тюрк. *адақ, азақ, айка* «ножка/нога», *ай, айыр* и славянских (диалектных) параллелей русск. *отнога*, параллельно имеющих среди прочих значения: *ответвление долины, рукав реки, приток реки* и т.д. (напомним, *Ай* — приток р. *Уфы*, впадающей в р. *Белую*, которая впадает в р. *Каму*, а последняя — в р. *Волгу*, т.е. это не только не магистральная река, а всего-навсего приток четвертого (!) порядка); значения см. у В.И. Даля [10. Т. II. С. 1920] и у М. Фасмера [25. Т. III. С. 172].

В Государственном водном реестре и в Википедии регистрируется несколько одноименных потамонимов *Отнога*: 1) приток р. *Бурлук*, впадающей в р. *Медведица*, басс. *Дона*; 2) приток р. *Обь*, басс. Карского моря; 3) приток р. *Алабуга*, впадающей в р. *Тобол*, басс. *Иртыша*; 4) приток р. *Нижний Утяк*, принимает справа приток *Сухая Отнога*, впадает в р. *Тобол*, басс. *Иртыша*; 5) ручей *Отнога*, правый приток р. *Утяк*, в том же Кетовском р-не Курган. обл., где и р. *Сухая Отнога*; 6) приток озера *Чуша* в Яков. р-не Тюмен. обл., басс. р. *Тобол*, впадающей в р. *Иртыш*; здесь же д. *Сосновая Отнога*; 7) р. *Кривая Отнога* — приток четвертого порядка р. *Большой Ирғиз*, впадающей в Волгу. Все эти *Отноги*, включая озеро *Отнога* в Красноармейском р-не Челябин. обл., исключительно на территории позднего вхождения в состав России (Поволжье, Зауралье), поэтому не исключено, что отдельные из них — кальки с тюркских оригиналов, но это не обязательно, поскольку термин известен в украинских карпатских говорах и даже в польском литературном, см. в польско-русских словарях: **odnoga** «ответвление, ветвь, ветка», «залив; рукав; отрог», «отросток».

VI. Как уже указывалось выше, репертуар значений отымитативного **пад*-/*(*п*)*ат*- (палатальный вариант **пăд*-/*(*п*)*ăт*-) включал значения «развилка», «промежуток», «нога/ноги», а последнее значение, а именно «нижние конечности», должно было переносно употребляться в смысле «под (нижняя часть), низ;

низовье», «устье». Поэтому представляются закономерными фоно-морфо-семантическими осколками былого многозначного (уже антиимитативного) слова примеры типа чуваш. *ай* «pars inferior», *айла́м* «Niederung, Tal», тунгус. (Вас.) *эйэ* «низовье, течение» [26. Т. I. С. 28; 35. С. 38а]. Любопытно, что в этимологическом словаре В.Г. Егорова [12] это слово отсутствует (!), хотя в Словаре Н.И. Ашмарина [5. Вып. I. С. 5–9] представлены: *ай* «pars inferior; inferiora, ima; низ, нижняя часть ... Часто служит послелогом ... *ман ай(а)ма* (букв. «под мой низ». – Г.К.) ...», а также более двух десятков производных типа: *айал* «нижняя часть», *айал пуçё* «нижний конец», *айла́* «имеющий низ» и т.д.

Самые интересные сочетания на базе *-ай*: *сар-ай* < **сар(а) ай(ё)* «поднастил (букв.); хлев, сарай» (*сар* – «стелить», *-сар*: *упа сарри* «папоротник», букв. «медвежья подстилка»), вариант тури-вирьял (диалект) – *сарань* «сарай; крытый двор, надворные постройки» [5. Вып. XI. С. 61, 64]; *сак-ай* < *сак ай(ё)* «поднарье (пространство под лавкой); подполье», *сак-ан тёп* «подполье», *сак-ань* «подполье» [5. Вып. XI. С. 15–17]; *та́вай* < *та́в ай(ё)* «подгора, подгорье; под горой; низ горы», отсюда *Та́вай* «назв. с. Янтикова (Подгорные Тимяши), Янтик. р.; назв. местности, Мыслец» [5. Вып. XIV. С. 235]; *Тотар-ай(ён)*, букв. «Подтатарье», «назв. сел., Татаркасы» [5. Вып. XIV. С. 184]. Сюда же ложное переосмысление астионима *Казань* как «Подказье», вопреки правильному *Казан* «Котловина».

Таким образом, имеем список диалектных вариантов: *ай*, *ан*, *ань* «низ; низовье; нижняя часть; нижний, ~яя, ~ее и т.п.», при этом случаи соответствий *-й/-н*, *-й/-н-* известны и за пределами булгаро-чувашских говоров, например, в ауслауте и инлауте: этноним *Кидань* (самоназвание) ~ русск. *Китай* (в Европе в XIII–XVII вв. – *cathay*), причем в тюркских рунических текстах значатся оба варианта: *qitan'* и *qytai*, ср. [1. С. 42, 169–170]; колебания этнонима (наименование самодийцев): *саман* ~ *самай* [1. С. 236]; колебания в названии юкагирского рода: *онойди* ~ *ононди* [1. С. 413].

Многочисленные субституции *л/нй* в заимствованиях из русского и через русский (в эндо- и экзорусизмах) в языках Сибири имеют место, как правило, в особых фономорфологических условиях, чаще всего как результат взаимодействия смежных звуков, в связи с чем прямыми аналогиями *-й/-н/-нь* в чувашских *ай*, *ань*, *ан* и т.д. считаться не могут, ср.: франц. *falbala* «оборка; кружева» > итал. *falbala* > русск. *фалбора*, *фалбара* > русск. забайк. *файбара* > *фанбара* «оборка на одежде» > якут. *bajbaru* «оборка (у подола рубахи или сарафана)» [3. С. 640].

Более подробное изложение рассмотренного сюжета см. [14. С. 268–281].

VII. В заключение вернемся к статье О.Д. Федченко, его предположению, «что в основе (потамонима *Ай/Эй*, названия одного из притоков р. *Уфы*. – Г.К.) лежит балтийский глагол *eiti*, *eju* – течь, двигаться, который более соответствует характеристике понятия «река» [27. С. 24]. Выглядит очень убедительно, но только если принимать за исконное и единственное значение потамонима *Ай* тюркское *ай* – луна, красавица ..., но если учесть, что у тюркского *ай*, *ай*:- ~ыр, *ай*:- ~ак и т.д., кроме значений «луна; лунный; светлый», имеются и гидрографические семемы, то «балтский» глагол *eiti*, *eju* оказывается гораздо менее предпочтительным, а поднепровский *Преюю* (pri-eju), как и *Пра*, *Нея* (ni-eju) в бассейне *Оки*, выглядит привлеченным по принципу народной этимологии («похоже звучит»).

Но если верить словарям литовского языка, то у глагола *eĩti* (eĩna, -ėjo) имеются следующие шесть значений: 1) идти, ходить; *eĩti namõ* «идти домой»; 2) идти, ходить, ступать; *eĩkite čionaĩ* «ступайте сюда»; 3) идти; ходить; двигаться; отправляться; *ledaĩ eĩna upẽ* «лед идет / движется по реке»; 4) (о механизмах) идти; ходить; *laĩkrodis eĩna geraĩ* «часы идут хорошо»; 5) (о времени) идти, ходить; течь, протекать; *laikas greĩt eĩna* «время идет / течет быстро»; 6) исполнять, исполнить; *eĩti pãreigas* «исполнять обязанности / должность» [33. С. 163а, б].

Как видим, никаких намеков на течение воды, никаких производных имен или субстантиватов со значением «река, речка; поток и т.д.»! «Течь» – о времени, а не о воде! Лед по реке *плывет*, а не *течет*!

Обратимся к латышским данным. Рассмотренному выше литовскому глаголу *eĩti* (eĩna, -ėjo) в латышском соответствует *iet*, имеющий значения: 1) идти, ходить; *iet uz skolu* «идти в школу», *iet skolā* «ходить в школу»; 2) идти (о делах); *kā iums iet?* «как идут [ваши] дела?»; 3) идти, (в)лезть / влезать (сапог на ногу, тело в платье и т.п.); 4) входить, вмещаться (например, в бочку); 5) идти впрок, *iet labumā* «идти впрок»; сходить (о краске); *netīrumi neiet nost* «грязь не сходит»; 6) : *es jau nu neiešu viņu iūgties* «я не стану (не буду) его упрашивать»; 7) : *nu tik gāja* «и пошло!»; *ej nu sazinī!* «кто его знает!» [32. Р. 264b–265a]. Как и в литовском – никаких намеков на течение воды. В основном одни и те же индоевропейские параллели повторяются в соответствующих этимологических словарях латышского [31], литовского [36], русского [25; 29], других славянских [30] и индогерманских [34] языков, ни в одном из них для параллелей лит. *eĩti*, латыш. *iet* не указаны производные со значениями «вода», «течение», «река», даже в специальном этимологическом словаре литовских гидронимов А. Ванагаса [37].

Выводы. Встречное рассмотрение соображений независимого исследователя О.Д. Федченко о возможном «балтском» происхождении потамонимов *Ай* и *Бирь/Бөрө* на территории Башкортостана показывает, что названные географические имена допускают иные, более убедительные интерпретации, в частности, *Ай/Әй* могут возводиться к собственно тюркским реализациям **паДак* > *аДак* > *ад-/аз-/ай-/ар-* *«отнога, приток реки, ответвление долины», «стремнина», «межгорье» и т.п., а *Бирь/Бөрө* – к *буре су/бөрө һыу* «волчья река/вода».

Литература

1. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.
2. Агте В.С. О расположении и названии города Уфы // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2012. Т. 17. № 4. С. 49–55.
3. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.
4. Атлас мира: в 2 т. М.: Гл. управл. геодезии и картографии МВД СССР, 1954. Т. 1. 165 с.; Т. 2. 136 с.
5. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
6. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970–1978. Т. 1–30.
7. Брокгауз Ф.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: Т. I. А–Ам. М.: Эксмо, 2005. 256 с.
8. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
9. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1998. Кн. 1. 571 с.

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Четвертое, исправленное и значительно дополненное издание. С.-Петербург; Москва: Издание т-ва М.О. Вольфъ, 1911. Т. 1–4.
11. *Древнетюркский словарь* / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
12. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
13. *Ишбердин Э.Ф.* Этнонимы в топонимии Башкирии // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3.
14. *Корнилов Г.Е.* Истории поволжских этнолокаций в географических названиях – I / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2023. 580 с.
15. *Кузнецов А.В.* Словарь гидронимов Вологодской области. Тотма. Грязовец: Грязовецкая типография, 2010. 290 с.
16. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 208 с.
17. *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая / Горно-Алт. НИИ истории, яз. и лит.; под ред. А.Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1979. 398 с.
18. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1959. Т. 1: А–О. 718 с.; Т. 2: П–Я. Т. 566 с.
19. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова: в 4 т. Санктпетербург: Императорская Академия Наук, 1893–1911. Т. 1–4.
20. *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. Оренбург, 1887. 405 с.
21. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 767 с.
22. *Словарь топонимов Башкирской АССР.* Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 200 с.
23. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л.: Изд-во АН СССР, 1979. 465 с.
24. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 270 с.
25. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. 3-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.
26. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.
27. *Федченко О.Д.* Балтская гидронимия Волго-Камского региона // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 4 (2). С. 22–38.
28. *Фролов Н.К.* Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 96 с.
29. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 5-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2002. Т. I. А – Пантомима. 624 с.; Т. 2. Панцирь – Ящур. 560 с.
30. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–31. М.: Наука, 1974–2005; под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. Вып. 32. М.: Наука, 2005; под ред. А.Ф. Журавлева. Вып. 33–35. М.: Наука, 2007–2009.
31. *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga: Avots, 2002, 670 p.
32. *Latviešu-vācu vārdnīca. Pārstrādāt otrs uzdevums. Dīvos sējums.* Rīga: Avots, 1980.
33. *Lyberis Antanas.* Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius: Mintis, 1971.
34. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München: A. Francke, 1959. 1183 S. (панее, с 1947 г., выходил в свет отд. выпусками).
35. *Räsänen Martti.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.
36. *Smoczyński Wojciech.* Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007, 823 p.
37. *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius: Mokslas, 1981.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

Gennadiy E. KORNILOV

**ABOUT THE "BALTISMS"-POTAMONYMS OF THE VOLGA-KAMA REGION
(THE BEGINNING OF AN ABSENTEE DIALOGUE WITH THE AUTHOR OF THE ARTICLE
"BALTIC HYDRONYMY OF THE VOLGA-KAMA REGION" O.D. FEDCHENKO)**

Key words: archaeological cultures of the tribes of corded ware ceramics and battle axes, potamonyms, Baltisms, Ai, Bir, the Turks, the Finno-Ugrians, the Slavs, the Indo-Iranians, eiti, iët, Bure su, the Wolf River, ai, ayak, adak, аҫак, *arak (>ora/hurrah), *pad-/pat-, ayyr, adyr, otnoga.

The relevance of the study is caused by a continuing interest of Russian and foreign authors in the problems of glottogenesis, ethno- and topogenesis in general and in the Volga-Kama region in particular.

The purpose of the study is a comparison and collation analysis and historical-genetic analysis of O.D. Fedchenko's assumptions about the presence of "Baltic hydronymy" in the Volga-Kama region.

Materials and methods. The source base was made by the publications of the predecessors, bilingual dictionaries, historical and etymological, onomatological studies and reference books, geographical atlases. The work was carried out in the tradition of comparative-contrastive research methods.

Research results. Doubts on the issue of the "Baltic origin" of the potamonyms Ai, Bir in the territory of Bashkortostan are substantiated, and considerations on their ascent to the proper Turkic primary sources, namely: Ai/Əi to Turk, *ai/əi "tributary", Bir/Бөре Byre su/Бөре һыу "The Wolf River" are presented.

Conclusions. The potamonyms of the Volga-Kama region considered by O.D. Fedchenko in general and the potamonyms Ai/Əi, Bir/, Bir/Бөре in particular need additional comparative historical, comparative and typological analysis in a broader historical, ethnological and historical-linguistic context.

References

1. Ageeva R.A. *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by: slovar'-spravochnik* [What kind of tribe are we? Peoples of Russia: names and destinies. Dictionary reference]. Moscow, Academia Publ., 2000, 424 p.
2. Agte V.S. *O raspolozhenii i nazvanii goroda Ufy* [About the location and name of the city of Ufa]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 2012, vol. 17, no. 4, pp. 49–55.
3. Anikin A.E. *Etimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovaniy v yazykakh Sibiri* [Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, 788 p.
4. *Atlas mira: v 2 t.* [Atlas of the world. 2 vols.]. Moscow, 1954, vol. 1, 165 p., vol. 2, 136 p.
5. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chăvash sâmakhësen këneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.
6. *Boi'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. 3-e izd.* [The Great Soviet Encyclopedia. 30 vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970–1978, vol. 1–30.
7. Brokgauz F.A. *Illyustrirovannyi entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: T. I. A–Am* [Illustrated Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 256 p.
8. Vasil'ev V.L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012, 816 p.
9. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, 816 p.
10. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, 1911, vol. 1–4.
11. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnetyurkskij slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
12. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
13. Ishberdin E.F. *Etnonimy v toponimii Bashkirii* [Ethnonyms in the toponymy of Bashkiria]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Ufa, 1973, vol. 3.
14. Kornilov G.E. *Istorii povolzhskikh etnolokatsii v geograficheskikh nazvaniyakh – I: monografiya* [Histories of Volga region ethnolocations in geographical names – I. Monograph]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2023, 580 p.
15. Kuznetsov A.V. *Slovar' gidronimov Vologodskoi oblasti* [Dictionary of hydronyms for the Vologda region]. Tot'ma, Gryazovets, 2010, 290 p.

16. Matveev A.K. *Geograficheskie nazvaniya Urala: Kratkii toponimicheskii slovar'. 2-e izd., pererab. i dop.* [Geographical names of the Urals. A short toponymic dictionary]. Sverdlovsk, 1987, 208 p.
17. Molchanova O.T. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya (Gorno-Alt. Nii is-torii, yaz. i l-ry; pod red. A.T. Tybykovoy)* [Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 1979, 398 p.
18. Preobrazhenskii A.G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Russian language. 2 vols.]. Moscow, 1959, vol. 1, 718 p., vol. 2, 566 p.
19. Radlov V.V. *Opyt slovary tyurkskikh narechii V.V. Radlova: v 4 t.* [Experience of the dictionary of Turkic dialects by V.V. Radlov. 4 vols.]. St. Petersburg, 1893–1911, vol. 1–4.
20. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskaya* [Orenburg topography]. Orenburg, 1887, 405 p.
21. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic vocalic stems]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
22. *Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* [The Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 200 p.
23. Tatishchev V.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, 1979, 465 p.
24. Toporov V.N., Trubachev O.N. *Lingvisticheskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ya* [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region]. Moscow, 1962, 270 p.
25. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987, vol. 1–4.
26. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary Chuvash. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vols. I–II.
27. Fedchenko O.D. *Baltskaya gidronimiya Volgo-Kamskogo regiona* [Baltic hydronymy of the Volga-Kama region]. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal* [Kazan Linguistic Journal]. 2019, no. 4 (2), pp. 22–38.
28. Frolov N.K. *Russkie toponimicheskie zaimstvovaniya iz samodiisko-ugorskikh yazykov* [Russian toponymic borrowings from Samoyedic-Ugric languages]. Novosibirsk, 1991, 96 p.
29. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language. 2 vols.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994, vol. I–II.
30. Trubachev O.N. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological dictionary of Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974–2005, vol. 1–31; 2005, vol. 32; 2007–2009, vol. 33–35.
31. *Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. Riga: Avots, 2002, 670 p.
32. *Latviešu-vācu vārdnīca. Pārstrādāt otrais uzdevums. Dīvos sējums*. Riga: Avots, 1980.
33. *Lyberis Antanas. Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. Vilnius: Mintis, 1971.
34. *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern und München: A. Francke, 1959. 1183 S.
35. *Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.
36. *Smoczyński Wojciech. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas)*. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007, 823 p.
37. *Vanagas A. Lituvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas, 1981.

GENNADIY E. KORNILOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkorn@rambler.ru).

Формат цитирования: Корнилов Г.Е. О потамонимах-«балтизмах» Волго-Камского региона (начало заочного диалога с автором статьи «Балтская гидронимия Волго-Камского региона» О.Д. Федченко) // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 54–65. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-54-65.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)6

А.В. МАНЬКОВ

**МОБИЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ОБ ЭВАКУАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ АРТИСТОВ В КИРОВСКУЮ ОБЛАСТЬ
И ИХ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(1941–1944 годы)**

Ключевые слова: советская культура, Великая Отечественная война, Ленинград, учреждение культуры, артисты, эвакуация, Государственная академическая капелла, Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА), культурное обслуживание красноармейцев, политработников и командиров, Кировская область, Хоровое училище, гастролы.

В статье анализируется деятельность Ленинградской государственной академической капеллы накануне и в годы Великой Отечественной войны. Актуальность исследования обусловлена приближающейся 80-й годовщиной Победы Советского Союза и его народа в противостоянии с Германией. Вторжение нацистов застало коллектив капеллы в гастрольной поездке по городам европейской части страны. А что известно о ее работе в период войны? В чем была специфика репертуара?

Цель работы – исследование изменений, связанных с началом и ходом войны (1941–1944 гг.), в организационной и художественной деятельности Ленинградской государственной академической капеллы.

Материалы и методы. Основой публикации выступают материалы Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. Автором используются проблемно-аналитический и хронологический методы.

Результаты исследования. Начавшаяся война внесла серьезные перемены в жизнь организаций. В 1941–1942 гг. многие крупные учреждения культуры Ленинграда по решению органов власти были перемещены из города на Неве. Среди них, в том числе, оказались Ленинградская государственная академическая капелла и тесно связанное с ней Хоровое училище, которые переехали в Кировскую область (Вятский край). Старейшее музыкальное учреждение страны в августе 1941 г. было вывезено поездом из Ленинграда, где оно работало после основания в Петербурге в 1713 г., в г. Киров, а училище – в с. Арбаж. Кроме этого, многие сотрудники и артисты капеллы ушли на фронт: в РККА и ополчение, а некоторые работники умерли в блокадном Ленинграде. В Кировской области ленинградские артисты находились с августа 1941 г. по осень 1943 г., выступая с концертами в Облдрамтеатре, библиотеке имени А.И. Герцена, Доме Красной армии, госпиталях и воинских частях. Так, первый концерт для красноармейцев был дан «с колес» уже 30 августа 1941 г. С осени 1942 г. артисты начали выезжать из Кирова в различные регионы страны на гастролы (Узбекистан, Туркмения, Сибирь). В то же время установлены факты, имеющие признаки научной новизны, того, что местонахождение ядра капеллы в ходе войны менялось, а большая часть коллектива капеллы оставалась в Ленинграде и продолжала в нем концертную деятельность, в каждой из частей работали свои директора и художественные руководители. Так, в начале 1944 г. база ядра капеллы переместилась в г. Москву, а затем в г. Горький, при этом продолжались длительные гастролы, например, по городам Поволжья. В октябре 1944 г. Ленинградская государственная академическая капелла в порядке эвакуации возвратилась в г. Ленинград, где приступила к работе на старой базе. В 1941–1944 гг. репертуар капеллы пополнился рядом новых произведений, в основном, советских композиторов С. Прокофьева, Ю. Шапорина и А. Хачатуряна.

Выводы. Перемены в деятельности Ленинградской государственной академической капеллы стали следствием того, что в исследуемый период в культурной жизни страны появилось новое явление, которое автор определяет как «мобилизация советской культуры». Аналогично органам политического управления Советского Союза, Красной армии и флоту, экономике и тылу страны летом-осенью 1941 г. крупнейшие учреждения культуры перешли на работу в условиях военного времени. Так, неотъемлемой частью битвы за Ленинград (1941–1944 гг.) стала эвакуация не только промышленных предприятий и огромного количества жителей, но и переезд театров, музыкальных и концертных организаций на восток страны. Перемещение их

коллективов привело к организационным изменениям и перестройке художественной деятельности. В частности, состав капеллы оказался разделенным на несколько практически самостоятельных частей. При этом с августа 1941 г. по июль 1943 г. основное внимание артистов было уделено культурному обслуживанию красноармейцев, политработников и командиров РККА, находящихся в Кировской области. С этой целью «первый русский хор» подготовил более 500 концертов, которые проводились не только на сценах учреждений культуры, но и в частях РККА и госпиталях. В это время основу ее репертуара стали составлять произведения, созданные отечественными композиторами на патриотическую и советскую тематику. Например, музыкальным символом героизма и патриотизма, олицетворяя дух нации, а также восхищение русской историей и культурой, стала кантата С. Прокофьева «Александр Невский». Зимой 1942 г. артисты, оставшиеся в Ленинграде, выступали с концертами в блокадном городе. Осенью 1942 г. капелла возобновила гастроли по городам страны, в первую очередь, азиатской части СССР. Гастроли в 1943–1944 гг. стали главной формой деятельности, в частности, одной из самых длительных оказалась поездка по городам Поволжья, длившаяся более 90 дней, с 12 июля по 18 октября 1944 г. С Волги капелла вернулась в город на Неве.

Введение. В фокусе исследовательского внимания – Ленинградская государственная академическая капелла (далее – Капелла). Сегодня доподлинно известно, что Капелла ведет свое происхождение со времен Ивана III, создавшего в Москве Хор государевых певчих дьяков. В годы правления Петра I музыканты сопровождали молодого царя в Азовских походах 1695–1696 гг. 27 мая 1703 г. коллектив пел уже на закладке Петропавловской крепости и с тех пор остался в Петербурге. Участие певческого общества придавало особую приподнятую атмосферу торжествам по случаю побед Русской армии под Полтавой, Нарвой или Ригой. В 1713 г. произошло событие, которое принято считать днем рождения организации – царский хор получил официальный придворный статус, что в наши дни сделало его старейшим государственным учреждением культуры России [13. Д. 233. Л. 1]. В 1903 г. Императорская придворная певческая капелла приняла участие в праздновании 200-летия Петербурга [6. С. 1]. В мае 1921 г. Капелла вошла в состав созданной советскими властями Государственной филармонии Петрограда. Однако 1 июля 1922 г. она была объявлена самостоятельным художественно-музыкальным и музыкально-педагогическим учреждением [13. Д. 1. Л. 1]. Осенью 1922 г. ей был предоставлен статус академической [13. Д. 1. Л. 5]. Войну с фашизмом Капелла встретила как одно из крупнейших советских музыкальных учреждений, находившихся в ведении Главного управления музыкальных учреждений (Госмузколлектив) Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР [13. Д. 231. Л. 15].

Российским специалистам, которые изучают Великую Отечественную войну, совершенно очевидно, что летом 1941 г. органы государственного и политического управления Советского Союза, Красная армия и Красный флот, а также экономика и тыл огромной страны оперативно перешли на работу в условиях военного времени. Это стало следствием того, что с нападением 22 июня 1941 г. нацистской Германии и ее многочисленных европейских сателлитов на первую в мире страну социализма в СССР была объявлена всеобщая мобилизация, которая, по сути, касалась не только военнообязанных на территории 14 военных округов (всего в 1941 г. в СССР имелось 17 военных округов. – А.М.), но и затронула все основные политические и экономические институты огромного государства.

В Ленинграде 22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было объявлено военное положение [9]. Битва за Ленинград, начавшаяся 10 июля 1941 г., по нашему мнению, оказалась одним из первых крупных

сражений Великой Отечественной войны. По оценке специалистов, уникальное место этого события в истории СССР и, как следствие, особое положение города в общественно-политической жизни Советского государства неоднократно подчеркивалось отечественными историками [8]. Так, по авторитетному заключению петербургского ученого, доктора исторических наук А.А. Михайлова, «Битва за Ленинград в 1941–1944 гг., несомненно, является одной из наиболее героических и трагических страниц в истории Великой Отечественной войны и в отечественной истории в целом» [8. С. 15].

При этом необходимо иметь в виду, что битва за Ленинград имела свои, вне всякого сомнения, как военные, так и гуманитарные особенности и, как видится, не была похожа ни на одно большое сражение II Мировой войны. В подтверждение этого тезиса данная специфика нашла свое отражение и в исследованиях российских ученых. Например, вышедший в 2014 г. сборник научных статей, приуроченный к 70-летию полного освобождения Ленинграда от блокады, весьма символично получил название «Город–фронт», в какой-то степени закреплявшее эту уникальность в сознании людей [5].

Неотъемлемой частью битвы за Ленинград стала эвакуация промышленных предприятий, учреждений и огромного количества граждан города. Для советских людей в целом и ленинградцев в частности в начальный период войны подобное перемещение людей и материальных ценностей за пределы постоянных регионов, конечно же, стало необычным явлением. Никогда до этого из городов Советского Союза не осуществлялся вывоз как экономических объектов, так и тем более целых организаций.

Мощным толчком к активной эвакуации промышленных предприятий и советских учреждений из города на Неве в другие районы страны стала приближающаяся блокада Ленинграда, которая началась 8 сентября 1941 г. В то же время их переезд вглубь Советского Союза начался еще летом 1941 г. и продолжался в некоторых случаях до августа 1942 г. Так, согласно Постановлению Военного Совета Ленинградского фронта № 001048 от 5 июля 1942 г., исполком Ленинградского городского совета в срок до 15 августа 1942 г. обязан был организовать эвакуацию из Ленинграда вглубь страны до 300 000 человек. В числе более десятка категорий жителей города наряду с писателями, преподавателями и учеными, указанными в этом документе, были и ленинградские артисты [8. С. 87].

Среди тех, кто в ходе проходившего процесса эвакуации в организованном порядке покидал Ленинград, оказались крупные и популярные в городе учреждения советской культуры. К ним, например, относились ведущие театры Ленинграда (Государственный академический театр оперы и балета, Государственный академический театр драмы, Государственный академический малый оперный театр и др.), которые в первые месяцы войны, как и многие промышленные предприятия, осуществили передвижение в восточные районы страны, в частности в Предуралье и Сибирь.

В связи с этим ленинградский композитор и музыковед В.М. Богданов-Березовский вспоминал после войны: «Специальными поездками уезжали из Ленинграда эвакуированные художественные организации: театры, консерватория, филармония, а вместе с ними и многие наши товарищи композиторы и музыковеды. Путь был небезопасен, – вражеская авиация бомбила непрерывно. Но и он вскоре оказался отрезанным. Немцы вышли к восточным предместьям

Ленинграда и почти сомкнули кольцо. Эвакуация, хотя и в меньших масштабах, продолжалась уже на самолетах» [1. С. 14].

В современной исторической литературе особенности подобной практики ленинградских театров, а также консерватории в годы войны, на мой взгляд, освещены достаточно полно, в частности и в наших публикациях¹. Однако по-прежнему мало информации о том, что происходило в военные годы не с крупнейшими ленинградскими театрами, а с другими учреждениями культуры города на Неве, в частности с музыкальными организациями. Так, старейшей из них, как в Ленинграде, так и во всей стране, всегда являлась Государственная академическая капелла, официально созданная в 1713 г. указом Петра I. Ее «военная история», на наш взгляд, незаслуженно забыта. Что известно о ее работе в период войны? В чем была специфика репертуара? Какие новые формы взаимодействия данного учреждения культуры с обществом и Красной армией появились в годы Великой Отечественной войны? Актуальность исследования обусловлена приближающейся 80-й годовщиной Победы Советского Союза и его народа в противостоянии с Германией.

Цель данной работы – исследовать изменения, связанные с началом и ходом войны с фашизмом (1941–1944 гг.), в организационной и художественной деятельности Государственной академической капеллы.

Материалы и методы. В представленной публикации используются материалы Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Автором статьи применяются проблемно-аналитический и хронологический методы исследования.

Результаты исследования. Обращение к немецким историческим источникам позволяет в настоящем утверждать, что фюрер германской нации А. Гитлер действительно отдельно ненавидел Ленинград, считая его как символом русской истории, так и идейным центром большевизма. Например, крупный немецкий военачальник генерал Ф. Гальдер в своих знаменитых дневниках подчеркивал, что «в решении Гитлера, высказанном 8 июля, далее говорилось, что уничтожение Москвы и Ленинграда будет означать “народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и всю Московию”» [4. С. 101]. В связи с этим немецкий историк Х. Польшман, лично участвовавший в сражении за Ленинград в составе вермахта, отмечает, что, по мнению Гитлера, «основанный Петром Великим город должен был исчезнуть с лица земли» [10. С. 4]. Таким образом, уничтожение Ленинграда преследовало нанесение не только большого политического, но и культурного, а также морально-психологического ущерба всему советскому народу, а не исключительно жителям одного города.

Вполне возможно, что в соответствии с такой позицией политического руководства Германии немецкие войска и их финские сателлиты практически с самого начала военного вторжения в СССР прежде всего пытались уничтожить важнейшие объекты русской культуры, находящиеся в городе на Неве. По этой причине органы Советской власти, чтобы спасти их, и в особенности сотрудников этих многочисленных учреждений, принимали летом 1941 г. порой очень сложные решения. Так, 15 августа 1941 г. Советом Народных Комисса-

¹ См. например: *Маньков А.В.* Ленинградские театры в начальный период Великой Отечественной войны // Центр и периферия. 2021. № 2. С. 21–35; *Маньков А.В.* Художественный фронт ленинградских театров // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 51–56.

ров СССР (СНК СССР) было принято Постановление об эвакуации самого знаменитого театра города – Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова в г. Молотов (с 1957 г. город, как и при его создании, вновь называется Пермь. – А.М.).

Среди тех, кто 19 августа 1941 г. железнодорожным транспортом покинул «город Ленина», находились, например, ведущие артисты балета Кировского театра (так в городе в честь С.М. Кирова кратко называли театр оперы и балета. – А.М.): лауреат Сталинской премии народная артистка РСФСР Г. Уланова, заслуженный артист РСФСР К. Сергеев, заслуженная артистка РСФСР Т. Вечеслова, балерины Н. Анисимова и Н. Камкова. Вместе с прославленным на весь мир учреждением культуры на восток Советского Союза были вывезены также педагоги, сотрудники и воспитанники старших классов Ленинградского хореографического училища (ЛХУ) (в наши дни – Академия русского балета имени А.Я. Вагановой. – А.М.), в котором, как обычно в июне 1941 г., прошли выпускные экзамены [2. С. 1].

По причине перемещения основной части трудового коллектива в Молотов очередной номер печатного органа комитета ВКП(б), месткома и дирекции театра газеты «За советское искусство» (№ 24) уже выходил 13 сентября 1941 г. в типографии «Звезда» в Предуралье. При этом передовая статья этого популярного печатного издания весьма символично в духе военного времени называлась «Боевые задачи нашего театра». В ней секретарь бюро партийной организации Кировского театра заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии 1-й степени, оперный певец Б.М. Фрейдков в первую очередь указал: «Сезон 1941–1942 гг. Ленинградский Государственный ордена Ленина Академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова открывает в гор. Молотове. Основным и ведущим моментом работы театра должно быть ее полное подчинение нуждам военного времени... Мы советские актеры, кровь от крови, плоть от плоти советского народа, являемся бойцами идеологического фронта, которые помогают ковать победу фронту боевому. Военно-шефская работа нашего театра должна быть поставлена так, чтобы театр с чистой совестью продолжил в этом деле свои славные традиции... Свыше 350 концертов было дано для бойцов с момента объявления войны» [2. С. 1].

Соответственно, за пределами Ленинграда вскоре оказались и другие известные театральные организации города. Так, 16 сентября 1941 г. состоялась первая репетиция в г. Чкалове (современный Оренбург) творческого коллектива Ленинградского ордена Ленина академического малого театра оперы и балета, он убыл в эвакуацию одновременно с Кировским театром. Вот что пишет об этом газета «За советское искусство»: «20 сентября должны были начаться его спектакли на сцене Летнего театра в Чкалове, но из-за резкого похолодания в городе работа театра после показа двух спектаклей “Черевички” П.И. Чайковского и “Цыганский барон” И. Штрауса была прервана» [3. С. 4].

22 января 1942 г. в г. Березники Молотовской области начал свои спектакли Ленинградский театр юных зрителей (ТЮЗ). Популярный городской театральный коллектив приехал в Прикамье в полном творческом составе во главе с художественным руководителем народным артистом РСФСР, орденоносцем А.А. Брянцевым, где находился до 1944 г. и работал на сцене Березниковского драматического театра [11. С. 4].

Что же касается еще одного флагмана отечественной культуры – Государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра драмы имени А.С. Пушкина, то он был эвакуирован из Ленинграда в г. Новосибирск, где к июню 1942 г. театр дал 209 спектаклей, обслужив 210 798 зрителей [7. С. 4].

Как следует из архивных материалов, среди учреждений культуры Ленинграда, почти три года проводивших вне города, оказалась также и Капелла. Из документов стало известно, что за несколько месяцев до вторжения Германии и ее многочисленных союзников в Советский Союз большая часть коллектива Капеллы активно готовилась к очень длительным и важным гастролям. Так, 19 апреля 1941 г. был направлен в Москву, а затем по спланированному пути гастрольного тура – городам, в основном юга России и Украины, администратор Капеллы И.М. Гусинов [13. Д. 223. Л. 32].

Спустя почти месяц после этого 13 мая 1941 г. убыли на гастроли хор и ансамбль Капеллы во главе с и.о. директора В.И. Басовым [13. Д. 223. Л. 39]. На время поездки временно исполняющей обязанности художественного руководителя была назначена дирижер Капеллы Е.П. Кудрявцева (первая в СССР женщина – хоровой дирижер. – А.М.) [13. Д. 221. Л. 6].

План творческой поездки, как представляется, получился чрезвычайно насыщенным. Вот лишь часть тех городов Советского Союза, которые должны были посетить ленинградские артисты: 11 июня планировались концерты в Херсоне, 12 и 13 – в Николаеве, 14, 15, 16 июня – в Сталино, 17 и 18 июня – в Таганроге, 19 и 20 июня – в Новочеркасске, 21 и 22 июня – в Шахтах, 23 и 24 июня – в Армавире. Завершить гастроли планировалось в первых числах июля 1941 г. в Грозном и Махачкале [13. Д. 230. Л. 4].

Сегодня можно констатировать тот факт, что в целом гастроли ленинградских мастеров искусств накануне войны, прошедшие по сложному маршруту, оказались весьма успешными. В подтверждении этого мнения можно привести текст хранящегося в ЦГАЛИ СПб письма от новочеркасских советских и партийных работников в адрес Капеллы. В нем, например, было, указано: «Выступление Ленинградской Государственной Академической капеллы в Новочеркасске “перед трудящимися явилось большим культурным праздником”. Старейшая Капелла страны, выступившая 19 июня в летнем городском театре, продемонстрировала “свое исключительное мастерство при исполнении сложнейших классических произведений русских, западноевропейских и советских композиторов”» [13. Д. 230. Л. 10].

В письме руководителей Новочеркасска особо подчеркивалось, что «высокая вокальная культура, стройное звучание ансамбля, полная проникновенность исполнения, удачно подобранного репертуара является отличительной чертой капеллы». За сутки до начала войны 21 июня 1941 г. в официальном обращении представители разных органов власти старинного русского города (Председатель исполкома депутатов трудящихся, зав. отделом пропаганды горкома ВКП(б), Секретарь горкома ВЛКСМ. – А.М.) пожелали «Ленинградской Государственной Академической Капелле дальнейших творческих успехов в пропаганде высокой хоровой культуры среди трудящихся масс СССР» [13. Д. 230. Л. 10].

О каком репертуаре шла речь в письме? Конечно же, он был очень богатым и содержательным, о чем свидетельствуют архивные материалы, в частности протокол заседания художественного совета Капеллы от 11 февраля 1941 г., на котором рассматривалась подготовка к предполагаемой гастрольной

поездке в Москву и на Украину [13. Д. 227. Л. 1]. Однако в контексте исследования необходимо особо обратить внимание на то, что в самом конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг. творческий багаж Капеллы пополнился рядом новых музыкальных произведений с ярко выраженной советской и патриотической направленностью. Так, подчиняясь духу сложного предвоенного времени, в 1939 г. в программе концертов Капеллы появляются следующие произведения: «Поэма о Сталине», написанная выдающимся армянским советским композитором А.И. Хачатуряном на стихи азербайджанского ашуга Мирзы и впервые прозвучавшая в ноябре 1938 г., симфония-кантата «На Поле Куликовом», созданная известным мастером Ю.А. Шапориным на стихи русского поэта Серебряного века А.А. Блока в 1939 г., и, наконец, в 1940 г. кантата «Александр Невский» одного из величайших композиторов XX в. С.С. Прокофьева с вокальными партиями на стихи русского советского поэта В.А. Луговского [13. Д. 304. Л. 1]. Примечательно, что новый репертуар был подобран под руководством дирижера Е.П. Кудрявцевой.

В ходе гастрольной поездки артисты Капеллы нашли возможность выступить с этими и другими талантливыми произведениями советских мастеров искусств не только перед «трудящимися массами СССР», но и перед красноармейцами, политработниками и командирами Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), что в условиях сложной военной обстановки уже идущей II Мировой войны, на наш взгляд, носило политический характер. Так, 31 мая 1941 г. выступление артистов произошло в Доме Красной армии в г. Щигры Курской области, 3 июня на такой же площадке – в одном из крупнейших городов Советской Украины – Харькове, а 1 июня мастера искусств из Ленинграда с творческими целями посетили военные лагеря Красной армии близ г. Курска [13. Д. 230. Л. 4].

Несмотря на успех большинства выступлений, нельзя не отметить весьма курьезный случай, заключавшийся в том, что один из концертов в г. Шахты 22 июня 1941 г. был отменен по причине большой сырости после проливного дождя на открытой эстраде городского парка, что, на наш взгляд, в этот день было весьма символично [13. Д. 230. Л. 11].

Начавшаяся утром этого дня Великая Отечественная война обусловила досрочное окончание гастрольной поездки и возвращение артистов в город на Неве. Как следствие вторжения агрессоров, ранее запланированные на 23 и 24 июня концерты в Армавире не состоялись, так как Капелла из Батайска Ростовской области была перенаправлена местными властями не в Краснодарский край, а в Москву для сдачи вагонов в Дзержинскую железную дорогу (коллектив артистов перемещался по стране по железной дороге в трех пассажирских вагонах. – А.М.) [13. Д. 230. Л. 12].

В контексте исследования интересно то, что 15 человек из числа артистов Капеллы, находящиеся на гастролях, на момент нападения фашистов были военнообязанными, а часть из них имела на руках мобпредписания, что, естественно, после официального объявления войны в обязательном порядке заставило их выехать в сторону Ленинграда [13. Д. 230. Л. 12].

Разумеется, что в создавшихся сложных условиях администратор Капеллы по почте сообщил о возвращении коллектива в Ленинград. Так, 23 июня 1941 г. на набережную реки Мойка, дом 20, где находилась Капелла в мирное время, ее директору А.А. Лешкову из Ростова-на-Дону пришла короткая телеграмма со словами: «Ввиду сложившихся обстоятельств капелла возвращается через Москву в Ленинград. Гусинов» [13. Д. 230. Л. 13].

Подчеркнем, что с началом войны в Капелле сменилась администрация. К слову, получивший телеграмму из Ростова директор Капеллы А.А. Лешков к тому времени совсем недолго пробыл на руководящей должности. Он был назначен директором только 12 мая 1941 г., сменив исполнявшего обязанности директора его заместителя В.И. Басова, т.е. за день до убытия Капеллы в гастрольный тур по СССР и за 40 дней до вторжения фашистов.

Говоря об администрации Капеллы, следует отметить, что работавший художественным руководителем хора авторитетный работник культуры Ленинграда А.В. Свешников убыл в Москву на должность художественного руководителя Государственного хора Союза ССР. Свешников также по совместительству работал в Ленинграде директором Детской хоровой школы при Капелле. Назначение в Москву, которое, несомненно, явилось признанием его большого таланта и заслуг перед отечественной культурой, было произведено 10 апреля 1941 г. Приказом по личному составу государственных музыкальных коллективов с освобождением от работы в Капелле с 15 мая 1941 г., т.е. практически за месяц до нападения фашистов [13. Д. 221. Л. 3].

Что же касается А.А. Лешкова, то он 22 июня 1941 г. был освобожден от должности, а уже 23 июня 1941 г. по мобилизации призван в ряды РККА. Приказом уполномоченного комитета по делам искусств при СНК СССР и.о. директора Капеллы с 23 июня был назначен В.А. Агафонов [13. Д. 221. Л. 3], который до этого работал и.о. директора Детской хоровой школы при Капелле (сменил А.В. Свешникова. – А.М.).

Вместе с тем 27 и 28 июня в распоряжение Капеллы в Ленинграде начали возвращаться из гастрольной поездки артисты хора. В то же время отсутствие поездов, проблемы с организацией движения транспорта привели к тому, что их основная часть (80 чел.) прибыла в Ленинград только в самом начале июля [13. Д. 221. Л. 56].

Чем занимались в первые недели вторжения врага вернувшиеся в город артисты и другие сотрудники Капеллы? Новый директор и художественный руководитель Капеллы орденосец Д. Лебедев писал в одном из отчетов 1941 г.: «В момент нападения на Советский Союз озверелых банд германского фашизма – Ленинградская Академическая капелла помимо широко развернувшейся работы среди частей РККА и военно-морского флота личным участием работников способствовала обороне города Ленина, чередуя шефскую концертную работу с трудовыми работами по укреплению подступов к Ленинграду. Значительная часть работников Капеллы ушла в ряды РККА и народное ополчение, но и оставшийся состав продолжал выполнять всеми силами свой долг перед Родиной» [13. Д. 240. Л. 2об.].

Действительно, в связи с объявленной в СССР мобилизацией среди работников Капеллы шел призыв мужчин на военную службу. Например, 5 июля зам. начальника В.И. Басов, который возглавлял Капеллу в прерванной войной гастрольной поездке, убыл в добровольческую армию (так в первые дни войны называли ленинградское ополчение. – А.М.) [13. Д. 221. Л. 56].

В конце июля 1941 г. в трудовом коллективе наконец-то были организованы занятия в системе местной противовоздушной обороны (МПВО). Так, 23 июля 1941 г. в приказе по Капелле объявлялось важное административное указание: «С 24-го июля всех сотрудников Капеллы разбить на группы по 50 чел. и приступить к регулярным занятиям, по 3 часа в день с каждой группой, согласно программы штаба МПВО г. Ленинграда. Явка на занятия независимо

от возраста и состояния здоровья безусловно обязательна. Уклоняющиеся будут привлекаться к ответственности по законам военного времени» [13. Д. 224. Л. 67].

Между тем по причине резкого ухудшения положения дел на северо-западном участке советско-германского фронта в начале августа 1941 г. на повестку дня работы советских и партийных организаций был поставлен вопрос об эвакуации учреждений культуры Ленинграда на восток страны. Уже упомянутый нами ЦГАЛИ СПб сохранил список областей СССР, предназначенный для эвакуированных из Ленинграда организаций и их сотрудников. В него вошли: Акмолинская, Актюбинская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Кзыл-Ординская, Карагандинская, Молотовская, Новосибирская, Омская, Павлодарская, Свердловская, Удмуртская АССР, Челябинская, Южно-Казахстанская, Ярославская области [13. Д. 232. Л. 2].

Что касается Капеллы, то ей изначально было предложено 18 августа вывезти в эвакуацию работающих в учреждении матерей с детьми до 14 лет, а также жен и детей работающих сотрудников [13. Д. 232. Л. 1]. Срок эвакуации артистов и сотрудников Капеллы предлагалось перенести на 25 августа, так как они находились на трудовых работах [13. Д. 232. Л. 3]. 25 августа в 20 ч 30 мин. трудовой коллектив поездом выехал в Кировскую область – большой регион страны, находящийся на стыке Поволжья и Предуралья. Из текста Приказа № 1 (нумерация документов в эвакуации стала вестись с начала. – А.М.) видно, что Капелла прибыла в Вятский край (историческое название Кировской области. – А.М.) не позднее 28 августа 1941 г. [13. Д. 225. Л. 1].

Соответственно, советских граждан, связанных с Капеллой, было эвакуировано из Ленинграда 157 человек. В списках вывезенных на «Большую землю» артистов, сотрудников и их родственников находились 37 мужчин, 90 женщин и 30 детей-членов семей [13. Д. 232. Л. 5–7, 7об.]. Также с взрослыми работниками и членами их семей выехало 56 учащихся Детской хоровой школы при Капелле [13. Д. 232. Л. 8,9]. К слову, среди воспитанников школы, приехавших в 1941 г. в Вятский край, оказалось несколько известных в будущем советских музыкантов, например, композитор Александр Флярковский (по документам Капеллы числился Альфредом Флярковским, 1931 г. рождения. – А.М.) и будущий дирижер народный артист СССР Юрий Силантьев, которому не было и 10 лет.

Особо подчеркнем, что 18 августа 1941 г. хор Капеллы прекратил работу в Ленинграде. Однако, несмотря на эвакуацию, в Ленинграде по разным причинам все же остались 50 артистов и множество сотрудников разных специальностей [13. Д. 232. Л. 11]. Часть Капеллы, оставшуюся в Ленинграде, 20 августа 1941 г. возглавил и.о. зам. директора С.Д. Крупнов (до этого работал инженером. – А.М.) [13. Д. 223. Л. 72].

В обстановке полной неизвестности первых месяцев войны артистов с 21 августа 1941 г. отправили в отпуска на неопределенный срок. В то же время 12 ноября 1941 г. мастера искусств Капеллы (44 человека. – А.М.), находившиеся в городе, были вызваны на рабочие места и возобновили художественную деятельность [13. Д. 232. Л. 96]. Их художественным руководителем до марта 1942 г. трудился И.С. Миклашевский (Игорь Сергеевич Миклашевский в предвоенные годы выступал дирижером на сцене Ленинградской филармонии – А.М.). 1 ноября 1941 г. он был назначен на должность дирижера Капеллы [13. Д. 232. Л. 96]. Согласно новому трудовому распорядку, выходным днем для артистов объявлялся понедельник, а продолжительность репетиций должна была составлять не менее 4 часов [13. Д. 232. Л. 96].

С наступлением первой блокадной зимы 1941–1942 гг., как и среди большинства ленинградцев, у неэвакуированных артистов хора Капеллы возникли проблемы с питанием, в связи с чем ее ленинградская дирекция обратилась к районным властям по месту расположения здания Капеллы. В письме, в частности, было сказано, что «в декабре 1941 г. ввиду тяжелого состояния артистов хора Дирекция Капеллы убедительно просила прикрепить свой состав в количестве 55 человек к столовой № 2 или к столовой угол Дзержинского и Гоголя. В случае невозможности это сделать, то прикрепить 15 человек особо тяжело слабых на январь 1941 г.» [13. Д. 237. Л. 11]. К сожалению, не все артисты и сотрудники выдержали испытание голодом. Так, в ночь на 2 марта 1942 г. от истощения умер худ. рук. Капеллы И.С. Миклашевский.

Что же касается тех артистов, которые выехали в Приволжье, то, например, артистов хора среди них оказалось 35 человек, т.е. меньше, чем осталось в Ленинграде. Главным дирижером Капеллы была Е.П. Кудрявцева (Елизавета Петровна Кудрявцева работала в этой должности с 1941 г. по 1944 г. – А.М.). Директор и художественный руководитель Капеллы орденоносец Д. Лебедев (Дмитрий Николаевич Лебедев возглавлял Капеллу с 1941 по 1943 г. – А.М.) сообщал в одном из донесений: «Правительственными распоряжениями ряд театральных и музыкальных учреждений были временно переведены из г. Ленинграда, в числе их направлена в г. Киров и Ленинградская Государственная Академическая капелла, а хоровая школа при ней была направлена в Кировскую область и находится в Арбажском районе» [13. Д. 240. Л. 2об.].

28 августа 1941 г. 40 человек из администрации Капеллы, артистов хора, а также костюмер были отданы приказом о прибытии на новое место работы уже в областном центре региона – городе Кирове [13. Д. 225. Л. 1]. Тогда же начала функционировать в селе Арбаж – районном центре Кировской области и Детская хоровая школа [13. Д. 225. Л. 6].

29 августа 1941 г. о состоянии школы ее директор В.А. Агафонов доложил заместителю начальника Главного управления учебных заведений Комитета по делам искусств при СНК СССР тов. Кухаркову: «Хоровая Школа при Лен. гос. академической капелле эвакуирована в Кировскую область, Арбажский район, деревня Петухи (79 км от Кирова. – А.М.). Я сам сопровождал школу до места расквартирования. Школа расквартирована в нормальных условиях, как бытовых, так и в смысле питания. К 1-му сентября школа будет переведена в районный центр Арбаж. В связи с моим уходом в народное ополчение, я оставил своим заместителем на время моего отсутствия тов. Богданова... которому оставлена доверенность» [13. Д. 244. Л. 1].

Кстати, отметим, что эвакуированная в Кировскую область Хоровая школа впоследствии разделилась на две части. Одна из них в 1944 г. вернулась в город на Неве, а из другой вскоре было создано Московское хоровое училище (в наши дни – Академия хорового искусства имени В.С. Попова. – А.М.).

Перемены в размещении Капеллы и хоровой школы в условиях военного времени очень быстро привели к изменениям специфики художественной деятельности концертной организации. С первого дня нахождения в Вятском крае ленинградские артисты основное внимание уделили культурному обслуживанию красноармейцев, политработников и командиров РККА, находящихся в регионе. Подчеркнем, что, оказавшись в ситуации, когда практически с колес музыкальный коллектив должен был организовывать мероприятия с военнослужащими РККА, Капелла провела в г. Кирове в короткий период с 30 августа по 1 сентября 1941 г. 16 военно-шефских концертов [13. Д. 234. Л. 8].

Говоря об этой деятельности трудового коллектива, отметим, что директор и художественный руководитель Капеллы Д. Лебедев напомнил в одном из отчетов военных лет о наличии преемственности этой работы с историческими реалиями прошлого, прежде всего военно-политическими событиями 1939–1940 гг. В частности, он указал: «Коллектив Капеллы с первых дней революции наряду со всеми работниками искусств неустанно проводил свою почётную работу культурного шефства над частями Рабоче-крестьянской Красной армии, а в дни борьбы с белофиннами (Советско-финляндская война 1939–1940 гг. – А.М.) усилил эту работу, посылая бригады на передовые позиции, обслуживая концертами госпиталя и призывные пункты» [13. Д. 240. Л. 2об.].

В ЦГАЛИ СПб хранится немало отзывов командиров и политработников РККА об этой работе Капеллы в начальный период Великой Отечественной войны. Так, например, начальник клуба одного из военных госпиталей политрук С. Тарасов написал осенью 1941 г.: «Бойцы и комполит состав, находящийся на излечении в госпитале 3 154 в городе Кирове, выносят большую благодарность коллективу Ленинградской Государственной Академической капеллы за данные 2 концерта 26 сентября 1941 г. за доставленное художественное исполнение концерта, и мы просим коллектив воодушевлять нас своим мастерством на новые подвиги, на разгром фашизма» [13. Д. 234. Л. 6].

Работа коллектива Капеллы в 1942 г. проходила в основном в г. Кирове и Кировской области [13. Д. 315. Л. 1]. Основными сценическими площадками г. Кирова для артистов в этот год планировались: Областной драматический театр, библиотека им. А.И. Герцена (одна из старейших библиотек России, основанная в 1837 г. – А.М.) и Дом Красной армии [13. Д. 259. Л. 3]. Особое внимание уделялось шефским концертам в частях Красной армии, госпиталях и агитпунктах [13. Д. 315. Л. 1]. Кстати, в помещении Кировского областного театра сцену приходилось делить с артистами Ленинградского Большого драматического театра (БДТ), также эвакуированного в Киров.

В 1942 г. Капелла, как следует из ее производственного плана, «находящаяся временно в г. Кирове, ставила своей задачей пропаганду произведений советских композиторов, знакомство слушателей с лучшими образцами русской и западно-европейской музыки, народных песен СССР и Запада. Все эти произведения предусматриваются как хоровые произведения» [13. Д. 259. Л. 1].

В производственном плане организации на второй год войны подчеркивалось, что «исторические и революционные даты красного календаря являются одним из узловых моментов составления программы производственного плана». В документе также особо обращалось внимание на фундаментальные хоровые произведения. Согласно плану, предусматривалось исполнение следующих из них: кантата Прокофьева «Александр Невский», Шапорина «На поле Куликовом», оратория Генделя «Иуда Макковей». При этом довольно интересно, что в документе отмечались особенности состояния Капеллы в эвакуации: «Учитывая, что в г. Кирове нет симфонического оркестра, эти произведения пойдут в сопровождении фортепиано». И еще: «Для исполнения литературного текста этих произведений приглашаются мастера художественного слова» [13. Д. 259. Л. 1].

А что происходило в это время в Ленинграде? Например, в начале 1942 г. артисты Капеллы, оставшиеся в Ленинграде, выступали с концертами в блокадном городе. Так, подобный концерт состоялся 2 января 1942 г. по заявке Дома Красной армии по адресу набережная реки Фонтанка, д. 36 [13. Д. 263. Л. 2].

11 января 1942 г. – по договору с Союзом писателей в помещении Капеллы на набережной реки Мойки, 20. При этом дирижировал коллективом художественный руководитель И.С. Миклашевский [13. Д. 263. Л. 31].

Группа Капеллы, работавшая в Вятском крае, во второй половине 1942 г. возобновила активные гастроли по городам СССР. Например, осенью-зимой 1942 г. состоялась длительная гастрольная поездка артистов в Среднюю Азию и Сибирь. С 26 сентября по 31 декабря 1942 г. Капелла выступала в городах Узбекистана и Туркмении. Например, артисты посетили Ташкент, Коканд, Самарканд, Ашхабад, Мары, Чарджоу, а затем Новосибирск [13. Д. 267. Л. 9–9об., 10–10об.]. Интересно, что эти гастроли были продлены еще на 74 дня и продолжились до 15 марта 1943 г. [13. Д. 267. Л. 10].

Что стало приоритетами работы Капеллы в дальнейшем, в частности в период коренного перелома в войне (весна – лето 1943 г.)? В одном из отчетов дирекции мы находим ответ на этот вопрос: «В основу своей деятельности в 1943 г. Лен. гос. акад. капелла ставит задачу средствами искусства способствовать борьбе советского народа и его Красной Армии с германскими захватчиками, борьба за свободу, произведения героического плана лучших образцов русской и западно-европейской классической музыки, произведения советских композиторов на тему отечественной войны, – ложатся в основу производственного плана» [13. Д. 283. Л. 1].

В отчете по художественной работе подчеркивалось, что «работа коллектива Капеллы проходила в основном в поездках по Союзу. Проводилась большая работа по укомплектованию состава новыми артистами и по разучиванию нового репертуара. Капеллой были обслужены Средняя Азия, Новосибирск, Горьковская область и др.» [13. Д. 315. Л. 2].

Действительно, 26 апреля 1943 г. Капелла в количестве 50 человек во главе с дирижером Е.П. Кудрявцевой убыла в командировку в г. Горький и Горьковскую область. В начале мая туда же выехал и директор Д. Лебедев [13. Д. 279. Л. 7–7об.]. Гастроли в г. Горьком и Горьковской области (Арзамас и др.) продолжались с 27 мая по 1 июля 1943 г. [13. Д. 267. Л. 2–2об.].

В то же время администрация Капеллы столкнулась в этот период с существенными проблемами. Так, по оценке руководителей коллектива, в 1943 г., находясь в Кирове, Капелла начала испытывать дефицит профессиональных исполнителей. В связи с этим 12 июня 1943 г. директор учреждения Д. Лебедев обратился с письмом в адрес заместителя народного комиссара обороны СССР – начальника Главного управления формирования и комплектования войск РККА генерал-полковника Е.А. Щаденко. В нем, в первую очередь, указывалось: «С первых дней Отечественной войны из состава работников Академической Капеллы ушла в ряды РККА и стала добровольцами народного ополчения большая группа артистов Капеллы. В 1941 г. в Ленинграде умерло ряд ведущих артистов, и в настоящее время Капелла нуждается в срочном пополнении опытными и квалифицированными артистами. В целях сохранения одной из старейших музыкальных организаций страны, насчитывающей 230 лет своего существования, убедительно прошу освободить из РККА и направить в Лен. Государственную Капеллу, временно находящихся в городе Горьком, следующих ведущих артистов Лен. гос. ак. капеллы

1. Афанасьев Вас. Степ.
2. Дорофеев Викт. Серг.

3. Дмитриевский Дм. Осип.
4. Симонов Конст. Николаев.
5. Казакевич Конст. Павлов.

Мое обращение к Вам с просьбой отозвать из РККА хотя бы пять ведущих артистов является крайней мерой и как единственной в настоящее время, которая могла бы сохранить Ленингр. госуд. акад. капеллу» [13. Д. 285. Л. 2].

При всем этом дефиците квалифицированных специалистов, конечно же, ленинградские артисты продолжали активно выступать перед красноармейцами, политработниками и командирами РККА. Архивные документы содержат следующие цифры: «С момента приезда Капеллы из Ленинграда в Киров, т.е. с 22 августа 1941 года по 1 июля 1943 года, дано 225 производственных концертов и 320 шефских концертов в частях РККА и военных госпиталях» [13. Д. 286. Л. 1].

Отчеты руководства Капеллы свидетельствуют о том, что в этот период «обслужено свыше 75 тысяч человек бойцов и офицеров РККА. За проведенную шефскую работу имеются многочисленные благодарности от раненых бойцов и офицеров и от частей РККА, благодарности по Кировскому Гарнизону, награждение Грамотами Военного совета Московского Военного Округа» [13. Д. 286. Л. 1].

Довольно интересно, что в конце 1943 г. решался вопрос о выезде Капеллы в Куйбышев. Советские власти этого большого волжского города даже приняли соответствующее решение.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Бюро Куйбышевского Обкома ВКП (Б) и Исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 4.X.1943 г.

О размещении Ленинградской Государственной Академической Капеллы в г. Куйбышеве.

1. Разместить для работы в городе Куйбышеве Ленинградскую Государственную Академическую Капеллу.

Секретарь Обкома ВКП(б) Муратов» [13. Д. 285. Л. 5].

Однако улучшение ситуации на фронтах, имевшее место после коренного перелома в войне, сделало данное решение не вполне актуальным.

Существенная перестройка работы Капеллы была отмечена на заключительном этапе войны – начиная с 1944 г. Как следствие новой военной обстановки, в первой половине 1944 г. после полного снятия блокады Ленинграда Капелла начала процесс реэвакуации творческого коллектива. В сохранившихся приказах по Капелле этого времени мы встречаем факт того, что зимой 1944 г. они стали издаваться в г. Горьком (в наши дни Нижний Новгород. – А.М.), что позволяет предположить, что в контексте возвращения в Ленинград в этом волжском городе была создана временная база ядра Капеллы. Так, 2 января 1944 г. новый директор Капеллы В.В. Хруцкий «приступил к исполнению своих служебных обязанностей» именно в Горьком (Викентий Викентьевич Хруцкий возглавлял Капеллу с 1943 г. по 1946 г. – А.М.) [13. Д. 300. Л. 1].

Характеризуя художественную деятельность ленинградских мастеров искусств с наступлением 1944 г., отметим, что в этот период Капелла продолжила большие концертные туры по стране, которые стали основной формой работы коллектива. Так, в начале января 1944 г. 59 артистов во главе с В.В. Хруцким убыли в гастрольную поездку в г. Москву [13. Д. 300. Л. 3]. При этом гастроли были спланированы на очень большой срок, что позволяет говорить о перемещении Капеллы в 1944 г. в Москву из Кирова. В отчете Капеллы по художественной работе находим: «С января по июль 1944 г. коллектив Капеллы находился

на гастролях в Москве. За этот период были подготовлены и исполнялись в Москве: оратория “Сказание о битве за Русскую землю” муз. Шапорина, “Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным” и кантата “Александр Невский” – муз. Прокофьева, “Поэма о Сталине” – муз. Хачатуряна» [13. Д. 315. Л. 3].

Из другого архивного документа можно узнать о сроках и маршруте еще одной поездки.

«Приказ № 19

По Ленинградской Гос. академ. капелле
гор. Москва 12 июля 1944 г.

Сего числа на основании Решения Комитета по делам искусств при СНК СССР коллектив Ленинград. Госуд. Академ. Капеллы в полном составе командировается в гастроли сроком на 90 дней в гг. Горький, Казань, Астрахань, Куйбышев, Сталинград, Саратов и др. гг. Волжско-Камского бассейна» [13. Д. 301. Л. 18.]. В списке к Приказу находилось 96 чел., из которых 89 – по должности являлись «артистами хора», а 7 чел. представляли администрацию [13. Д. 300. Л. 26об., 27]. Архивные документы свидетельствуют: «В июле 1944 года Капелла выехала в гастрольную поездку по Волге. Поездка проходила с 12 июля по 18 октября, во время которой было дано 85 концертов в крупнейших городах. К поездке была подготовлена в Москве специальная программа а сарелла из произведений советских композиторов, русской и западно-европейской классики» [13. Д. 315. Л. 3].

В июльские дни 1944 г. руководство Капеллы приняло в некотором роде историческое решение об отправке в Ленинград своего представителя для решения организационных вопросов. Это следовало из Приказа по Капелле, вышедшем в г. Горьком:

«Приказ № 20

По Ленинградской Гос. академ. капелле
гор. Горький 17 июля 1944 г.

В связи с ликвидацией базы в гор. Горький Уполномоченный т. Карпов Ю.В. направляется в гор. Ленинград, для подготовки к реэвакуации коллектива Капеллы.

Основание: Распоряжение директора от 17. 08. 1944 г.

Подпись: Директор Лен. Гос. акад. Капеллы Хруцкий» [13. Д. 301. Л. 18].

При этом, естественно, хор Капеллы, как его основная часть, продолжал выступления в определенных для концертов городах Советского Союза. Так, газета «Сталинградская правда» 27 августа 1944 г. писала: «В воскресенье 27 августа Капелла выступает на площади “Павших борцов” для трудящихся Сталинграда. Начало концерта в 5 час. вечера. Вход свободный» [12].

В этот период Капелла продолжала работу и по культурно-шефскому обслуживанию красноармейцев и командиров. В ЦГАЛИ СПб хранится немало отзывов от учреждений и организаций РККА. Вот один из наиболее ярких из них, написанный в сентябре 1944 г.:

«ОТЗЫВ

Концерт Ленинградской академической капеллы, состоявшийся 19/IX-44 г. в нашей воинской части, является большим культурным событием, которое весь офицерский, старшинский, рядовой и вольнонаемный состав будут вспоминать как праздничный день. Замечательные традиции русского хорового искусства, существующие более 230 лет, включают в себе ту нерушимую силу, которой обладает сам народ, традиции двигаться вперед, потому и побеждать.

Коллектив Ленинградской Госкапеллы, прошедший тяжелый путь войны, сумел сохранить все прелести своего звучания и приобрести новый репертуар, созданный советскими композиторами во время отечественной войны. Такой коллектив является воином-победителем, так как и сам народ, высоко несущий знамена Побед во всех областях своего наступательного порыва и движения вперед. Следует отметить ряд исполненных произведений, которые оставили особенно сильное впечатление. Это: “Вечерний звон” в талантливой обработке композитора Новикова, “Эхо”, исполненное с замечательным мастерством, “Сюита” Новикова, “Американская шуточная” и “Бандура”.

Художественный руководитель и дирижер Георгий Александрович Дмитриевский (в документе имела место ошибка в написании фамилии, один из крупнейших советских хормейстеров Г.А. Дмитриевский работал художественным руководителем Капеллы с 1 августа 1943 г. по 1953 г. – А.М.) является талантливым руководителем своего коллектива, умеющим лаконично, умеющим без лишних движений внушить коллективу то исполнение, которое, без сомнения, доходит до слушателей целиком без остатка, за что слушатель искренне рукоплещет.

Командование воинской части, от имени всего личного состава, выражает благодарность и желает всему коллективу здоровья и успехов.

Начальник политотдела ц/склада 2004 ВМФ

Подполковник Воробьев. 20 сентября 1944 г.» [13. Д. 304. Л. 3].

В октябре 1944 г. состоялось долгожданное возвращение артистов Капеллы в город на Неве. В эти дни в Москву была отправлена телеграмма следующего содержания: «Главное управление музыкальных учреждений. г. Москва, Неглинная, 15. Коллектив Капеллы вернулся в Ленинград в октябре 1944 г. Первоначально предполагался выезд Капеллы в Ленинград в гастрольную поездку, но фактический переезд Капеллы состоялся в порядке эвакуации...» [13. Д. 320. Л. 10].

Зимой 1945 г. об этом событии было сообщено и в другие органы власти, в том числе в Народный комиссариат финансов. В телеграмме говорилось: «В Народный комиссариат финансов РСФСР. Коллектив Ленинградской Академической Государственной Капеллы находился в эвакуации в гор. Горьком. В конце 1944 г. коллектив вернулся в гор. Ленинград, где и протекает сейчас вся работа Академической Капеллы. 17 февраля 1945 г.» [13. Д. 320. Л. 2].

Отметим, что к концу 1945 г. деятельность Капеллы в Ленинграде возобновилась практически в довоенном масштабе. Замечательное возрождение творческого коллектива в послевоенном Советском Союзе оказалось связано, в первую очередь, с именем выдающегося дирижера и педагога Г.А. Дмитриевского, внесшего большой вклад в учебно-воспитательную и исполнительскую практику старейшего музыкального учреждения страны.

Выводы. Итак, в 1941–1944 гг. имела место мобилизация учреждений советской культуры, заключавшаяся в перемещении артистов с места постоянной дислокации в восточные районы Советского Союза и развертывании там работы в условиях военного времени. Обобщая слова из отзывов командиров и политработников на работу в период войны Капеллы, необходимо признать, что среди тех, кто своей повседневной работой приближал парад Победы на Красной площади в Москве в 1945 г., были артисты Капеллы, коллектив которой стал «воином-победителем». Капелла в конце лета – начале осени 1941 г. не на пустом месте начала этот новый этап в своей истории. Деятельность старейшей музыкальной организации страны в этот период не прекращалась

ни на один день. Традиция культурного обслуживания советских военнослужащих, имевшая место в деятельности Капеллы в локальных военных конфликтах межвоенного периода, например, Советско-финляндской войне, продолжившаяся в ходе гастролей накануне Великой Отечественной войны, получила дополнительные импульсы уже в новой обстановке – вторжения фашистов в Советский Союз.

Капелла оказалась в числе ведущих учреждений культуры Ленинграда, более трех лет проводивших вне города по причине плановой эвакуации. В августе 1941 г. она была по решению правительства поездом перемещена из Ленинграда, где работала после ее основания в Петербурге в 1713 г., в г. Киров, а связанное с ней Хоровое училище переехало в село Арбаш той же области. При этом значительная часть коллектива Капеллы оставалась в Ленинграде. В каждой из двух частей учреждения работали свои директора и художественные руководители. Летом 1941 г. многие сотрудники и артисты ушли на фронт: в РККА и народное ополчение, а в 1942 г. некоторые из них умерли в блокадном городе. В Кировской области ленинградские артисты находились с августа 1941 г. по осень 1943 г., выступая с концертами в Областном драмтеатре, библиотеке имени А.И. Герцена, Доме Красной армии, госпиталях и воинских частях. С этой целью «первый русский хор» подготовил более 500 концертов, а первый из них для военных был дан в Кирове практически «с колес» 30 августа 1941 г. Эвакуированный в город хор Капеллы все годы войны активно проводил работу по культурному обслуживанию красноармейцев, политработников и командиров РККА, о чем свидетельствуют их отзывы на выступления мастеров искусств. Осенью 1942 г. возродились длительные гастроли по городам Советского Союза (Узбекистан, Туркмения и Сибирь). Они продолжились и в первом квартале 1943 г. С весны 1943 г. ленинградские артисты проводили концерты, выступая на гастролях в Москве и городах Поволжья. Например, в июле 1944 г. Капелла выехала в гастрольную поездку по Волге, которая проходила с 12 июля по 18 октября. Во время гастролей было дано 85 концертов в крупнейших городах Поволжья. В январе 1944 г. основным местом нахождения коллектива стала Москва, а затем поволжский город Горький, откуда в порядке реэвакуации Капелла в октябре 1944 г. вернулась в город на Неве.

Нельзя не отметить, что в 1941–1944 гг. произошли изменения и в художественном репертуаре Капеллы. Например, он пополнился рядом крупных музыкальных произведений на патриотическую и советскую темы. В частности, основу программ концертов с 1942 г. стали составлять кантата С. Прокофьева «Александр Невский», симфония Ю. Шапорина «На Поле Куликовом» и оратория «Сказание о битве за Русскую землю», посвященная, в частности, Сталинградской битве, а также песня А. Хачатуряна «Поэма о Сталине». Активно исполнялись песни об Отечественной войне и другие произведения современных советских композиторов.

В настоящее время Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга – старейшее отечественное профессиональное музыкальное учреждение страны и один из крупнейших центров искусства Российской Федерации – продолжает свою деятельность. В ней регулярно проходят многочисленные выпускные и просветительские концерты, а также различные фестивали. Репертуар Капеллы в основном представлен мировой симфонической классикой. В то же время большое место в ней в наши дни занимает духовная музыка. Вне всякого сомнения, богатая история учреждения отечественной культуры

может и дальше привлекать повышенное исследовательское внимание и вызывать научный интерес специалистов.

В завершение подчеркнем, что пока в Российской Федерации имеется высокое понимание отечественной культуры, мы практически непобедимы в военном вопросе. В великой русской культуре совмещены красота, величие и духовная сила нашего народа, всего российского общества, всей огромной страны. В то же время современным российским вооруженным силам, по нашему мнению, как воздух нужна высокая художественная культура. Особенно это необходимо для высших военно-учебных заведений. В условиях жесточайшей информационной войны, идущей в СМИ и социальных сетях, без лучших образцов светской культуры невозможно сформировать у будущего офицера—вооруженного защитника нашего Отечества высокую духовность, любовь к родине и нравственность. Более того, опыт работы по культурному обслуживанию красноармейцев, политработников и командиров в годы войны является ярким примером эффективного взаимодействия учреждений культуры и воинских коллективов в деле патриотического воспитания военнослужащих, который можно использовать в специальной военной операции.

Литература

1. *Богданов-Березовский В.М.* Композиторы осаждённого Ленинграда // Советская музыка. 1946. № 1(97). С. 13–22.
2. Боевые задачи нашего театра // За советское искусство. 1941. № 24(170), 13 сент.
3. В Чкалове // За советское искусство. 1942. № 2(173), 5 марта.
4. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1971. Т. 3, ч. 1. 407 с.
5. Город-фронт. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады: сб. ст. / сост. и отв. ред. Б.П. Белозеров. СПб.: Полторак, 2014. 224 с.
6. *Горулева Е.А.* Краткая летопись Придворной певческой капеллы в рукописи А.Е. Хомутенко // Десятые открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодная конф. по проблемам Петербурговедения, 11–12 января 2003 г. / сост. И.М. Сергеева. СПб.: Изд-во Института Петербурга, 2003. 97 с.
7. Государственный Ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы им. Пушкина // За советское искусство. 1942. № 4(175), 15 июня.
8. Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. П.В. Игнатьев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. СПб.: ГАЛАРТ, 2019. 528 с.
9. Ленинградская правда. 1941. № 152, 28 июня.
10. *Польман Х.* Волхов. 900 дней боёв за Ленинград. 1941–1944. М.: Захаров, 2000. 126 с.
11. Привет юбиляру // За советское искусство. 1942. № 2(173), 5 марта.
12. Сталинградская правда. 1944. № 169, 27 авг.
13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-77. Оп. 2-1.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

Andrei V. MANKOV

MOBILIZATION OF THE SOVIET CULTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ON EVACUATION OF LENINGRAD ARTISTS TO THE KIROV REGION AND THEIR WORK IN WARTIME CONDITIONS (1941–1944)

Key words: the Soviet culture, the Great Patriotic War, Leningrad, cultural institution, performing artists, evacuation, the State Academic Chapel, Workers' and Peasants' Red Army (Red Army), cultural services for Red Army soldiers, political workers and commanders, Kirov region, Choral school, tours.

The article analyzes the activities of Leningrad State Academic Chapel on the eve and during the Great Patriotic War. The relevance of the study is due to the approaching 80th anniversary of the Victory of the Soviet Union and its people in the confrontation with Germany. The Nazi invasion caught the band of the chapel on a tour by the cities of the European part of the country. And what is known about its work during the war? What was the specific nature of the repertoire?

The purpose of the work is to study the changes associated with the beginning and the course of the war (1941–1944) in the organizational and artistic activities of Leningrad State Academic Chapel.

Materials and methods. The publication is based on the materials of St. Petersburg Central State Archive of Literature and Art. The author uses problem-analytical and chronological methods.

Research results. The outbreak of the war brought about serious changes in the life of organizations. In 1941–1942, many large cultural institutions of Leningrad were relocated from the city on the Neva River by decision of the authorities. Among them were Leningrad State Academic Chapel and the Choral School closely associated with it, which moved to Kirov region (Vyatka Krai). In August 1941, the country's oldest musical institution was transported by train from Leningrad, where it functioned after its foundation in St. Petersburg in 1713, to Kirov, and the college to the village of Arbazh. In addition, many employees and performing artists of the chapel went to the front: to the Workers' and Peasants' Red Army and the militia, and some workers died in besieged Leningrad. Leningrad performing artists stayed in Kirov Region from August 1941 to autumn 1943, giving concerts at the Regional Drama Theater and the library named after A.I. Herzen, the House of the Red Army, hospitals and military units. Thus, the first concert for the Red Army soldiers was given "from the wheels" already on August 30, 1941. In the autumn of 1942, the artists began to travel from Kirov to various regions of the country on tour (Uzbekistan, Turkmenistan, Siberia). At the same time, facts having signs of scientific novelty have been established that the location of the chapel's core changed during the war, while most of the chapel's staff remained in Leningrad and continued their concert activities there, each of the parts had its own directors and artistic directors. So, at the beginning of 1944, the base of the Chapel core moved to Moscow, and then to Gorky, while continuing long tours, for example, in the cities of the Volga region. In October 1944 Leningrad State Academic Chapel returned to Leningrad in the order of re-evacuation, where it began to work at the old base. In 1941–1944, the repertoire of the chapel was expanded with a number of new works, mainly by Soviet composers S. Prokofiev, Yu. Shaporin and A. Khachaturian.

Conclusions. The changes in the activities of Leningrad State Academic Chapel were the result of the fact that during the period under study a new phenomenon appeared in the cultural life of the country, which the author defines as "mobilization of the Soviet culture." Similarly to the political administration bodies of the Soviet Union, the Red Army and Navy, the economy and the country's rear in summer and autumn of 1941, the largest cultural institutions switched to work in wartime conditions. Thus, evacuation of not only industrial enterprises and a huge number of residents, but also relocation of theaters, music and concert organizations to the east of the country became an integral part of the Battle for Leningrad (1941–1944). Relocation of their teams led to organizational changes and a restructuring of artistic activities. In particular, the composition of the chapel was divided into several almost independent parts. At this, from August 1941 to July 1943, the artists' main attention was paid to the cultural service of the Red Army soldiers, political workers and commanders of the Workers' and Peasants' Red Army located in Kirov region. With this purpose, the "First Russian Choir" prepared more than 500 concerts, which were held not only on the stages of cultural institutions, but in military units of the Red Army and hospitals as well. At that time, its repertoire began to be based on works created by Russian composers on patriotic and Soviet themes. For example, Prokofiev's cantata "Alexander Nevsky" became a musical symbol of heroism and patriotism, embodying the spirit of the nation, as well as admiration for the Russian history and culture. In winter 1942, the artists who remained in Leningrad performed concerts in the besieged city. In autumn 1942, the chapel resumed touring the cities of the country, primarily the Asian part of the USSR. Tours in 1943–1944 became the main form of activity; in particular, one of the longest was a trip to the cities of the Volga region, lasting more than 90 days, from July 12 to October 18, 1944. From the Volga, the chapel returned to the city on the Neva.

References

1. Bogdanov-Berezovskii V.M. *Kompozitory osazhdyonnogo Leningrada* [Composers of besieged Leningrad]. *Sovetskaya muzyka*, 1946, no. 1 (97), pp. 13–22.
2. *Boevye zadachi nashego teatra* [Combat tasks of our theater]. *Za sovetское iskusstvo*, 1941, no. 24(170), Sept. 13.
3. V Chkalove [In Chkalov]. *Za sovetское iskusstvo*, 1942, no. 2(173), March 5.

4. Gal'der F. *Voennyy dnevnik. Ezhdnevnye zapisi nachal'nika General'nogo shtaba suhoputnykh voisk 1939–1942* [A war diary. Daily notes of the Chief of the General Staff of the Army 1939–1942]. Moscow, Military Publishing House Publ., 1971, vol. 3, part 1, 407 p.
5. Belozerov B.P., comp. *Gorod-front. K 70-letiyu polnogo osvobozhdeniya Leningrada ot fashist-skoi blokady* [The city is a front. On the 70th anniversary of the complete liberation of Leningrad from the Nazi blockade]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2014, 224 p.
6. Goruleva E.A. *Kratkaya letopis pridvornoi pevcheskoi kapelly v rukopisi A.E. Khomutenko* [A brief chronicle of the court singing chapel in the manuscript of A.E. Khomutenko]. In: Sergeev I.M., comp. *Desyatye otkrytye slushaniya «Instituta Peterburga». Ezhegodnaya konferenciya po problemam Peterburgovedeniya. 11–12 yanvarya 2003* [The 10th open session of the "Institute of St. Petersburg". Annual conference on St. Petersburg studies]. St. Petersburg, 2003, 97 p.
7. *Gosudarstvennyi Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni akademicheskii teatr dramy im. Pushkina* [State Order of the Red Banner of Labor Academic Drama Theater named after. Pushkin]. *Za sovetskoe iskusstvo*, 1942, no. 4(175), June 15.
8. Ignatev P.V., Korshunov E.L., Rupasov A.I., comp. *Leningrad. Voina. Blokada. Gorod-front: materialy i issledovaniya* [Leningrad. War. The blockade. The city-front: materials and research]. St. Petersburg, GALART Publ., 2019, 528 p.
9. *Leningradskaya Pravda*, 1941, no. 152, June 28.
10. Pol'man H. *Volhov. 900 dnei boyov za Leningrad. 1941–1944* [Volkhov. 900 days of fighting for Leningrad. 1941–1944]. Moscow, Zakharov Publ., 2000, 126 p.
11. *Privet yubilyaru* [Greetings to the hero of the day]. *Za sovetskoe iskusstvo*, 1942, no. 2(173), March 5.
12. *Stalingradskaya Pravda* [The Stalingrad Truth]. 1944, no. 169, Aug. 27.
13. *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburg. Fond. R-77. Opis. 2-1* [The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. Archive R-77. Anagraph 2-1].

ANDREI V. MANKOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Формат цитирования: Маньков А.В. Мобилизация советской культуры в годы Великой Отечественной войны: об эвакуации ленинградских артистов в Кировскую область и их работе в условиях военного времени (1941–1944 годы) // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 66–84. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-66-84.

УДК 070(091)(470.344)"1991/1994"

ББК Ч600.3(2Рос.Чув)6

И.А. МАТЮНИНА, А.А. ДАНИЛОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ 1991–1994 ГОДОВ

Ключевые слова: региональные средства массовой информации, Чувашская Республика, медиа и рыночная экономика, независимая журналистика, редакционная политика, финансирование медиа, демократизация.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения трансформации региональных средств массовой информации Чувашской Республики в контексте глубоких политических и экономических изменений, происходивших в России в начале 1990-х г. Период 1991–1994 гг. стал поворотным моментом в истории региональных СМИ, когда они столкнулись с вызовами, связанными с переходом от государственной цензуры к рыночным условиям. Недостаток научных исследований по этому периоду ограничивает понимание роли средств массовой информации в демократизации общества и сохранении национальной идентичности региона. **Цель исследования** – анализ процесса адаптации региональных средств массовой информации Чувашской Республики к политическим и экономическим изменениям с 1991 по 1994 г.

Материал и методы исследования. В исследовании использованы методы анализа, обобщения и интерпретации данных Государственного архива современной истории Чувашской Республики, научно-методической литературы и публикаций в периодической печати.

Результаты исследования. Распад Советского Союза и переход к рыночной экономике создали новые политические и экономические условия, в которых региональные средства массовой информации столкнулись с необходимостью адаптации. Анализ показал, что ранее строго контролируемые властями издания стали уделять больше внимания локальным проблемам, политическим дискуссиям и экономическим вопросам, а также публиковать критические материалы о деятельности региональных и федеральных властей. Эти изменения свидетельствуют о переходе к более объективному освещению событий. В то же время экономический кризис привёл к значительному сокращению государственного финансирования, что вынудило редакции искать коммерческие источники дохода, включая рекламу и инвестиции. Такие изменения привели к закрытию ряда малотиражных изданий, которые не смогли адаптироваться к новым экономическим реалиям.

Выводы. Переход от централизованного контроля к рыночным условиям сопровождался существенными изменениями в региональной медиасфере, но региональные средства массовой информации не только адаптировались к новым условиям, но и стали важным инструментом демократизации и сохранения национальной самобытности.

Введение. Анализ литературных источников и архивных данных позволяет сделать вывод о том, что период с 1991 по 1994 г. стал знаковым, поворотным этапом для всех регионов бывшего СССР, включая Чувашскую Республику. Распад Советского Союза привел к тому, что региональная пресса, которая базировалась на выполнении пропагандистских задач, теперь столкнулась с необходимостью выработки такой редакционной политики, которая позволила бы уверенно двигаться по рыночным рельсам. У независимых изданий появилась новая роль, а также обострился вопрос структуры финансирования деятельности редакций. В таких условиях многие газеты и журналы оказались перед выбором: искать коммерческие источники дохода или прекращать свое существование.

Распад Советского Союза в 1991 г. ознаменовал конец централизованной системы управления средствами массовой информации (СМИ). В Чувашии, как

и в других регионах, контроль со стороны центральной власти ослаб, что привело к росту числа независимых медиа и изменению стратегий редакционной работы. Основными тематическими блоками в новостном потоке прежде жестко контролируемых газет и радиостанций стали политические дискуссии и экономические проблемы региона. Региональные издания, ранее находившиеся под цензурным контролем КПСС, отражавшие государственную идеологию, теперь больше внимания уделяли вопросам местного значения, объективно освещая события, происходившие в муниципальных округах. Стоит отметить, что газета «Советская Чувашия» стала одной из первых газет, обсуждающих темы многопартийности и независимости региональных властей. До августа 1991 г. «Советская Чувашия» являлась органом Чувашского обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Чувашской АССР. С сентября 1991 г. учредителями газеты были Верховный Совет и Совет Министров Чувашской ССР, с февраля 1992 г. – Верховный Совет и Совет Министров Чувашской Республики, с апреля 1994 г. – Кабинет Министров Чувашской Республики, с сентября 1994 г. – Кабинет Министров Чувашской Республики и коллектив редакции газеты [3. С. 47]. В 1993 г. некогда ведущий рупор КПСС в Чувашской Республике – «Советская Чувашия» – стала печатать статьи, критикующие экономическую политику как федерального, так и регионального руководства.

Цель исследования – анализ процесса адаптации региональных СМИ Чувашской Республики к политическим и экономическим изменениям с 1991 по 1994 г.

Материал и методы исследования. В качестве основных методов исследования использовались анализ, обобщение и интерпретация данных БУ «Государственный архив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии, научно-методической литературы и публикаций в периодической печати.

Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном анализе процессов, связанных с развитием и реализацией законодательства о СМИ в Чувашской Республике в контексте демократических преобразований в России 1990-х гг., что ранее не получило достаточного освещения в научной литературе.

Результаты исследования. Прекращение существования Советского Союза стало для Чувашской Республики не только политическим потрясением, но и причиной экономического кризиса, который затронул все аспекты жизни региона. Рынок информационных услуг был в самом начале своего становления, а роль СМИ в эти годы значительно изменилась. В условиях политической нестабильности, когда местные власти были вынуждены адаптировать свою деятельность к новым реалиям, медиаландшафт стал одним из индикаторов этого процесса. В частности, «Советская Чувашия», долгое время являвшаяся официальным органом местной власти, после распада СССР оказалась в непростой ситуации. С 1991 г. газета начала публиковать критические материалы о советском прошлом, поднимала вопросы политической реформы, создания новой системы власти и даже обсуждала проблему свободы слова. Уже в октябре того же года в газете «Советская Чувашия» появилась статья, в которой рассматривались изменения в Конституции СССР, направленные на расширение полномочий местных органов власти и развитие многопартийности. Данный этап стал важной вехой в политической жизни региона, поскольку в условиях развала Советского Союза и прихода к власти демократически настроенных сил произошла существенная трансформация политической системы. В статье под заголовком «И всё-таки Конституция – основной закон», опубликованной в газете

«Советская Чувашия» 5 октября 1991 г., представлено интервью с председателем постоянной Комиссии Верховного Совета Чувашии по вопросам законодательства, законности и правопорядка Н.А. Мальчугиным. В рамках интервью рассматривался актуальный вопрос о роли и месте действующей Конституции СССР в условиях политической нестабильности. Парламентарий отметил, что Конституция продолжала оставаться основным законом, несмотря на политические потрясения, и отказ от неё, пока не принята новая, был невозможен. Публикация отражала тревожную атмосферу, так отмечалось и самим автором публикации А. Солнцевым, но также демонстрировала, что важно сохранить основные юридические принципы и не поддаваться панике [5].

В рассматриваемый период наблюдалась значительная активизация общественно-политической жизни в Чувашской Республике, что нашло отражение в материалах региональной прессы. В частности, в рамках рубрики «Слово парламентариев» в газете «Советская Чувашия» (1991. № 203, 5 окт.) была опубликована статья Г. Архипова и Н. Карачаркова под заголовком «Безвластная четвертая власть» [6]. Авторы анализировали политические процессы, развернувшиеся в республике после августовского путча 1991 г., уделяя особое внимание появлению новых политических партий, многие из которых позиционировали себя как демократические. Однако их идеологические платформы, цели и задачи существенно различались, что создавало значительные препятствия для их консолидации и выработки единой политической линии. В статье отмечалось, что политическая активность населения достигла высокого уровня, что проявлялось в массовых митингах и демонстрациях. Участники акций протеста выдвигали требования об отставке части народных депутатов и проведении досрочных выборов. Особую напряженность вызывали протестные акции, организованные непосредственно у зданий органов власти. На одной из сессий Верховного Совета Чувашской ССР народные депутаты были вынуждены реагировать на акции гражданского неповиновения, включая голодовки и демонстрации. Знаковым событием стало вывешивание митингующими флага Партии чувашского национального возрождения на здании Дома Советов. Данный акт был осуществлен в знак протеста против отсутствия чувашского национального флага рядом с государственным флагом Российской Федерации. Этот инцидент не только подчеркнул глубину политического раскола в обществе, но и актуализировал вопросы национальной идентичности и символики в условиях трансформации политической системы.

В контексте активизации общественно-политической жизни и усиления роли СМИ в период трансформации политической системы Комиссия Верховного Совета Чувашской Республики по вопросам гласности, деятельности местных Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления неоднократно инициировала обсуждение вопроса о создании новой постоянной Комиссии, ответственной за взаимодействие со СМИ, изучение общественного мнения и связи с общественными объединениями. Однако, как отмечается в статье Г. Архипова и Н. Карачаркова «Безвластная четвертая власть», Верховный Совет дважды отклонил предложение о создании такой комиссии [6].

Авторы статьи подчеркивали, что подобное решение вызывает вопросы, особенно в свете того, что даже в бывшем республиканском комитете КП РСФСР работал специальный сектор, занимавшийся вопросами взаимодействия со СМИ. Как отмечается в публикации: «Ведь нельзя же отрицать тот

факт, что даже в бывшем рескоме КП РСФСР работал специальный сектор по работе со средствами массовой информации. Создается впечатление, что кому-то не очень хочется, чтобы такая комиссия в Верховном Совете была и активно работала» [6].

Одним из ключевых законодательных актов, ознаменовавших начало демократических преобразований в России, стал Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [7]. Данный закон закрепил отмену цензуры, что привело к упразднению Главного управления по охране государственных тайн в печати и других СМИ (Главлит). На его базе была создана Государственная инспекция по защите свободы печати и информации Российской Федерации, призванная обеспечивать соблюдение законодательства в сфере СМИ. В рамках реализации данного закона на региональном уровне приказом министра печати и информации Российской Федерации М.Н. Полторанина была образована Чувашская региональная инспекция [8].

Согласно ст. 8 Закона «О средствах массовой информации», Чувашская инспекция стала уполномоченным регистрирующим органом на территории Чувашской Республики. В её компетенцию вошла регистрация всех видов СМИ, включая газеты, журналы (в том числе многотиражные), коммерческие телеканалы, кабельные сети, радиостудии и другие медиаструктуры. Создание региональной инспекции отражало общероссийскую тенденцию децентрализации управления в сфере массовой информации и усиления роли регионов в регулировании медиапространства.

В соответствии с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации», редакции СМИ получили право осуществлять свою деятельность только после прохождения процедуры регистрации. 5 апреля 1992 г. Правительство Российской Федерации приняло постановление № 216 «О порядке взимания регистрационного сбора при регистрации средств массовой информации», которым были установлены фиксированные размеры регистрационных сборов для различных типов СМИ:

- периодические печатные издания – 2,5 тыс. руб.;
- информационные агентства – 3,5 тыс. руб.;
- радио-, теле-, кинохроникальные программы, распространение массовой информации в иных формах – 5 тыс. руб. [8].

Данный правовой порядок создал основу для развития независимой журналистики, предоставив СМИ возможность свободно освещать общественные процессы и обеспечив доступ к разнообразным точкам зрения. В Чувашской Республике на фоне общероссийских преобразований начали формироваться специфические региональные особенности медиапространства. Одним из ключевых факторов стало признание чувашского языка государственным, что способствовало развитию национальных СМИ, включая печатные издания и телерадиовещание на родном языке.

Важным шагом в укреплении культурной идентичности и поддержке национального языка стало принятие Закона Чувашской ССР от 27 октября 1990 г. № 79 «О языках в Чувашской ССР». Впервые чувашский язык получил статус государственного наряду с русским, что подразумевало его использование в официальной и общественной жизни, а также в образовательной сфере [1. Д. 9]. В начале 1990-х гг. были предприняты меры по расширению преподавания чувашского языка в школах: из 686 общеобразовательных школ 548 работали по национальным учебным планам, а в 117 школах язык активно изучался как предмет [4].

23 мая 1993 г. Верховным Советом Чувашской Республики была утверждена Государственная программа по реализации Закона Чувашской ССР «О языках в Чувашской ССР» на период 1993–2000 гг. [1. Д. 9]. Однако при выполнении намеченных в программе мер появились серьезные трудности, в частности экономические проблемы, характерные для начала 1990-х гг. Несмотря на эти сложности, в 1994 г. Чувашское книжное издательство выполнило государственный заказ, выпустив 55 наименований книг общим тиражом 697,6 тыс. экземпляров. Из них 42 издания были профинансированы за счет государственных дотаций. Тем не менее объем выпуска книг на чувашском языке значительно сократился по сравнению с предыдущими годами. Например, если в 1991 г. было издано 87 наименований тиражом 1,216 млн экз., то в 1994 г. этот показатель снизился до 37 наименований тиражом 263,1 тыс. экз. [1. Д. 9]. Упадок связан с экономическим кризисом, который привел к сокращению финансирования издательской деятельности и снижению покупательской способности населения. Это, в свою очередь, негативно сказалось на развитии национальной литературы и культуры.

К февралю 1995 г. в рамках реализации языковой политики удалось достичь определенных успехов в сфере теле- и радиовещания. Объем телевещания на чувашском языке был увеличен с 53 до 60%, а радиовещания – с 62 до 70%. Чувашская гостелерадиокомпания также начала транслировать спектакли в переводе на русский язык, что способствовало расширению аудитории. Кроме того, объем вещания республиканского телевидения увеличился с 1,6 до 3 ч/сут., а радиовещания – с 4 до 5 ч/сут. [1. Д. 9]. Эти меры свидетельствовали о стремлении властей укрепить позиции чувашского языка в медиапространстве и обеспечить его сохранение в условиях доминирования русского языка.

Для системного решения задач, связанных с развитием медиаиндустрии и поддержкой национальной культуры, 31 марта 1994 г. постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики № 55 было образовано Министерство информации и печати Чувашской Республики. Согласно Положению «О Министерстве информации и печати Чувашской Республики», в его ведение были включены 18 полиграфических предприятий с 5 филиалами, 23 редакции районных и городских газет, 5 редакций республиканских газет, 5 редакций республиканских журналов, Чувашское книжное издательство, издательство «Чувашия», ГОРТП «Чувашкнига» с торговой базой и 8 книжными магазинами г. Чебоксары, а также государственное предприятие «Чувашский республиканский библиотечный коллектор». Общее число работников, занятых в этих организациях, составляло 1 501 человек [2. С. 9].

Создание министерства стало логическим продолжением усилий по укреплению медиапространства и языковой политики в республике. Если ранее акцент делался на увеличении объемов теле- и радиовещания на чувашском языке, то теперь внимание было сосредоточено на системной поддержке печатных СМИ и издательской деятельности. Это позволило не только сохранить, но и расширить возможности для популяризации чувашского языка и культуры через различные формы массовой информации. Таким образом, создание Министерства информации и печати стало важным шагом в консолидации ресурсов и координации работы в области массовой информации, что было особенно актуально в условиях вызовов, стоявших перед Чувашией в 1990-е гг.

Важным аспектом в исследовании является влияние экономического фактора на процесс трансформации регионального пространства. Экономический

кризис начала 1990-х гг. оказал серьезное давление на финансовое положение региональных медиа. Государственное финансирование существенно сократилось, что привело к стремительному закрытию многих малотиражных изданий и радиостанций. В условиях рынка СМИ были вынуждены искать новые источники доходов, включая коммерческую рекламу и поддержку со стороны частных инвесторов. Негативной стороной такого «естественного отбора» стало снижение качества содержания изданий, которые с целью увеличения тиражей и охвата аудитории стали ориентироваться на запросы читателей и рекламодателей. Письма в адрес Министерства информации и печати Чувашской Республики с прошением о государственном финансировании изданий поступали часто. Вот пример типового содержания обращения: «Трудовой коллектив редакции газеты “МК” (“Молодежка”) просит Мининформпечати ЧР выступить соучредителем газеты “МК” (“Молодежка”). Коллектив “МК” с января 1994 г. не получает зарплаты. Журналисты и сотрудники “МК” находятся в тяжелом материальном положении. Наши семьи – на грани физического выживания. Учредитель “МК” – реском Союза молодежи Чувашии (СМЧ) не в состоянии обеспечить выпуск газеты. 20 июля 1994 г. было принято решение Секретариата Союза молодежи Чувашии (СМЧ) обратиться в Мининформпечати и Минобразования Чувашской Республики с просьбой, чтобы названные министерства выступили вместе с рескомом соучредителями. Коллектив был предупрежден об увольнении через 2 месяца в связи с реорганизацией газеты. Прошли 2 месяца – никакой реорганизации не произошло, не было увольнения сотрудников». Обращение датировано 21 сентября 1994 г. [3. С. 49].

На имя министра информации и печати Чувашской Республики П.С. Краснова поступали обращения из многих редакций газет региона. В частности, редакция Батыревской межрегиональной газеты «Самана» просила оказать финансовую помощь в размере 3 млн руб. на возобновление издания газеты, которое прекратилось в связи отсутствием средств оплаты типографии [2. С. 74]. Кроме того, высокие цены на почтовые услуги к 1994 г. сделали распространение газет почти невозможным.

Развитие печатных СМИ Чувашии в условиях расширения информационного пространства и усиливающейся конкуренции со стороны других СМИ привело к переходу к выпуску газет и журналов малыми тиражами. Например, тираж газеты «Советская Чувашия» за период с 1991 по 2005 г. сократился с 74 до 24 тыс. экз. Одним из последствий падения интереса населения к информации, публикуемой в газетах и журналах, а также относительной дороговизны печатной продукции, стало сокращение общего тиража республиканских и местных изданий, который к 2004 г. составил 165 тыс. экз., и снижение уровня подписки на них. В то же время наблюдается количественное увеличение числа периодических публикаций, что стало возможным благодаря отмене цензуры и либерализации СМИ [2. С. 382].

В целях реализации постановления Кабинета Министров Чувашской Республики «О плане мероприятий по реализации Закона Чувашской Республики “О культуре” на 1994 год» от 26 мая 1994 г. № 107 по разделу «План мероприятий по Мининформпечати ЧР» из республиканского бюджета выделялись средства на поддержку печатных СМИ. Финансирование включало закупку компьютерной техники, подъемные средства для новых изданий, например, на первый номер республиканского детского журнала «Тетте» издательства «Чувашия», а также дотации на покрытие издательских расходов. В частности,

газета «Тантăш» получила финансовую поддержку в размере 9,6 млн руб. [2. С. 51].

Таким образом, начало 1990-х гг. стало эпохой национального возрождения, период характеризовался активизацией процессов культурной самоидентификации, усилением интереса к национальному языку, истории и традициям. В условиях ослабления централизованной власти усилилось влияние местных инициатив, направленных на сохранение и развитие национальной самобытности. В этом контексте СМИ сыграли ключевую роль, отражая происходящие социальные и политические изменения.

Государственная поддержка способствовала укреплению национального информационного пространства. В 1994 г. Чувашскому книжному издательству было выделено 30 млн руб. на выпуск внеплановой чувашской национальной литературы, а Чувашская государственная телевизионная и радиовещательная компания получила 10 млн рублей на подготовку и выпуск теле- и радиопроductии для чувашской диаспоры [2. С. 51]. Эти меры были направлены на сохранение и развитие национальной культуры, расширение присутствия чувашского языка в информационном пространстве, что обеспечивало доступ населению к национально ориентированному контенту.

Переход от централизованной системы управления к рыночной экономике сопровождался появлением независимых изданий, изменением редакционной политики и поиском новых источников финансирования.

Региональные СМИ не только адаптировались к новым условиям, но и стали важным инструментом социально-политических изменений, способствуя расширению общественной дискуссии и сохранению национальной самобытности.

Выводы. Трансформация региональных СМИ Чувашской Республики в период с 1991 по 1994 г. была обусловлена глубинными политическими и экономическими изменениями. СМИ, ранее функционировавшие в условиях строгого государственного контроля, оказались перед необходимостью адаптации к рыночным условиям, поиска новых источников финансирования и пересмотра редакционной политики. В результате этих процессов региональные СМИ не только сумели сохранить свою деятельность в условиях экономического кризиса, но и сыграли значительную роль в развитии общественного диалога, способствуя формированию многогранной информационной среды.

В целом, проведенное исследование дополняет региональную историю Чувашской Республики, освещая ключевые моменты трансформации СМИ в переходный период 1991–1994 гг. Его выводы могут послужить основой для дальнейшего изучения эволюции региональных медиа в постсоветское время, а также их влияния на общественные и культурные процессы в Чувашской Республике и других субъектах РФ. Перспективным направлением является проведение последующих исследований, направленных на изучение становления и развития регионального информационного пространства новейшего периода. Их результаты позволят осуществить сравнительный анализ и получить новые исторические сведения.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. Р-2938. Оп. 1.
2. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 2 : 1945–2005 / И.И. Бойко, В.Г. Харитонов, Д.А. Захаров; науч. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с.
3. Ваку Г.В. Газета «Советская Чувашия» в системе печатных СМИ Чувашской Республики // Информационное поле современной России: практики и эффекты: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2014. С. 43–49.

4. Белевцева М. Обучение на родном языке // Советская Чувашия. 1991. № 137, 11 июля.
5. Солнцев А. И все-таки Конституция – основной закон // Советская Чувашия. 1991. № 203, 5 окт.
6. Архипов Г., Карачарсков Н. Безвластная четвертая власть // Советская Чувашия. 1991. № 203, 5 окт.
7. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Советская Чувашия. 1992. № 29, 11 февр. С. 3–4.
8. Мидаков В. О новом порядке регистрации средств информации // Советская Чувашия. 1992. № 69, 4 апр. С. 3.

МАТЮНИНА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (itorteva@mail.ru).

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7083-417X>).

Irina A. MATYUNINA, Andrey A. DANILOV

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL MASS MEDIA OF THE CHUVASH REPUBLIC IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND ECONOMIC CHANGES IN 1991–1994

Key words: regional mass media, the Chuvash Republic, media and market economy, independent journalism, editorial policy, media financing, democratization.

The relevance of the research is due to the need to study transformation of the regional mass media of the Chuvash Republic in the context of profound political and economic changes that took place in Russia in the early 1990s. The period of 1991–1994 marked a turning point in the history of regional media when they faced challenges associated with the transition from state censorship to market conditions. The lack of scientific studies on this period limits the understanding of the role played by the mass media in democratization of the society and preservation of the national identity of the region.

The purpose of the study is to analyze the process of adaptation of the Chuvash Republic regional mass media to political and economic changes from 1991 to 1994.

Research material and methods. The research used the methods of analysis, generalization and interpretation of data from the State Archive of Modern History of the Chuvash Republic, scientific and methodological literature and publications in the periodical press.

Results. The collapse of the Soviet Union and the transition to the market economy created new political and economic conditions in which regional media faced the need to adapt. The analysis showed that previously strictly government-controlled publications began to pay more attention to local issues, political discussions and economic issues, as well as publish critical materials about the activities of regional and federal authorities. These changes indicate a shift towards more objective coverage of events. At the same time, the economic crisis led to a significant reduction in government funding, which forced the editorial staff to look for commercial sources of income, including advertising and investments. Such changes led to the closure of a number of low-circulation publications that were unable to adapt to the new economic realities.

Conclusions. The transition from centralized control to market conditions was accompanied by significant changes in the regional media sphere, but regional mass media not only adapted to the new conditions, but also became an important tool for democratizing and preserving national identity.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. R-2938. Op. 1 [The State Archives of Modern History of the Chuvash Republic. Archive R-2938. Anagraph 1].
2. Klement'ev V.N., ed., Boiko I.I., Kharitonova V.G., Zakharov D.A. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni: v 2 kn. Kn. 2: 1945–2005* [The history of modern Chuvashia in 2 books. Book 2: 1945–2005]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, 398 p.
3. Vakku G.V. *Gazeta «Sovetskaya Chuvashiya» v sisteme pechatnykh SMI Chuvashskoi Respubliki* [The newspaper «Sovetskaya Chuvashia» in the print media system of the Chuvash Republic]. In: *Informatsionnoe pole sovremennoi Rossii: praktiki i efekty: sb. st. XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*

[Proc. of 11th Int. Sci. Conf. "The information field of modern Russia: practices and effects]. Kazan, 2014, pp. 43–49.

4. Belevtseva M. *Obuchenie na rodnom yazyke* [Education in the native language]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1991, no. 137, July 11.

5. Solntsev A. *I vse-taki Konstitutsiya – osnovnoi zakon* [And yet the Constitution is the basic law]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1991, no. 203, Oct. 5.

6. Arkhipov G., Karacharskov N. *Bezvlastnaya chetvertaya vlast'* [The powerless fourth power]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1991, no. 203, Oct. 5.

7. *Zakon Rossiiskoi Federatsii «O sredstvakh massovoi informatsii»* [The Law of the Russian Federation «On Mass Media»]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1992, no. 29, Feb. 11, pp. 3–4.

8. Midakov V. *O novom poryadke registratsii sredstv informatsii* [On the new procedure for registration of mass media]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1992, no. 69, Apr. 4, p. 3.

IRINA A. MATYUNINA – Assistant Lecturer, Department of Journalism, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (itorteva@mail.ru).

ANDREY A. DANILOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Journalism, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (danilov.andrey@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7083-417X>).

Формат цитирования: Матюнина И.А., Данилов А.А. Трансформация региональных средств массовой информации Чувашской Республики в условиях политических и экономических изменений 1991–1994 годов // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 85–93. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-85-93.

УДК 94:338(470.344)«1957/1962»

ББК ТЗ(Рос.Чув)631-2

А.И. МИНЕЕВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
РЕОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ
И СТРОИТЕЛЬСТВОМ В 1950–1960-е ГОДЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Ключевые слова: советы народного хозяйства, Н.С. Хрущев, Среднее Поволжье, реформа управления промышленностью и строительством.

К середине 1950-х гг. административно-командная система управления в СССР демонстрировала свою устойчивость и результативность. Тем не менее, несмотря на рост результативности в народном хозяйстве государства, в указанные годы стали проследиваться отдельные факторы неблагополучия в экономической сфере. Главным из них стало снижение темпов экономического роста.

Цель исследования – анализ социально-экономических и политических предпосылок реорганизации советской системы управления промышленностью и строительством в 1950–1960-е гг.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу работы составляют основополагающие принципы историзма, научной объективности и системный подход. Новизна исследования состоит в комплексном изучении источников и научной литературы по определению основных причин, послуживших отправной точкой для формирования в СССР советов народного хозяйства. При раскрытии темы важное значение имели малоизученные документы Российского государственного архива новейшей истории. Отдельное внимание уделено проведению реформы на материале республик Среднего Поволжья.

Результаты. В основе реорганизации управления промышленностью и строительством во второй половине 1950-х гг. лежал разнообразный комплекс причин, обусловленных предшествующим развитием страны. Проводившаяся реформа, безусловно, имела объективные предпосылки. Громоздкий отраслевой аппарат управления в значительной степени перестал удовлетворять требованиям изменившейся ситуации, особенно в плане мобильности. Неэффективной оказалась и система снабжения. При этом важнейшая роль все же принадлежала экономическим факторам.

Выводы. Создание совнархозов в республиках Среднего Поволжья позволило им нарастить промышленный потенциал и перейти в статус индустриально-аграрных регионов.

Введение. К середине 1950-х гг. административно-командная система управления в СССР демонстрировала свою устойчивость и результативность. Тем не менее, несмотря на рост результативности в народном хозяйстве государства, в указанные годы стали проследиваться отдельные факторы неблагополучия в экономической сфере. Главным из них стало снижение темпов экономического роста. Однако после Великой Отечественной войны основная нацеленность государственной политики Советского Союза закономерно была сосредоточена на наращивании именно экономической результативности. Согласно официальной статистике, национальный доход (в процентах к предыдущему году) в 1951 г. составлял 112,3%, в 1955 г. – 111,9%, в 1957 г. – 107% [4. С. 58]. То есть данный показатель постепенно начинал снижаться, что сказывалось на экономике СССР в целом. Пришедший к власти в 1953 г. новый политический лидер отчетливо понимал, что необходимы новые веяния, перемены, которые бы позволили нарастить промышленный и экономический потенциал государства.

Отличительной чертой советской экономики, начиная с середины 1920-х гг., являлось наличие серьезной диспропорции между производством средств производства и предметов потребления. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время ввиду начавшейся «холодной войны» эта диспропорция существенно увеличилась, поэтому в стране происходил пересмотр экономического уклада.

Целью исследования является анализ социально-экономических и политических предпосылок реорганизации советской системы управления промышленностью и строительством в 1950–1960-е гг.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу работы составляют основополагающие принципы историзма, научной объективности и системный подход. Помимо указанных важное значение в методологическом плане приобретает системный подход, в рамках которого выстраивается логическая взаимосвязь между множеством элементов, которые находятся в соотношении друг с другом. Также статья подготовлена на основе применения общих (анализа и синтеза, индукции и дедукции) и специально-исторических (историко-генетический и структурно-исторический, системный подход) методов. При раскрытии конкретных исторических фактов и сюжетов мы отталкивались от обобщенных представлений о советском обществе и его системе управления. Вместе с этим получили оценку изменения в системе управления промышленностью, освещалось влияние государственного режима и идеологии на формирование характера реформы управления промышленностью.

Новизна исследования состоит в комплексном изучении источников и научной литературы по определению основных причин, послуживших отправной точкой для формирования в СССР советов народного хозяйства. Ключевыми материалами при подготовке статьи стали достоверные архивные источники, выявленные в Российском государственном архиве новейшей истории. Полученные материалы позволили определить новые факты по обществу и ответственному обсуждению реформы управления промышленностью и строительством в 1957 г.

Результаты исследования. Действовавшая до 1950-х гг. система управления, во главе угла которой стояло отраслевое хозяйствование, помимо прослеживавшихся положительных качеств, имела и немалое количество отрицательных сторон, которые начали выходить на передний план. По мере развития промышленности последние проявлялись все более заметно. Главной причиной такого нестабильного механизма стало отсутствие слаженной и результативной работы между конкретными организациями, территориально расположенными в едином экономическом районе. То есть, как отмечает В.Н. Горлов, «интеграцию промышленных предприятий стимулировали или ограничивали не экономические факторы, а рамки министерств. Как только предприятие получало себе “хозяина” в виде министерства, сразу же, как правило, обрывалась всякая кооперация с предприятиями других министерств, хотя и находящихся по соседству, так как планирование велось только по вертикали, т.е. в пределах одного и того же министерства» [1. С. 17]. Казалось бы, проблема не столь существенная. Однако на практике все происходило куда прозаичнее. Работники соседних предприятий, понимая, кто какую продукцию производил, не могли воспользоваться результатами труда друг друга даже для общего дела – создания лучших условий жизни советских людей.

Не обошло данное явление и республики Волго-Вятского региона. Например, заготовки на Шумерлинский мебельный комбинат в Чувашской АССР поставлялись с Дальнего Востока из Комсомольска-на-Амуре, дорабатываясь в Вологде, расположенной на Северо-Западе РСФСР, после чего в той же последовательности возвращались назад, продолжительное время колеся через всю страну. Этот же мебельный комбинат, несмотря на все многообразие лесных ресурсов Чувашии, использовал сырье из регионов Западной Сибири и Дальнего Востока [10. С. 280].

В соседней автономии была та же картина. Например, на Волжский древкомбинат в Марийской АССР поставлялась фанера, произведенная в Новгородской области. И это происходило, несмотря на наличие в близлежащем Зеленодольске фанерной фабрики. Проблема заключалась в том, что она относилась к другому ведомству [10. С. 280]. Ведомственные барьеры не позволяли рентабельно решать вопросы распределения сырья и загрузки оборудования. В настоящее время в условиях отлаженной логистики указанные факты могут показаться смешными и нелепыми, тем не менее они не только имели место быть, но и серьезно мешали в те годы экономическому развитию как страны, так и отдельных ее регионов.

Существовавшая система управления не способствовала и взаимодействию предприятий с региональными органами власти. То есть на местах органы управления практически не могли оказывать влияние на предприятия и заводы, подчиненные министерствам. «Отраслевые министерства, как правило, игнорировали интересы регионов, не реагировали должным образом на требования местных партийных и советских органов. Полностью отсутствовали органы управления, которые занимались бы региональным планированием, могли бы добиться своей властью налаживания учета и реализации экономических возможностей данного района с позиций более широких, нежели интересы данной отрасли» [1. С. 18].

До создания совнархозов работникам советов министров автономных республик, в ведении которых находилась промышленность, большую часть времени приходилось уделять рассмотрению вопросов предприятий союзной и союзно-республиканской индустрии. В результате для управления объектами местной промышленности оставалось мало времени.

К середине 1950-х гг. стало очевидно, что излишне централизованная система управления приводила не к достижению поставленных целей, а, наоборот, вела к дестабилизации научно-технического прогресса. В результате был взят курс на поощрение местной инициативы, которая способствовала увеличению производительности труда и внедрению новых технических достижений. Для полноценного экономического развития «необходимо было отказаться от дальнейшего усиленного использования малопроизводительных методов. По данным на 1955 г., доля слабомеханизированного производства преимущественно с ручным трудом составила в лесозаготовительной промышленности 68%, в угледобывающей промышленности – 44%, в черной металлургии – 35%» [1. С. 18].

Наступало время принципиально новых технологий и процессов производства, «что требовало формирования профессиональных кадров как среди руководящего звена, так и технических специалистов. Именно в эти годы происходит активное внедрение результатов научно-технической революции в экономику государства. Не случайно в июле 1955 г. был создан пленум

ЦК КПСС, на повестке дня которого стоял вопрос результатов НТР» [1. С. 18]. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники» указывалось, что нахождение отдельных научно-исследовательских институтов в городах, которые находились территориально удаленно от производственных баз, являлось нерентабельным, что это тормозило процесс внедрения новых достижений советской науки и техники [1. С. 18]. В частности, в документе указывалось: «ЦК КПСС и Совет Министров СССР считают, что расположение ряда научно-исследовательских институтов в Москве, Ленинграде и других городах, вдали от их производственной базы, является неоправданным и не способствует успешному решению поставленных перед ними задач по внедрению новой техники» [7. С. 222].

Как никогда актуальным стал и вопрос о влиянии партийного аппарата. Там, где специалистам того или другого ведомства «удавалось вести производство средствами, целиком находившимися в их же руках, тяготевший над ними партийный контроль сводился в конце концов только к одному: выполнен или не выполнен план, продиктованный высшими партийными инстанциями. И чем дальше развивалась ведомственная интеграция, тем яснее рядом с партийным «аппаратом» вырастал и постепенно становился мощным вертикальный хозяйственно-технический «аппарат» [1. С. 20].

Реорганизация системы управления промышленностью была также связана с политическими факторами. Новый лидер Н.С. Хрущев хорошо понимал, что не может рассчитывать на поддержку высшего эшелона власти и стремился укрепить личные контакты и взаимосвязи с руководителями местного управленческого звена [2. С. 156]. Можно предположить, что такая политика являлась оправданной, поскольку на местах были сосредоточены крупные организаторы производства, имевшие авторитет среди промышленников. Большая часть из них прошла серьезную школу жизни, начиная трудовую деятельность с низших должностей и дошедших до уровня крупных «хозяйственников».

В итоге в соответствии со всеми имевшимися предпосылками 30 марта 1957 г. на страницах центральных газет были опубликованы тезисы доклада Н.С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» [5]. В подкрепление своих предложений Н.С. Хрущев подверг уничтожающей критике существовавшую систему управления промышленностью. «Он указал на чрезмерно раздутые штаты центральных органов и огромный поток бумаг в министерствах. Однако он отметил, что инженеры и техники в министерствах, как правило, – высококвалифицированные специалисты, и их следует перевести на столь же серьезную работу после того, как министерства будут ликвидированы» [1. С. 22].

Сам проект реформы управления промышленностью получил весьма широкое распространение среди общественности, он был представлен на обсуждение советских граждан еще до того, как Верховный Совет принял итоговое резюмирующее решение. Для этого активно использовались средства массовой информации. Так, по сообщениям прессы: «до 5 мая 1957 г. на собраниях, которые проводились специально для обсуждения основ предстоящей реформы, присутствовало в целом 40 820 тыс. чел., из которых выступило 2 300 тыс. Упоминалось, что на страницах прессы было размещено более 68 тыс. статей, в которых присутствовали активные рассуждения о пользе реформы управления» [5]. Основным вывод сводился к тому, что миллионы граждан СССР одобрили предложения Н.С. Хрущева.

В то же время, несмотря на значительную общественную поддержку данной реформы, в ее адрес было немало и критики. В государственных исторических архивах сохранились документы, подтверждающие имевшийся к ней негативный настрой, и в современных условиях они доступны для исследователей. Приведем несколько конкретных примеров. Так, в обращении коллектива Государственного союзного завода № 496 к Н.С. Хрущеву от 29 апреля 1957 г. говорилось: «В связи с обсуждением Ваших тезисов о перестройке управления промышленностью работники нашего завода выражают опасения, что решение вопросов, связанных с внедрением новой техники, будет затруднено в условиях управления по экономическим районам ... Решить вопросы освоения новых видов электрофизического оборудования в пределах одного экономического района будет невозможно. Поэтому нам представляется целесообразным сохранение централизованного управления этой отраслью промышленности, связанной с изучением и мирным использованием атомной энергии» [6. Л. 29–30].

Некоторые предприятия и организации высказывали и рекомендации, которые могли бы быть учтены при итоговом принятии реформы. В частности, секция технического нормирования и организации труда Московского дома научно-технической пропаганды имени Ф.Э. Дзержинского указывала на следующие предложения: «Учитывая важнейшее значение роста производительности труда и улучшения организации заработной платы в промышленности и строительстве, необходимо, чтобы организация работы по труду в дальнейшем соответствовала новым формам управления. Поскольку новым звеном управления промышленностью будет являться Совет народного хозяйства, районное регулирование заработной платы, методическое руководство вопросами труда, внедрение на всех предприятиях района нормативов для установления технически обоснованных норм, выявление и широкое распространение передовых методов труда требует централизованного руководства и организации в системе Совета народного хозяйства самостоятельного отдела организации труда и заработной платы» [6. Л. 6–7].

Как в целом по стране, так и в регионах реформа Н.С. Хрущева получила широкий отклик среди населения. В Чувашии, например, с 30 марта по 4 мая 1957 г., по официальным данным, на 1750 собраниях по этому вопросу приняли участие свыше 150 тыс. человек, выступили 7,5 тыс. производственников [8. С. 129]. Об условности указанных цифровых показателей, возможно, и по причине их спущенной сверху заданности, свидетельствует тот факт, что аналогичные цифры приводятся и по Марийской АССР. Так, по словам первого секретаря Марийского обкома КПСС А.М. Спиридонова, «в обсуждении приняло участие свыше 150 тысяч человек, из которых около 7,5 тысячи внесли конкретные предложения по улучшению руководства промышленностью и строительством» [9].

Особенно следует отметить, что предложенные Н.С. Хрущевым обсуждения реформы в масштабе всей страны становились кардинально новым политическим механизмом. Данный подход позволял, с одной стороны, многим советским гражданам выражать свои идеи, мысли, проблемные вопросы; с другой, указывать на то, где и в чем просматривались просчеты управленческого звена и возможности их исправления [3. С. 20]. В то же время необходимо учитывать, что подобные публичные обсуждения проводились под пристальным контролем партийно-государственного аппарата со всеми вытекающими из этого последствиями.

Через небольшое время (всего месяц с небольшим), после того как были опубликованы тезисы Н.С. Хрущева о реорганизации системы управления, 7 мая 1957 г. сессия Верховного Совета СССР, одобрив доклад Н.С. Хрущева, приняла закон «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством» [7. С. 343–347], что ознаменовало начало реформы.

Выводы. Реформа управления промышленностью и строительством во второй половине 1950-х гг., безусловно, имела объективные предпосылки. Громоздкий отраслевой аппарат управления в значительной степени перестал удовлетворять требованиям изменившейся ситуации, особенно в плане мобильности. Неэффективной оказалась и система снабжения. Каждое министерство и ведомство располагало своими базами и складами, в результате чего предприятия получали сырье с баз других регионов, хотя оно, возможно, имелось в самих республиках. Это перегружало транспортную сеть, повышало себестоимость продукции и в конечном счете – цены на нее.

Таким образом, в основе реорганизации управления промышленностью и строительством лежал разнообразный комплекс причин и предпосылок, обусловленных предшествовавшим развитием страны. При этом важнейшая роль все же принадлежала экономическим факторам. Другое дело, что отдельные аспекты реформы (главным образом размеры совнархозов) оказались обусловлены мотивами политического порядка. Несмотря на это, создание совнархозов в республиках Среднего Поволжья позволило им нарастить промышленный потенциал и перейти в ранг индустриально-аграрных регионов. Образованные в 1957 г. в национальных республиках РСФСР советы народного хозяйства создали необходимые условия для формирования собственной промышленной базы, а также научно-образовательной среды.

Литература и источники

1. Горлов В.Н. Московские городской и областной совнархозы (1957–1965 гг.): противоречия становления и развития. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 202 с.
2. Коваленко С.Г. Реформирование управления народным хозяйством России в середине 50-х – 60-х годах XX в.: историография проблемы // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 156–162.
3. Минеев А.И. Реформа управления промышленностью и строительством второй половины 1950-х – начала 1960-х годов и ее значение для социально-экономического развития российских регионов (по материалам деятельности Марийского, Мордовского и Чувашского совнархозов). Чебоксары: Новое время, 2024. 162 с.
4. Народное хозяйство СССР в 1972 г. М.: Статистика, 1973. 770 с.
5. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: Тезисы доклада тов. Н.С. Хрущева // Правда. 1957. 30 марта. С. 1–4.
6. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40. Д. 51.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 4. 784 с.
8. Руссаков С.Г. Реорганизация управления промышленностью и строительством в Чувашии в 1957 г. и ее первые результаты // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Ученые записки. Вып. XXII / НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1963. С. 125–142.
9. Спиридонов А. За дальнейший подъем промышленности и строительства // Марийская правда. 1957. 29 мая. С. 2.
10. Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР (50–80-е годы XX века): дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004. 469 с.

МИНЕЕВ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий межфакультетской базовой лабораторией 1С, Чувашский государственный университет; руководитель центра исследований и подготовки кадров 1С, ООО «Лидер софт – внедренческий центр», Россия, Чебоксары (minalig@inbox.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5791-6210>).

Alexey I. MINEEV

**SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PREREQUISITES
FOR THE REORGANIZATION OF THE INDUSTRIAL
AND CONSTRUCTION MANAGEMENT SYSTEM IN THE 1950s AND 1960s:
THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE REPUBLICS OF THE MIDDLE VOLGA REGION**

Key words: *soviets of the national economy, N.S. Khrushchev, the Middle Volga region, industrial and construction management reform.*

By the mid-1950s, the administrative and command management system in the USSR was demonstrating its stability and effectiveness. Nevertheless, despite the growth of efficiency in the national economy of the state, in these years, certain factors of economic problems began to be traced. The main one was decline in economic growth.

The purpose of the study is to analyze socio-economic and political prerequisites for the reorganization of the Soviet industrial and construction management system in the 1950s and 1960s.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the work is made by the fundamental principles of historicism, scientific objectivity and a systematic approach. The novelty of the research consists in a comprehensive study of sources and scientific literature to determine the main reasons that served as the starting point to form the national economy councils in the USSR. Little-studied documents from the Russian State Archive of Modern History were important in covering the topic. Special attention is paid to the reform based on the material of the Middle Volga region republics.

Results. Reorganization of industrial and construction management in the second half of the 1950s was based on a diverse set of reasons related to the country's previous development. The ongoing reform certainly had objective prerequisites. The cumbersome industry management apparatus largely ceased to meet the requirements of the changed situation, especially in terms of mobility. The supply chain was also ineffective. At this, economic factors still played an important role.

Conclusions. The creation of councils of national economy in the republics of the Middle Volga region enabled them to increase their industrial potential and move to the status of industrial and agrarian regions.

References

1. Gorlov V.N. *Moskovskie gorodskoi i oblastnoi sovnarkhozy (1957–1965 gg.): protivorechiya stanovleniya i razvitiya: monografiya* [Moscow city and regional economic councils (1957–1965): contradictions of formation and development: monograph]. Moscow, 2014, 202 p.
2. Kovalenko S.G. *Reformirovanie upravleniya narodnym khozyaistvom Rossii v seredine 50-kh – 60-kh godakh XX v.: istoriografiya problemy* [Reforming the management of the national economy of Russia in the mid-50s – 60s of the 20th century: historiography of the problem]. *Rossiya i ATR*, 2006, no. 1, pp. 156–162.
3. Mineev A.I. *Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom vtoroi poloviny 1950-kh – nachala 1960-kh godov i ee znachenie dlya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya rossiiskikh regionov (po materialam deyatel'nosti Mariiskogo, Mordovskogo i Chuvashskogo sovnarkhozov)* [Reform of industrial and construction management in the second half of the 1950s – early 1960s and its significance for the socio-economic development of Russian regions (based on the activities of the Mari, Mordovian and Chuvash economic councils)]. *Cheboksary, Novoe vremya Publ.*, 2024, 162 p.
4. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1972 g.* [National economy of the USSR in 1972]. Moscow, Statistika Publ., 1973, 770 p.
5. *O dal'neishem sovershenstvovanii organizatsii upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom: Tezisy doklada tov. NS. Khrushcheva* [On further improvement of the organization of industrial and construction management: Theses of the report of comrade N.S. Khrushchev]. *Pravda*, 1957, March 30, pp. 1–4.
6. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI)*. F. 5. Op. 40. D. 51 [Russian State Archives of Contemporary History. Archive 5. Anagraph 40. Document 51].
7. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam*. T. 4. [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, vol. 4, 784 p.
8. Russakov S.G. *Reorganizatsiya upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom v Chuvashii v 1957 g. i ee pervye rezul'taty* [Reorganization of Industrial and Construction Management in Chuvashia in 1957 and Its First Results]. *Voprosy ekonomiki i istorii Chuvashskoi ASSR. Uchenye zapiski. Vyp. XXII* [Questions of Economics and History of the Chuvash ASSR. Scientific Notes. Issue. XXII]. *Cheboksary*, 1963, pp. 125–142.

9. Spiridonov A. *Za dal'neishii pod"em promyshlennosti i stroitel'stva* [For Further Growth of Industry and Construction / A. Spiridonov]. *Mariiskaya Pravda*, 1957, May 29, p. 2.

10. Stepanov V.R. *Industrial'noe razvitie respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo raiona v usloviyakh NTR (50–80-e gody XX veka): dis. ... d-ra ist. nauk*. [Industrial Development of the Republics of the Volga-Vyatka Economic Region in the Context of the Scientific and Revolutionary Revolution (1950–1980s): Doct. Diss.]. Cheboksary, 2004, 469 p.

ALEXEY I. MINEEV – Candidate of Historical Sciences, Head of the Interfaculty Basic Laboratory 1C, Chuvash State University; Head of the Center for Research and Training of 1C Personnel, LLC «Lider Soft – Implementation Center», Russia, Cheboksary (minalig@inbox.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5791-6210>).

Формат цитирования: Минеев А.И. Социально-экономические и политические предпосылки реорганизации системы управления промышленностью и строительством в 1950–1960-е годы: исторический опыт республик Среднего Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 94–101. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-94-101.

УДК 342.5(480)
ББК ТЗ(2)53

Е.Н. МОКШИНА, Н.В. БАЛАКИРЕВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ФИНЛЯНДИИ

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, революция, независимость, государственность, гражданская война.

В статье рассматриваются события из российской и финской истории, как произошедшие в дореволюционный период, так и во время гражданской войны 1917–1922 гг. Показано, каким образом Финляндия была преобразована в независимое государство из автономного княжества Российской империи. Объективное освещение данной проблемы на современном этапе весьма важно и актуально в связи с противоречивыми дискуссиями, ведущимися, в том числе и по данной проблеме, в зарубежной историографии, которые негативно отражают историческое прошлое Российского государства.

Цель исследования – объективное изучение предпосылок становления государственности Финляндии и оценка роли России в решении этого вопроса.

Материалы и методы. Статья написана на основе анализа опубликованных документов и научной литературы отечественных и зарубежных авторов. При проведении исследования применялись различные методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-правовой, статистический, описательный, логический.

Результаты исследования. В ходе исследования были изучены основные этапы финской истории, начиная от присоединения к Российской империи и заканчивая обретением независимости Финляндской республикой. На конкретном историческом материале показано, как более чем за сто лет совместной политической истории России и Финляндии финны смогли пройти путь от автономного княжества к независимому государству. Российской империи не удалось полностью интегрировать финляндские территории в свою структуру, а большевикам восстановить над ними контроль в период революционных потрясений 1917–1922 гг. В ходе революционных событий и гражданской войны в России Финляндия смогла завершить создание собственного независимого государства, предпосылки к строительству которого интенсивно складывались в ней в течение всего XIX в.

Выводы. Тщательно изучив события и государственно-политические процессы в Великом княжестве Финляндском в период его пребывания в составе Российской империи, следует сделать вывод об их исключительной важности и ценности для будущего становления финского национального государства. Великое княжество Финляндское имело в составе России широкую автономию: здесь свободно функционировал финский сейм, утвердивший собственную Конституцию и решавший самостоятельно многие вопросы развития региона, была введена своя валюта (финская марка), созданы благоприятные условия для развития экономики, демографии, культуры и образования, финского языка. Таким образом, именно нахождение в составе России способствовало складыванию предпосылок к обретению государственности финским народом, благотворно повлияло на становление его государственных институтов.

Введение. Современная Финляндия прошла долгий путь к обретению независимости и государственности. Большую часть своей истории финские земли принадлежали шведскому королю, начиная с XII в. Через Швецию в Финляндию проникало христианство, финны приняли лютеранство и перенимали европейскую культуру, шведский язык. Этот исторический период для финнов, безусловно, был значимым, поскольку именно тогда был создан письменный финский язык, а сами шведы оставили неизгладимый культурный отпечаток в истории Финляндии [11]. Но при всех плюсах и недостатках нахождения в составе Швеции следует учитывать, что она однозначно не давала финнам одного – собственной независимой государственности. Финские территории

являлись неотъемлемой частью Шведского королевства. Однако после присоединения к России ситуация изменилась, российские императоры способствовали развитию финских государственных институтов в течение более чем 100 лет. Финляндия в составе России была исключительной административно-территориальной единицей, обладавшей расширенной самостоятельностью, которой ни у какого другого региона страны в то время не было. И так продолжалось вплоть до революционных потрясений 1917 г. Период гражданской войны является переломным событием в российской истории, поскольку существовавшее ранее огромное государство распалось по частям. Из остатков империи формировались новые национальные государства, в числе которых образовалось и Финляндское государство, до этого отдельно никогда не существовавшее. Но его возникновение не было спонтанным явлением, а явилось результатом многолетнего опыта становления и развития государственных институтов, сложившихся здесь в период автономного пребывания в составе Российской империи.

Целью исследования является объективное изучение предпосылок становления государственности Финляндии и оценка роли России в решении этого вопроса.

Материалы и методы. Статья написана на основе анализа опубликованных документов и научной литературы отечественных и зарубежных авторов. Проблема становления государственности Финляндии не нова в историографии. Этой теме посвящено немало работ как отечественных, так и финских авторов. Однако спор исследователей не утихает и поныне, что во многом обусловлено весьма сложными и противоречивыми политическими и военно-стратегическими реалиями мирового устройства и порядка, включающими государственные взаимоотношения между Россией и Финляндией, как в прошлом, так и в современных условиях. Для анализа проблемы привлекалась научная литература российских и финских ученых. Авторы старались осветить данную тему как можно полнее и объективнее, опираясь на проверенные временем факты и исторические источники. Так, наиболее ценные документы по изучаемой проблеме были извлечены из «Хрестоматии по истории международных отношений» [17], где опубликованы материалы по истории отношений между Россией, Финляндией, Германией в эпоху Новейшего времени. Также были проанализированы акты, относящиеся к политическому и правовому положению Великого княжества Финляндского в составе Российской империи [18]. Весьма важная историческая информация была выявлена из «Записок» действительного тайного советника, сенатора К.И. Фишера, хорошо знавшего реальное положение дел в сфере государственного управления в дореволюционной России и Великом княжестве Финляндском изнутри [15].

При проведении исследования применялись различные методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-правовой, статистический, описательный, логический.

Так, проблемно-хронологический метод позволил проследить процесс формирования государственности Финляндии в хронологической последовательности череды исторических событий. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления фактов и явлений эпохи с целью лучшего постижения их сути. Применение историко-генетического метода было нацелено на изучение генезиса и причинности обретения финнами своего государства. Историко-правовой метод помог выявить исторические закономерности в развитии

государственных институтов и правовых норм в Финляндии и России той эпохи. Использование материалов статистики и исторических описаний позволило рассмотреть проблему в ее конкретике, а логический метод представил ее средствами теоретического анализа.

Результаты исследования. Исторически Финляндия всегда была тесно связана с Россией. В период Древней Руси туда активно проникали новгородские купцы, торгуя с местным населением и пытаясь наставить его на путь христианского вероучения. С XII в. финские земли колонизирует Швеция, а в 1581 г. Финляндия получила статус «Великое княжество», а титул Великого князя Финляндии был включен в полный титул короля Швеции [10. С. 48].

В XVIII в., после нескольких войн со Швецией, Российская империя присоединила к себе Выборгскую, Кексгольмскую и Кюменегордскую провинции согласно Ништадскому (1721) и Абоскому мирным договорам (1743), они стали губерниями России. В 1802 г. при Александре I их преобразовали в единую Финляндскую губернию. Впоследствии эту территорию в России стали именовать «Старая Финляндия», тем самым отличая ее от «Новой Финляндии» – территории шести бывших восточных шведских губерний, присоединенных к России в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг. по Фридрихсгамскому мирному договору [18. С. 117]. По нему вся шведская Финляндия отошла во владение России, а русско-шведская граница стала пролегать по р. Торнио, тем самым включая в состав нового княжества еще и шведские земли. В итоге Финляндия была присоединена к России на правах автономного княжества. Позже Финляндская губерния была вновь преобразована в Выборгскую и присоединена к Великому княжеству в 1812 г. согласно манифесту «О присоединении Финляндии Выборгской губернии» от 1809 г. [18. С. 137].

В Великом княжестве Финляндском проводились вялые попытки русификации финнов, однако все эти меры оказались безуспешными. При России г. Гельсингфорс (современный Хельсинки) стал политическим центром княжества. Город этот был отстроен архитекторами по образу и подобию имперской столицы России г. Санкт-Петербурга и сосредоточил в себе все административные функции. Финляндия за период 1809–1917 гг. стала более развитой, нежели многие другие регионы Российской империи. Она получила широкие права, автономию и пользовалась привилегиями, имела личную почтовую службу и правосудие. Процветала культура, открывались университеты. В отличие от шведской власти, Россия не обременяла Финляндию тяжелым налоговым бременем, жители также были освобождены от военной обязанности. А финны «платили» за это своей лояльностью, что выражалось в отсутствии резких антиправительственных выступлений, по сравнению с той же мятежной Польшей. Всеми проблемными вопросами в автономии занимался генерал-губернатор, которого назначал император, но значительную роль играл Финляндский сенат, который преимущественно состоял тогда из шведов [15. С. 107]. Многие шведы после войны приняли российское подданство, некоторым было возвращено или компенсировано их имущество. Соответственно, все делопроизводство, вплоть до 1863 г., велось на шведском языке. Россия щедро поощряла развитие Великого княжества Финляндского, пытаясь такими методами «теснее приблизить его к себе» [8. С. 271].

С каждым приходом следующего императора создавался новый манифест, в котором утверждали и укрепляли статус Финляндии. Так, при Александре II в 1860 г. была введена собственная валюта – финская марка, сделав экономику

Финляндии отчасти независимой от центральной власти. Во время правления Александра III произошли изменения в сейме. Если ранее его заседания собирались раз в 5 лет, то после 1880 г. – раз в 3 года. Сейм имел большое значение для княжества, в 1809 г. его участники утвердили Конституцию Финляндии. Многопартийная система, постоянные структурные экономические реформы, проводимые по инициативе сейма, ускоряли процесс развития региона.

При Николае II на территории княжества попытки проведения русификаторской политики активизировались. Предполагалось серьезно ограничить его автономию, более жестко контролировать систему образования, внедрять русский язык в качестве государственного, на что финны отвечали резкими протестами. В Финляндии получило развитие антироссийское движение. Здесь начали нелегально поставлять оружие, изготавливать бомбы и были налажены контакты с террористическими организациями в России. В недавнем прошлом между финнами и русскими складывались, хотя и натянутые, но достаточно благоприятные взаимоотношения, но этому времени постепенно подходил конец.

Поощрения в виде широкой автономии и различных привилегий не нашли в новом столетии отклика в финском обществе, многое хорошее, что было привнесено сюда Россией, быстро забылось. Но и сами власти несли за это часть вины. Как и в остальных частях империи, они особенно не обращали внимания на положение крестьянства, развитие «рабочего вопроса» в княжестве. В результате в 1906 г. поднялось Свеаборгское восстание под руководством большевиков и финских революционеров [8. С. 272]. Восстание подавили, в ходе чего около 1 тыс. чел. было арестовано, а несколько десятков погибло. Это восстание стало одним из ярких событий заключительного этапа Первой русской революции и фактически первым политическим выступлением, в котором финны приняли активное участие.

Попытки ограничения прав финской автономии продолжались вплоть до начала Первой мировой войны. Европейская бойня на время отложила решение финской проблемы, однако вновь на повестке дня она встала во время революционных событий 1917 г. Недалековидная политика русификации со стороны России послужила причиной симпатий молодых финнов к немцам, в результате чего немало добровольцев из их числа уезжали воевать на Восточный фронт в составе кайзеровской армии, тогда как в русские вооруженные силы вступило всего 500 добровольцев. С 1915 г. началось обучение финских курсантов в лагере Локштедт, неподалеку от Гамбурга. На следующий год их было уже более 2 тыс. чел., и все они участвовали в боевых действиях на стороне Германии. Помимо этого, в Финляндии усиленно шла подготовка к будущему вооруженному восстанию. Предполагалось получать оружие через Швецию, склады с ним находились там же.

В феврале 1917 г. в Российской империи разгорелась революция, которая помогла получить независимость Финляндии. Финское общество сначала далеко не сразу стало реагировать на революционные процессы внутри России, так как было отдалено от политической жизни остальной страны, хотя в целом к Февральской буржуазно-демократической революции отнеслось положительно, ожидая для себя определенных политических преференций. Однако в дальнейшем в Финский сенат стали входить представители «левого толка», которые имели связь непосредственно с Российской социал-демократической рабочей партией, что неминуемо привело к политическому расколу между «красными» и «белыми» силами. Финское правительство постепенно набирало вес и просто автономии внутри России ему уже казалось мало. Начинает

формироваться собственная армия из отрядов шюцкор (охранные отряды), левые тоже активно вооружались, получая нелегально оружие из России. 6 декабря 1917 г. финская власть провозгласила суверенность, а 31 декабря в Петрограде В.И. Ленин вручил председателю Сената Финляндии Перу Эвинду Свинхувуду акт о независимости Финляндии.

Еще на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. только большевики признали право финского народа на самоопределение. В.И. Ленин хорошо понимал, что отказ от предоставления финнам демократических прав и свобод грозит России еще одной войной и выходом Финляндии из ее состава, но уже насильственным путем. Финских социал-демократов и большевиков связывало многое, в Финляндии большевики проводили свои съезды во время революции 1905–1907 гг., через нее же В.И. Ленин впоследствии бежал в Швецию.

После провозглашения независимости в январе 1918 г. на территории Финляндии началась Гражданская война, подогреваемая массовым революционным движением рабочих и торпарей (безземельных крестьян-арендаторов), а также политической нестабильностью в России [9. С. 11]. Война в Финляндии носила достаточно локальный характер, в нее не было вовлечено столько стран и сторон, как в ситуации с Россией. Однако общей чертой было то, что в обоих случаях основным «катализатором» событий стало обострение внутренних противоречий вследствие тягот Первой мировой войны [1. С. 421]. Многие из тех финнов, которые воевали за Германскую империю, зимой 1918 г. вернулись на родину и стали оказывать помощь в войне «белым» против «красных» финнов и большевиков. В современной финской историографии термин «гражданская война» применительно к данному событию употребляется редко, а более распространен «красный мятеж», что имеет яркую идеологическую окраску, как война с большевиками и коммунистами [4. С. 14].

27 января 1918 г. силы «красных» взяли под свой контроль юг Финляндии и г. Гельсингфорс, создав орган управления – Совет народных уполномоченных Финляндии. Красную часть Финляндии возглавил левый политический деятель Куллерво Маннер. Красное правительство начало издавать различные декреты, начиная от отмены смертной казни и заканчивая учреждением конституции. 1 марта 1918 г. Советская Россия признала Совет единственным законным правительством в финском государстве и оказывала ему военную поддержку. Краснофинны смогли поставить под ружье до 70 тыс. человек. Впрочем, вся остальная (большая) часть территории была под контролем белофиннов, возглавляемых Финским сенатом. Основной армией «белых» был Охранный корпус Финляндии под командованием Карла Густава Эмиля Маннергейма [13. С. 204]. Их поддерживала Германия, направившая в Финляндию свои войска, которые здесь оставались и после окончания междоусобной войны. Они в марте высадились на Аландских островах, а в апреле в г. Ловизе, расположенном восточнее Гельсингфорса [5. С. 184]. Еще одной поддерживающей их страной оказалась Швеция, образовавшая добровольческий корпус под названием «Шведская бригада», в который вступило 803 чел. [2. С. 251]. Сформирован он был через общество «Друзья Финляндии», главой которого являлся брат Карла Маннергейма – Юхан. В этом конфликте Швеция пыталась обезопасить себя от революционных событий [2. С. 249]. Шведов часто ставили на командные должности, что значительно повышало эффективность «белых» группировок на полях сражений. Таким образом, при руководстве Маннергейма удалось собрать группировку не меньшей численностью, чем у «красных», их тоже стало около 70 тыс. чел.

Изначально РСФСР не хотела вмешиваться во внутренний финский конфликт, однако около 60–80 тыс. деморализованных и не способных к боевым действиям русских солдат все еще оставались на финской территории. В самом начале гражданской войны, с 27 на 28 января, белофинны начали нападать на русские гарнизоны в районе Карелии [3. С. 71]. В некоторых местах к русским войскам присоединялись финские красногвардейцы. Впоследствии большая часть оставшихся к тому времени на территории Финляндии русских войск перешла на сторону «красных» (около 10 тыс. солдат), меньшая часть (около 4 тыс. солдат) – на сторону белофиннов. В конце марта финские солдаты численностью до 2,2–3 тыс. чел. зашли на территорию РСФСР. Они достигли Ухты (Карелия) к 23 марта и пытались склонить местное население к присоединению к Финляндии, но попытки эти не возымели успеха [6. С. 93]. Между тем поддержка большевиками «красных» финнов увеличивалась, но основные ударные силы не вводились в связи с заключенным Россией Брестским миром, по которому она, где бы то ни было, не могла открыто воевать с Германией. Советское правительство придерживалось тактики «гибридного» противостояния с белофиннами, что, впрочем, можно сказать и о вмешательстве Германии и Швеции. Но, в отличие от «белых», в рядах «красных» сил бывшие русские солдаты и офицеры (наиболее компонентные части) были отстранены от принятия решений, что непосредственно сыграло на руку противоборствующей стороне, которая щедро использовала помощь своих различных «помощников». Маннергейму удалось более удачно оценить обстановку, правильнее укомплектовать армию, в основе которой находились добровольческие отряды в связке с элитными частями егерей.

Кратковременное противостояние продолжалось около полугода, с 27 января по 16 мая 1918 г., и закончилось победой «белых» сил. Краснофинны не смогли долго противостоять лучше обученным и снабжаемым белофинским группировкам и интервентам. Уже к апрелю 1917 г. Маннергейм занял г. Таммерфорс, являющийся вторым по значимости городом в Финляндии после Гельсингфорса. Далее за пару дней немцы взяли уже и сам Гельсингфорс, который передали правительству П.Э. Свинхувуда. 29 апреля «белые» заняли г. Выборг, а 15 мая пал последний оплот сопротивления «красных» – форт Ино на Карельском перешейке. На следующий день в Гельсингфорсе был проведен Парад победы, который явился символическим завершением гражданской войны.

За 108 дней войны погибло около 37 тыс. чел. Ближе к концу гражданской войны и после нее начались гонения на русское население Финляндии. Небезызвестным событием стала «Выборгская резня», жертвами которой пали более 5 тыс. чел. Среди убитых были люди различного социального положения – чиновники, военные, студенты. Вооруженные финские группировки прочесывали город, захватывали и похищали русских либо похожих на русских людей, заставляя пленников изъясняться на незнакомом для них финском языке. К концу мая в финских концентрационных лагерях находилось свыше 80 тыс. чел., из которых 12,5 тыс. чел. умерло от голода и болезней. Русских людей массово выселяли из Финляндии и подвергали дискриминации [12. С. 295].

В течение долгих дискуссий к лету 1918 г. была сформирована новая Финляндия в форме дуалистической монархии с сильной властью парламента. Регентом при будущем короле стал Карл Маннергейм. В своей суверенной политике Финляндия стала полагаться в первую очередь на Германию, вплоть до того, что финны пригласили на престол одного из потомков немецкой династии. 9 октября 1918 г. парламентом Финляндии на престол был избран зять

германского императора принц Карл Фридрих, но он так и не занял трон. Вплоть до развала Германской империи Финляндия находилась практически под ее «протекторатом» [3. С. 402]. Немцы выкачивали из своего нового сателлита те ресурсы, которые им были нужны для ведения войны на западе: цветные металлы, продовольствие и дефицитные материалы. Из Финляндии для своей армии они активно вывозили чай, кофе, табак, нефть, медь, ткани, обувь и даже мыло [16. С. 308]. Страна стала дополнительным сырьевым придатком для обеспечения потребностей германской военной машины [7].

Развал Германии выбил почву из прогерманской ориентации Финляндии и сильно укрепил позиции республиканцев, давая повод к новым обсуждениям устройства государства [19. С. 133]. После рассмотрения нескольких проектов республиканского и монархического характера в 1920 г. Финляндия окончательно стала парламентской республикой, которой является поныне.

Сразу после окончания гражданской войны начался вялотекущий конфликт Финляндии с Советской Россией, по итогам которого произошел ряд территориальных уступок ей со стороны советского правительства. Так, в 1920 г. Финляндия аннексировала часть Печенегской области (Муромской области), полуостров Рыбачий и наибольшую часть Среднего полуострова. Россия окончательно отказалась от надежд по удержанию хотя бы какой-то части финской территории [14. С. 185]. На некоторое время конфликт между советской и финской сторонами прекратился, вплоть до 1939 года. 21 января 1932 г. между Финляндией и СССР был подписан договор о ненападении, однако обе стороны не смогли в будущем избежать военного столкновения [17. С. 95].

Отношения с Россией в период Интербеллума носили в значительной степени негативный характер. Строительство финского государства пошло по траектории конфронтации, из русских создавался образ врага, любое проявление русского влияния старались минимизировать, а самих их – ассимилировать. К коммунистам отношение было не менее жесткое, но все же более лояльное. Так, правительство П.Э. Свинхувуда помиловало более 36 тыс. финнов, воевавших на стороне «красных».

В 1939 г. советско-финская война еще более обострила отношения между странами, Финляндия стала союзницей нацистской Германии и вплоть до 1944 г. воевала против СССР. После завершения Второй мировой войны отношения Финляндии с СССР стали более лояльными. Так, здесь была построена военная база на арендованном советским правительством полуострове Порккала для обеспечения дополнительной защиты г. Ленинграда, существовавшая до 1956 г. [17. С. 667].

Выводы. В современный период между Россией и Финляндией наблюдается новый виток конфронтации и охлаждения отношений. В 2023 г. Финляндия вступила в военно-стратегический блок НАТО, таким образом, подвергая опасности северные рубежи Российской Федерации. Так, за более чем сто лет совместной политической истории России и Финляндии финны смогли пройти путь от автономного княжества к независимому государству. Российской империи не удалось полностью интегрировать финляндские территории в свою структуру, а большевикам восстановить над ними контроль в период революционных потрясений 1917–1922 гг. В ходе революционных событий и гражданской войны в России Финляндия смогла завершить создание собственного независимого государства, предпосылки к строительству которого интенсивно складывались в ней в течение всего XIX в.

Литература и источники

1. Булдаков В.П. Восприятие гражданской войны в Финляндии российским обществом в 1918 году // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2019. № 3. С. 421–436.
2. Васара-Воззрина В.-Т. Шведские добровольцы в гражданской войне Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. № 1. С. 245–260.
3. Вихавайнен Т. Гражданские войны в Финляндии и России: что было общим, что особенным и каково наследие гражданской войны в Финляндии и России // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 400–409.
4. Вихавайнен Т. Финляндская историография финляндско-российских отношений XX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 39 с.
5. Власов Л.В. Междоусобная война в Финляндии. СПб.: Европейский Дом, 2009. 304 с.
6. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н.А. Кораблева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
7. Кузьменко Е.А. Белые и Красные силы гражданской войны: проблема современной общественной интерпретации исторической памяти в Финляндии // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 2. С. 62–77.
8. Кяйвярйнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1965. 284 с.
9. Лехен Т. Из истории Коммунистической партии Финляндии. М.: Госполитиздат, 1960. 208 с.
10. Лялина М.А. Очерки истории Финляндии. СПб.: В. Березовский, 1908. 304 с.
11. Мокшин Н.Ф. Финно-угры в русской и мировой культуре // Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры. Саранск: Изд-во МГУ им. Н.П. Огарёва, 2014. С. 4–10.
12. Мусаев В.И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 – начало 1919 г.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 294–303.
13. Попов Д.А. Финский излом. Революция и Гражданская война в Финляндии. 1918 г. М.: Яуза, 2021. 256 с.
14. Рупасов А.И. Гражданская война в Финляндии // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3(19). С. 171–185.
15. Фишер К.И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 368 с.
16. Холодовский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 382 с.
17. Хрестоматия по истории международных отношений. В 5-ти кн. Кн. 4. Новейшее время / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: БГПУ, 2013. 2010 с.
18. Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. С. 145 с.
19. Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М.: Весь мир, 1998. 384 с.

МОКШИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Россия, Саранск (enm2112@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>).

БАЛАКИРЕВ НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ – аналитик Центра развития карьеры, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Россия, Саранск (n.balackirev@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4893-3924>).

Elena N. MOKSHINA, Nikita V. BALAKIREV

ON THE ISSUE OF THE PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF FINNISH STATEHOOD

Key words: the Grand Duchy of Finland, the Russian Empire, revolution, independence, statehood, civil war.

The article examines events from Russian and Finnish history, both during the pre-revolutionary period and during the civil war of 1917–1922. It is shown how Finland was transformed into an independent state from an autonomous principality of the Russian Empire. Objective coverage of this problem at present stage is very important and relevant in connection with the controversial discussions that are taking place, including on this issue, in foreign historiography, which negatively reflect the historical past of the Russian state.

The purpose of the study is an objective study of the prerequisites for the Finnish statehood formation and the assessment of Russia's role in solving this issue.

Materials and methods. The article is based on the analysis of published documents and scientific literature by domestic and foreign authors. Various methods were used in the research: problem-chronological, comparative-historical, historical-genetic, historical-legal, statistical, descriptive, logical ones.

Research results. The study examined the main stages of Finnish history, starting from its annexation to the Russian Empire and ending with gaining independence of the Republic of Finland. The concrete historical material shows how, over more than a hundred years of the joint political history of Russia and Finland, the Finns were able to make their way from an autonomous principality to an independent state. The Russian Empire failed to fully integrate the Finnish territories into its structure, and the Bolsheviks failed to regain control over them during the revolutionary upheavals of 1917–1922. During the revolutionary events and the civil war in Russia, Finland was able to complete the creation of its own independent state, the prerequisites for the construction of which were intensively developing in it throughout the XIX century.

Conclusions. Having carefully studied the events and state-political processes in the Grand Duchy of Finland during its stay within the Russian Empire, it is necessary to draw the conclusion about their exceptional importance and value for the future formation of the Finnish national state. The Grand Duchy of Finland had broad autonomy being part of Russia: the Finnish Seim functioned freely, which approved its own Constitution and independently resolved many issues of regional development, its own currency (the Finnish mark) was introduced, favorable conditions were created for the development of the economy, demography, culture and education, and the Finnish language. Thus, it was precisely being part of Russia that contributed to the formation of prerequisites to acquire statehood by the Finnish people, and had a beneficial effect on the formation of their state institutions.

References

1. Buldakov V.P. *Vospriyatie grazhdanskoi voyny v Finlyandii rossiiskim obshche-stvom v 1918 godu* [Perception of the Civil war in Finland by Russian society in 1918]. *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy*, 2019, no. 3, pp. 421–436.
2. Vasara-Vozgrina V.-T. *Shvedskie dobrovol'tsy v grazhdanskoi voine Finlyandi* [Swedish volunteers in the Finnish Civil War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2020, no. 1, pp. 245–260.
3. Vihavainen T. *Grazhdanskie voyny v Finlyandii i Rossii: chto bylo obshchim, chto osobennym i kakovo nasledie grazhdanskoi voyny v Finlyandii i Rossii* [Civil wars in Finland and Russia: what was common, what was special, and what is the legacy of the Civil War in Finland and Russia]. *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy*, 2018, no. 3, pp. 400–409.
4. Vihavainen T. *Finlyandskaya istoriografiya finlyandsko-rossiiskikh otnoshenii KHKH v.* [The Finnish historiography of Finnish-Russian relations of the twentieth century]. Petrozavodsk, 2006, 39 p.
5. Vlasov L.V. *Mezhdousobnaya voyna v Finlyandii* [Internecine warfare in Finland]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2009, 304 p.
6. N.A. Korablev et al., eds. *Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001, 943 p.
7. Kuzmenko E.A. *Belye i Krasnye sily grazhdanskoi voyny: problema sovremennoi obshchestvennoi interpretatsii istoricheskoi pamyati v Finlyandii* [White and Red forces of the Civil War: the problem of modern public interpretation of historical memory in Finland]. *Rossiya i mir: nauchnyi dialog*, 2021, no. 2, pp. 62–77.
8. Kayvarainen I.I. *Mezhdunarodnye otnosheniya na severe Evropy v nachale XIX veka i prisoedinenie Finlyandii k Rossii v 1809 godu* [International relations in northern Europe at the beginning of the 19th century and Finland's annexation to Russia in 1809]. Petrozavodsk, 1965, 284 p.
9. Lehen T. *Iz istorii Kommunisticheskoi partii Finlyandii* [From the history of the Communist Party of Finland]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, 208 p.
10. Lyalina M.A. *Ocherki istorii Finlyandii* [Essays on the history of Finland]. St. Petersburg, 1908, 304 p.
11. Mokshin N.F. *Finno-ugry v russkoi i mirovoi kul'ture* [Finno-Ugric peoples in Russian and world culture]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniya finno-ugorskoi kul'tury* [Current problems of Finno-Ugric culture research]. Saransk, 2014, pp. 4–10.
12. Musaev V.I. *Pervye russkie obshchestvennye i politicheskie organizatsii v nezavisimoi Finlyandii (1918 – nachalo 1919 g.)* [The first Russian public and political organizations in independent Finland (1918 – early 1919)]. *Rossiya i Finlyandiya: problemy vzaimovospriyatiya. XVII–XX vv.* [Russia and Finland: problems of mutual perception. XVII–XX centuries]. Moscow, 2006, pp. 294–303.
13. Popov D.A. *Finskii izlom. Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Finlyandii. 1918 g.* [The Finnish kink. Revolution and Civil War in Finland. 1918]. Moscow, Yauza Publ., 2021, 256 p.

-
14. Rupasov A.I. *Grazhdanskaya voina v Finlyandii* [The Civil War in Finland]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2018, no. 3(19), pp. 171–185.
 15. Fischer K.I. *Zapiski senatora* [Notes of a senator]. Moscow, Zakharov Publ., 2008, 368 p.
 16. Kholodkovsky V.M. *Revolutsiya 1918 g. v Finlyandii i germanskaya interventsia* [The 1918 Revolution in Finland and the German intervention]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 382 p.
 17. Kuznetsov D.V., comp. *Khrestomatiya po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii. V 5-ti kn. Kn. 4. Noveishee vremya* [A textbook on the history of international relations. 5 books. Book 4: Modern times]. Blagoveshchensk, 2013, 2010 p.
 18. Shilovsky P. *Akty, otnosyashchiesya k politicheskomu polozheniyu Finlyandii* [Acts related to the political situation of Finland]. St. Petersburg, 1903, 145 p.
 19. Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Y. *Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–1995* [Political history of Finland, 1809–1995]. Moscow, Ves' mir Publ., 1998, 384 p.
-

ELENA N. MOKSHINA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, Russia, Saransk (enm2112@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>).

NIKITA V. BALAKIREV – Analyst at the Career Development Center, National Research Ogarev Mordovia State University, Russia, Saransk (n.balackirev@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4893-3924>).

Формат цитирования: Мокшина Е.Н., Балакирев Н.В. К вопросу о предпосылках становления государственности Финляндии // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 102–111. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-102-111.

УДК 821.512.111-1+[316.485:159.923](=512.111)

ББК 63.5(2Рос.Чув)

В.Г. РОДИОНОВ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОБРАЗА ПОКРОВИТЕЛЯ»
И ЛОКАЛИЗАЦИЯ «ИСТОЧНИКА ЗЛА»
В ЛИЧНОСТНОМ СОЗНАНИИ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА НАЧАЛА XX ВЕКА**

Ключевые слова: внутриэтнический конфликт, пограничье наук, творческая установка, картина мира, К. Иванов (Кашкыр), Г. Тукай.

Актуальность данного исследования определяется тем, что проблемы функционального внутриэтнического конфликта и личностного сознания с позиции теории исторической этнологии на материале чувашского этноса до настоящего времени остаются неразработанными.

Целью данной работы является определение типа механизма действия внутриэтнического конфликта конкретного этноса (в данном случае чувашского) на основе поэтического творчества и поведения этнофоров с ярким личностным сознанием. Функциональные основы внутриэтнического конфликта чувашского этноса, по нашему мнению, могут обнаружиться лишь в историческом срезе.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили творческие и биографические факты конкретных чувашских поэтов в контексте наиболее значимых культурно-политических событий в жизни чувашского этноса начала XX в. Теоретические и методологические положения исторической этнологии были использованы из учебного пособия С.В. Лурье.

Результаты. Анализированный материал показывает, что для поэтов народов Поволжья с развитым личностным сознанием начало XX в. действительно стало этапом резкого подъема их национального самосознания и активного поиска путей дальнейшего развития своего народа. К. Иванов (Кашкыр) и другие литературные классики разрабатывали свои концепции духовно-нравственных взаимоотношений между творческой личностью и народом, человеком и обществом. Их волновали многие константные формулы и культурные коды родных этносов. Как люди с развитым личностным сознанием, они искали варианты функционирования этноса в новых условиях действительности. Функциональный конфликт чувашского этноса, который служил механизмом его развития, в начале XX в. имел более четкое очертание. В условиях широкого выбора общественно-политических моделей он стал действенным конфликтом, происходящим внутри самого этнического сообщества.

Выводы. Чуваши с личностным сознанием в начале XX в. стали располагать злом начало как вне своего этноса, так и внутри его. Соответственно, образы покровителей тоже изменились: в них на первое место вышли нравственные качества людей без выделения их национального происхождения. Чувашская учащаяся молодежь стала более нетерпимой к публичной и бытовой критике в их адрес как со стороны представителей иных этносов, так и некоторых своих соплеменников, предпочитающих традиционные ценности более престижных этносов.

Введение. Актуальность данного исследования заключается в том, что проблемы функционального внутриэтнического конфликта и личностного сознания с позиции теории исторической этнологии на материале чувашского этноса до настоящего времени остаются неразработанными. Многие исторические артефакты, выявляемые в пограничье литературоведения, не получили научного объяснения. В подобных случаях исследователи-филологи используют не вполне конкретно-содержательные термины и словообороты: «феномен», «пророк», «Божий дар» и т.п. Между тем эти явления и процессы, ярко проявившиеся в художественном творчестве отдельных исторических личностей, вполне научно объяснимы с точки зрения теоретических постулатов исторической этнологии, в том числе и в аспекте функционального внутриэтнического конфликта.

Целью исследования является определение типа механизма действия внутриэтнического конфликта конкретного этноса (в данном случае чувашского) на основе поэтического творчества и поведения этнофоров с ярким личностным сознанием, детерминированность их установок на создание в творчестве определённых образов «покровителя» и «зла», мотивацию локализации подобных воображаемых субъектов в пространстве полиэтнического мира.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили творческие и биографические факты конкретных чувашских поэтов в контексте наиболее значимых культурно-политических событий в жизни чувашского этноса начала XX в. [5]. Основные документы взяты из книги «История родного края» [4], а также из собрания сочинений К. Иванова (Кашкыр) [3], теоретические и методологические положения исторической этнологии (в частности, понятия о внутриэтническом распределении культуры, функциональном конфликте, личностном сознании этноса и другие) – из учебного пособия С.В. Лурье [6]. Люди с личностным сознанием, по утверждению С.В. Лурье, принимают этнический способ видения мира, чтобы народ принял те этические нормы и ценности, к которым они пришли, сообразуясь со своим внутренним опытом, но тем самым активизируют этнические константы. В каждом традиционном обществе они занимают свою «экологическую нишу» и свою особую функцию, сопоставимую с функцией советчиков [6. С. 416]. К ним мы относим безвестных авторов многих фольклорных текстов и национальных поэтов.

Результаты исследования. В вышеназванной книге известного этнолога термин «культура» понимается как функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению. Они также помогают этносу приспосабливать внешнюю реальность к своим нуждам и потребностям [6. С. 53]. В контексте вышеизложенного понимания этнической культуры появляется возможность объяснения ряда нововведений в творчестве национальных поэтов (в области поэтики, образов, концептов и т.д.) с особенностями внешних вызовов конкретной эпохи [1. С. 199–200]. Сегодня уверенно можно утверждать, что формированию различных типов хронотопа произведений способствуют как внеэтнические, так и внутриэтнические факторы. В начале XX в. народы Среднего Поволжья (прежде всего татары и чуваша) прошли этап формирования этнокультурной нации и приступили к образованию политической нации [5. С. 6–11]. Поэты этих этносов, как наиболее яркие выразители национальной идентичности, коллективно трудились над созданием новых (обновлённых) картин мира на базе этнических констант. В литературном творчестве они открыли художественную категорию национального своеобразия (т.е. концепт «коллективная национальная идентичность») [5. С. 16].

Этнические константы чувашского народа формировались в периоды смутного времени Улуса Джучи и сложения Казанского ханства (на основе противопоставления языческо-чувашской культуры мусульманско-кыпчакской). В картине чувашского мира того времени сложился образ «чужого» (зла, врага) в лице бесчинствующих ханских нукеров, забирающих молодых девушек и парней для продажи в рабство. Сохранились исторические песни и предания о противостоянии чувашей такому произволу.

После массовой христианизации народа чужими в чувашском мире оказались иноязычные церковнослужители, судьбы многих из них в годы Пугачёвского

бунта сложились трагически из-за различия ценностных установок их прихожан. Для чувашей-бунтовщиков Емельян Пугачёв был *сёрти патша* «земным царём», поставленным Богом (*Турă*) для управления с людьми, а священники – переодетыми в рясy теми же былыми татарскими нукерами. В фольклоре имеется много бытовых сказок о жадных попах и других церковнослужителях, тексты которых тоже были сочинены неизвестными чувашскими творцами-сказителями. Все эти фольклорные произведения создавались, скорее всего, талантливыми людьми, с личностным сознанием, знатоками традиционной культуры и в устной форме переходили от поколения к поколению.

В XIX в. основными врагами для чувашских общинников стали уже не миссионеры, а прежде всего чиновники местной власти. В картине мира этого времени власть Божьего помазанника (земного правителя) постепенно переходит к его местным прислужникам (их отождествляли с чиновниками губернского и уездного уровней). Носители злого начала находились, как доказывают произведения чувашского поэта и прозаика С. Михайлова (Яндуша), так же, как и в прошедшие эпохи (вне пределов своего этноса). Подобная локализация отражала реальное проживание чувашей-общинников главным образом в деревнях и сёлах волостей, а чиновников – в городах. Последние иноязычные и инокультурные поселения представлялись для них чужим пространством, т.е. местом обитания «злых духов». Соответственно, последовательно менялся и «образ покровителя» в чувашской картине мира. Главным защитником чувашского этноса был, как описывают эпические повествовательные тексты, *Улăп паттăр* «Богатырь Улып», а в эпохи Золотой Орды и Казанского ханства ему покровительствовали небесные божества и земные *Ырă* «священные духи». Во второй половине XIX в. таким реальным покровителем для чувашей являлся просветитель простого народа И. Яковлев.

В умах отдельных творческих личностей поволжских этносов идея духовно-нравственного воспитания народа с помощью родного языка и традиционной культуры актуализировалась примерно в 60-е гг. XIX в., когда крещёные татары и часть саратовских чувашей, отстаивая свои вероотступнические позиции, вынуждены были мигрировать в Турцию. На фоне подавления польского восстания в российской общественной жизни против подобного поведения так называемых «иноверцев» резко выступили сторонники консервативно-охранительных взглядов, которые увидели в ней политический сепаратизм. В дальнейшем данный ярлык был прикреплён к творческой и просветительской деятельности И. Яковлева. Просветитель народа в свои учебники включил в первую очередь поэтические и прозаические тексты устного народного творчества. На таком фоне завершился переход народов Поволжья второй половины XIX в. от старого этноконфессионального сознания к этнокультурной идентичности. В ходе такого исторического процесса им приходилось обновлять прежний вербальный дискурс, согласовывать его с картиной мира новой эпохи. В ряды творцов фольклорных произведений вошли в первую очередь поэты с развитым личностным сознанием.

Личностное сознание деятелей национальных культур народов Поволжья начала XX в. (в первую очередь татар) полностью опиралось на сохранившийся в их памяти исторический опыт своего этноса (они романтизировали времена функционирования Волжской Булгарии и Казанского ханства). Татарский общественно-политический деятель Ю. Акчура впервые в регионе выдвинул проект будущего государства татар на основе национального принципа, который практически стал реализовывать И. Гаспринский. Завоевание права возвращения крещёных татар в ислам (1905 г.), открытие национального театра,

резкий подъём периодики и другие достижения татарского этноса подтверждают мысль о том, что в годы первой революции татарская интеллигенция уверенно повела своих единоплеменников по пути становления татарской политической нации. Именно тогда появилось в печати социально-политическое стихотворение Габдуллы Тукая «Не уйдём!» («Китмибез!»). В нём дан окончательный ответ настоящего патриота отчизны черносотенцам, другим реакционерам и шовинистам из Государственной думы с их предложением татарам уехать в Турцию: «От рожденья до кончины за родной живя чертой, / Мы срослись навеки плотью с почвой родины святой! / Вольная страна Россия – наша цель, и до конца / Не уйдём, и не зовите, криводушные сердца!» (перевод С. Липкина). Поэт рифмует образующие концепты понятия «свободная Россия» (*хәр Русия*) и «черные души» (*русияһ*), что усиливает их несовместимость и глубокую противоречивость. Последний концепт относится к внешним враждебным силам (государственной высшей власти) и выполняет консолидирующую функцию татарского этноса.

Татарская поэзия начала XX в. насыщалась совершенно новыми или семантически обновленными концептами, которые образовались такими основными лексемами, как *милләт* «нация», *милли* «национальный» и *моң* «мелизм в музыке; печаль; вдумчивость» (*милли тел, милли көйләр, милли агачы, милләт җаны, моң күңеле, моңлы җырлар, моңлы думбырам, моңлы тан, моңлы шигырьләр* и др.) [7]. Все они выполняли функцию консолидации политической нации татар начала XX в. Концепт *милләт* по шкале этнической идентичности находился выше концепта *халык* («народ», «население»). Именно эта особенность, по мнению Л.Р. Газизовой, нашла отражение в стихотворении Г. Тукая «*Милләтә*» («К нации»). В этом стихотворении «лирический герой обращается к нации с просьбой принять, включить и его, при этом само слово вызывает у него трепет» [2. С. 122]:

Күңелем «милли» дигән сүзне сөя – белгим, нидән?

Милләтем, мине «милли» ит – миңа шатлык бүләк ит.

До В. Думаевой-Валиевой переводчики переводили *милләт* как «народ». Вышеназванная переводчица представила оригинал в такой форме: «Слово “нация” ласкает мою душу. Не пойму / Быть хочу национальным я поэтом почему» [2. С. 123]. Как отмечает Л.Р. Газизова, в татарском языке слово *милли* «употребляется довольно часто как в разговорной речи, так и в литературе» [2. С. 122]. Известно, что современники воспринимали как национального поэта татарского этноса прежде всего Г. Тукая. По предположению Л.Р. Газизовой, для В. Думаевой-Валиевой было важно не только создание художественного перевода, но и выражение идеи любви к нации, потребности быть её частью. Для современной татарской литературы, существующей в условиях глобализации, характерно отражение идеи о потере национальной идентичности. Более поздний перевод стихотворения «*Милләтә*», принадлежащий В. Думаевой-Валиевой, стал одним из способов выражения данной мысли [2. С. 122].

Итак, Г. Тукай актуализировал национально-политические проблемы, вокруг которых постоянно велись жаркие дискуссии на разных площадках, уровнях этнического бытия и власти. Внутриэтнический конфликт татарского этноса в начале XX в. воплощался, скорее всего, в образе зла вне своего этнического сообщества, но, в отличие от чувашского, он ориентирован не на местную, а на самую высшую власть государства.

Историческая память чувашского народа достигала тех же глубин, что и татарская. Хорошо сохранились предания о падении Волжской Булгарии и Казанского ханства. Многие схожие факты наслаивались друг на друга: перечисление

событий было не в хронологическом порядке, при этом содержание преданий оставалось неизменным. Например, в предании о споре царей трёх народов (чувашей, татар и русских) первоначально присутствовали цари первых двух этносов, третий народ и его царь был назван уже после падения Казанского ханства. Кстати, на основе данного устного предания К. Иванов (Кашкыр) намеревался сочинить стихотворное произведение «*Ватӑ вӑрман*» (Дремучий лес). В его «Записной тетради за 1907 г.» сохранилась пара строф с заголовком «*Ватӑ вӑрман шухӑшӗ*» (Думы дремучего леса) и подзаголовком «Отрывок из легенды про чувашского царя» [3. С. 30, 366].

Чувашские общественно-политические лидеры, одновременно являясь писателями и публицистами, в те годы следовали за русскими социалистами-революционерами, радикальность некоторых из них обесценила их политическую борьбу во благо простого народа. Лишь после февральской революции 1917 г. они смогли, во-первых, организовать разветвлённую сеть национального политического объединения; во-вторых, привлекая творческую интеллигенцию остальных православных этносов региона, смогли сплотить «Союз мелких народностей Поволжья».

В самом начале XX в. поэты и прозаики Поволжья открыли для себя идентификационное значение родного языка и наличие опасности его исчезновения. В творчестве чувашского поэта Якку Турхана тема родного языка и его значения в жизни народа впервые встречается в стихотворении «*Каҫхи чан ҫапни*» («Вечерний звон», 1901). Лирический субъект переживает за сохранение в будущем чувашского языка, национальной песни и традиционной культуры. Поэт выдвигает следующий судьбоносный для народа вопрос: «Если чувашский язык исчезнет, / То какая польза будет чувашу? / Чувашская песня если исчезнет, / Что тогда останется ему петь? / Если обрусее чуваш, / Соседи же скажут: / «Был бы чуваш умным, // Он бы [никогда] не русел». (/ Наш сосед только радовался бы, / Этим своё сердце успокоил бы»). Далее мысль лирического героя конкретизируется: если чуваш забудет свою песню, то в чём он найдет утешение? Песня, исполняемая чувашом, выражает его ум и душу, наводит на воспоминания о минувшем и заставляет его горестно рыдать [5. С. 20].

Данное стихотворение отражает настроения чувашской интеллигенции этноцентристского направления, к которому принадлежали Н. Никольский и целая плеяда его единомышленников. Борьба за родной язык и народную культуру привела их к противодействию политике просветителей-обрусителей XIX в. (Н. Ильминского, частично И. Яковлева), хотя они против названных деятелей публично никогда не выступали, как не выступали и против чувашей левого крыла (кроме оценок в личных письмах). Общим врагом для всей чувашской творческой интеллигенции начала века были чиновники разного уровня властей, в том числе и чувашского происхождения. Идея сохранения родного народа, развития его многофункционального языка и культуры стала для чувашской интеллигенции того периода общенациональной. Своеобразными этнокультурными кодами стали концепты *тӑван чӗлхе* («родной язык»), *юрӑ* («песня»), *анне* («мать»), *халӑх* («народ») и другие идентифицирующие объекты и сферы традиционной культуры. В отличие от татарской поэзии, чувашские стихотворения и поэмы поднимали прежде всего этнокультурную, а не общественно-политическую проблематику. По этой причине в чувашском литературном языке для выражения понятия «нация» долго использовали термин *халӑх*. Чувашский концепт «песня» в своей семантике сохранил более традиционные

(семейно-родовые) мотивы, чем татарская обновленная песня с мелизмом в напеве (*моңлы жырлар*). В этом выражалось их своеобразие, ставшее в те годы одним из главных идентифицирующих признаков этносов региона.

В чувашской поэзии тех лет усилилась критика людей, заботящихся только о себе, а не о народе и нации (консервативных мулл и мелких торговцев, священников-русификаторов, отрицателей родной культуры и языка, разрушителей народных святынь). Классики поэзии создавали образы певца нации или народа, призывали единоплеменников к примирению и духовному единению. В годы первой революции часть чувашских поэтов стала активнее развивать мотивы свободы и социальной борьбы, прославлять народ и защищать его интересы. Другая, более малая часть отстранилась от перечисленных проблем, отрицала традиционную культуру, заменяя её литературой христианско-монархического содержания. В данный период произошло ускоренное смещение основных концептов, мотивов и тем в стихотворных произведениях в сторону социального и национального содержания. При этом татарская поэзия в лице Г. Тукая активно разрабатывала общенациональную проблематику, чувашская же поэзия оказалась подверженной общероссийским социально-политическим настроениям в ущерб общенациональному движению. Всё это сказалось на динамике и специфике развития художественного сознания последующих периодов. Главными этническими концептами и мотивами в поэзии становятся родной язык (как основа новой культуры, печати), поэт (как лидер, певец и защитник нации), образы народов-соперников и др. Новые переводы радикально-левых поэтов способствовали созданию революционных образов и символов, а также частичному утверждению чувашской силлаботоники. Переводы умеренно-левых поэтов осуществлялись главным образом на основе традиционной (силлабической) метрики. Синкретическое мышление национальных творцов значительно сократило время их становления, оно усиленно направляло поэтов по пути национального своеобразия и творческой уникальности, а также высокого художественного мастерства.

В 1905–1906 гг. чувашская общественная жизнь была богата двумя значительными событиями: изданием первой чувашской газеты «*Хыпар*» («Вести») и созданием общественно-политической организации «Союз чувашских учителей» (в дальнейшем – «Союз») [4. С. 343–344]. Основная часть чувашских поэтов и прозаиков поддерживала программу газеты Никольского, нацеленную на общенациональную культурно-просветительную деятельность. Газета «*Хыпар*» публиковала авторов всех общественно-политических и местнических течений и группировок, тем самым объединяла этнос и двигала его в направлении этнополитического сообщества. Для них был один общий враг – это чиновники всех мастей и рангов, угнетатели «черного люда». Большинство членов «Союза», в том числе и новый редактор газеты «*Хыпар*» С. Игнатьев, резко выступали против политических устоев в России (с позиции эсеров) и критиковали чувашских священников как услужников власти и церкви. Борьба «на два фронта» оказалась для них непосильным трудом: газета закрылась из-за финансовых затруднений и ареста сотрудников редакции. Но накопленный опыт и практика национально-политической самоорганизации чувашской революционной интеллигенции 1905–1907 гг. были успешно применены в 1917–1918 гг., что придало чувашскому национально-освободительному движению невиданную до того времени динамику и весьма высокую сплочённость и организованность. Создание Н. Никольским в 1917 г. «Общества мелких народностей Поволжья»

и развитая разветвленная сеть филиалов «Чувашского национального общества», участие в выборах в Учредительное собрание отдельным списком способствовали чувашскому национальному движению стать в регионе третьей (наряду с русскими и татарами) силой. Свои политические действия чувашские общественные деятели второго десятилетия XX в. хотели объединить именно с православными малыми народами Урало-Поволжья. На этой общественно-политической волне развернулось творчество классика Михаила Сеспеля, воспевающего чувашскую нацию и его освобожденный от насилия язык. Все главные концепты его творчества концентрированы вокруг словосочетания *чăваш чĕлхи* («язык чувашский»).

Далее следует более подробно описать одно событие, произошедшее в Симбирской чувашской учительской школе (СЧУШ) исключительно по причинам назревшего в сознании молодых чувашей начала века внутриэтнического конфликта. К 1907 г. в окружении СЧУШ и поэтов-журналистов выделились два основных течения: общенационально-центристское и радикально-левое. В составе первого находились и умеренно левые поэты, которые никогда не забывали о насущных проблемах родной нации. Вторые мыслили категориями социально-классовых учений и не признавали общенациональных интересов. Данная особенность наглядно отразилась и при переводе «Крестьянской марсельезы» на чувашский язык, который Тимкки Тайыр значительно изменил (усилил и конкретизировал его в духе программы эсеров): «За землю, свободу, за насущный хлеб / Пойдем все сражаться с врагом. / За то, что издеваются над нами, / Соберёмся с ними воевать» [5. С. 36]. Здесь обнаруживаются чисто классовый подход переводчика и его радикально-левые взгляды.

«Крестьянскую марсельезу» переводил и ученик I класса СЧУШ К. Иванов (Кашкыр), когда их класс готовился выступить с протестом против преподавателя-словесника Д. Кочурова. Приведём перевод припева песни: *Вăранăр, тапранăр, чăваш ăçиннисем! / Тапран эс вăрăма, выçă халăх! / Халăх хăй ăçиллине кăтăртăр! / Малалла, малалла, малалла!* «Вставай, поднимайся, чувашский народ! / Начиная воевать, люд голодный! / Народ пусть обиду свою превратит в ярость! / Вперёд, вперёд, вперёд!» [3. С. 28].

В переводе К. Иванова (Кашкыра) социально-классовый призыв заменён национально-этническим. Исследователи полагают, что перевод был сделан не ранее 10 и не позднее 25 октября 1906 г. Именно в те осенние дни (но не раньше 8 ноября 1906 г.) поэт смастерил печать-клише с зашифрованным текстом. Там были написаны имя и фамилия преподавателя с чувашским акцентом «Т[митрий] ГОЧУУРОВ» (вместо «Дмитрий Кочуров» с ударением на последний слог фамилии). Весьма оригинально начало печатания закодированной фамилии учителя-шовиниста: на правой стороне страницы 78/74 боком тушью написано «Почётный отзыв!!!», а ниже поставлено пять оттисков клише. При этом каждый оттиск сопровождается словом «Интеллигенция». Очевидно, поэт этим подчёркивал неинтеллигентное поведение учителя (о нём поэт Н. Шубоссинни писал, что он – «грубиян», «оса» и «великий шпион»), конкретнее – его грубость, ехидное насмехательство над акцентом воспитанников чувашского происхождения. Ненависть воспитанников СЧУШ к Кочурову вылилась в недовольство начальством школы, последнее (по сообщению Ф. Павлова, прежде всего супруга инспектора) использовало вышеназванного учителя в качестве «великого шпиона». В той же записной тетради на странице 48/44 в её перевёрнутом расположении нарисована голова бородатого старика, среди прядей бороды явно

проглядываются две буквы: «Як». Это, несомненно, очередная карикатура, скорее всего, на самого инспектора школы. Всё это сотворено поэтом на уровне коллективного бессознательного чувашского этноса того периода.

Следующим событием, оказавшим влияние на творчество К. Иванова (Кашкыра) и его товарищей, является его активное участие в подаче петиции учащимися I класса инспектору СЧУШ. 10 января 1907 г. воспитанники-чуваши данного класса потребовали от инспектора увольнения учителя русского языка и заведующего столярной мастерской Д. Кочурова по причине «презренного отношения к чувашам» и «неаккуратного отношения к урокам» [З. С. 322–323]. 3(16) марта 1907 г. поэт принимает активное участие в волнениях: ученики СЧУШ отказались от занятий, пели революционные песни, а некоторые из них (по сообщению инспектора СЧУШ попечителю Казанского учебного округа) пытались вывесить на здание школы красный флаг [З. С. 322–323]. Через два дня они подали вторую петицию с объявлением бойкота учителю-шовинисту, под ней подписались воспитанники и русского происхождения [З. С. 325]. 8 марта 1907 г. весь первый класс отчисляется из СЧУШ, все ученики-забастовщики, в том числе и русского происхождения, разъезжаются по своим родительским домам, среди них и будущий автор бессмертной поэмы «Нарспи» [З. С. 326].

Так завершился кратковременный национально-политический порыв воспитанников СЧУШ. Не случайно он совпал с периодом издания газеты Союза чувашских учителей и активного действия чувашских социалистов-революционеров. В защиту учеников СЧУШ выступили студенты из Казанской учительской семинарии и Симбирской духовной семинарии. Личностные качества К. Иванова (Кашкыра) и его однокашников сформировались именно в пору подъёма и резкого слома чувашского национального и общественно-политического движения и в дальнейшем определяли их творческое кредо и художественные установки. С точки зрения исторической этнологии данные процессы проходили одновременно с усилением в народе состояния смуты, а также трансформации в картине мира образов «покровителя» и «врага». Крестьяне по-прежнему обожествляли И. Яковлева и его школу, главное зло отождествляли с иноязычным начальством разного ранга. Творческие же люди с развитым личностным сознанием, наоборот, источник главного зла размещали внутри самого этноса. В начале XX в. СЧУШ перестал уже быть единственным центром притяжения чувашской творческой молодёжи, некоторые революционно настроенные политические деятели и писатели (И. Юркин, М. Юман и др.) видели в деятельности чувашского просветителя усиление миссионерских и русификаторских устремлений.

Чувашские поэты болезненно восприняли вызовы действительности второго десятилетия XX в., их лирические герои угнетены средой и томятся, стремясь то в родной край и к любимой девушке, то мечтают идти по пути к национальному объединению, развитию искусств и наук. Эндри Турхан, младший брат поэт Якова Турхана, развивал мотив родного дома, концепты «чувашский народ» и «родной язык»: «Живя в чужбине, в доме чужом / Вспоминаю родной народ, плачу. / Плающим сердцем в городе чужом / Чувашский народ любя, добра желаю» («Ютри пурăнăç» – Жизнь в чужбине, 1913). В эти годы чувашская поэзия обрела свое новое дыхание, развиваясь во всех разновидностях лирики и лироэпики. При этом она интенсивно разрабатывала этнически значимые концепты, составляющие константную основу этнокультурной нации. Воспитанники Казанской учительской семинарии в поэзии всегда стояли ближе к поэтам-переводчикам СЧУШ и деятелям Симбирского созвездия. Универсализмом

отличался Э. Турхан: хорошо рисовал, играл на скрипке, владел многими языками, сочинял стихотворения, имел артистические данные. В стихотворении «Юлашки юррăм» (Лебединая песня, 1915) поэт поднимал тему родного народа: «Родной мой народ! Настал час – умираю! / Расстаюсь я с родиной навсегда: / Последний раз, любя, благословляю. / Перед смертью в устах одно имя – чуваш!». Стихотворение звучит как реквием, а в конце лирический герой выражает своё сокровенное желание: «Любящих тебя людей не забудь: / В чужбине, как я, умирать не давай. / Песни мои ты с любовью читай, / Умираю, народ мой, ты навеки живи!». Э. Турхан весьма часто прибегал к концепту «чужбина» («чужой край»), который в единстве с концептом «родной народ» синтезировал новый образ патриота своего народа, скучающего по малой родине («Ачам тăпри сінче» – На могиле ребенка, 1915; «Ют сёрте» – На чужбине, 1915; «Аттемпе аннене» – Отцу и матери, 1916; «Шухăшăма» – Думе моей, 1917). В последнем стихотворении Э. Турхан вспоминает своих предков, терпевших от разных народов бесконечные унижения и гонения. К этому времени он написал и опубликовал в газете «Хыпар» исторический очерк «Чăваш историйĕ» (История чувашского народа, 1915–1917), в котором осветил деяния гуннов и их вождя Аттилы, историю волжских булгар и Казанского ханства. Он создал новую историю будущей чувашской политической нации [5. С. 111].

Антиправославной крайностью поэт И. Тыхти сопоставим с деятельностью тюрлеминца Г. Коренькова и его единомышленников. А Э. Турхан ратовал за создание христианской коммуны без епископов и других высших церковных должностей. По его мнению, последние всегда выступали против национального движения нерусских народов. Духовная энергия поэта направлена не на конфессиональное и социальное разделение народа, а на национальное объединение во имя свободного развития культуры и языков. С данной центростремительной позиции выступал и Г. Комиссаров (Вандер). Таким образом, внутри Уфимского созвездия обнаружили две тенденции: И. Тыхти и некоторые другие деятели возвышали народную культуру, противопоставляя ей культуру христианско-миссионерскую. Г. Комиссаров (Вандер) и Э. Турхан считали, что в основе новой культуры чувашей достойное место должны занимать как фольклорно-народное, так и христианско-европейское начала. Последнее должно способствовать интенсивному развитию чувашской политической нации со своей богатой историей и уникальной культурой. В поэзии Э. Турхана это отразилось и на уровне поэтики и стихосложения: поэт активно внедрял в чувашский стих русско-европейскую силлаботонику, переводил революционные гимны, произведения западно-европейских писателей. Его усердными учениками в дальнейшем стали А. Милли и М. Сеспель, основные фигуры чувашской поэзии и культуры пореволюционного времени [5. С. 112].

Выводы. Новое прочтение ранее анализированного литературоведческого материала, а также теоретически-этнологический аспект его интерпретации позволяет нам представить следующее заключение:

1. Для чувашского общинника-традиционалиста в начале XX в., как и раньше, был один общий враг – чиновники всех уровней и мастей, угнетатели «черного люда». Это злое начало он располагал, как правило, вне своего этноса. Локализация доброго начала пока оставалась такой же, как во времена Пугачёва, но появились и общенациональные покровители (И. Яковлев, Н. Никольский и др.), которые, по реальному убеждению чувашских крестьян, защищали крестьян-общинников.

2. Чуваш с личностным сознанием в начале XX в. стал располагать злом начало как вне своего этноса, так и внутри его. Соответственно, образы покровителей тоже изменились: в них первое место заняли нравственные качества людей без выделения их национального происхождения. Чувашская учащаяся молодежь стала более нетерпимой к публичной и бытовой критике в их адрес как со стороны представителей иных этносов, так и некоторых своих соплеменников, предпочитающих традиционные ценности более престижных этносов.

3. В ходе вышеназванных адаптаций и трансформаций сложилась новая общественная институция этноса, а её модификация происходит, как утверждают этнологи, в процессе функционального внутриэтнического конфликта и спонтанного самоструктурирования [6. С. 341]. Огромную роль в формировании новой картины мира чувашского этноса начала XX в. сыграли «забастовщики» (И. Яковлев) СЧУШ, которые в своих поэтических произведениях смогли выразить основные смыслы этнической культуры.

Литература

1. Аминеева В.Р. Сопоставительное изучение русской и татарской литератур. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. 264 с.
2. Газизова Л.Р. Лирика Габдуллы Тукая в переводах на русский язык: история и поэтика. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 186 с.
3. Иванов К.В. Сырнисен пуххи = Сочинения / сост. А.В. Васильев, Н.Ф. Данилов, Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1990. 447 с. (На чув. и рус. яз.).
4. История родного края. Хрестоматия. Часть I (X–XX века). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 416 с.
5. История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900–1855 годы). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.
6. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
7. Татар шигърияте: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2004. 447 б.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Vitaliy G. RODIONOV

TRANSFORMATION OF THE "PATRON IMAGE" AND LOCALIZATION OF THE "SOURCE OF EVIL" IN THE PERSONAL CONSCIOUSNESS OF THE CHUVASH ETHNIC GROUP OF THE EARLY XX CENTURY

Key words: *intraethnic conflict, frontier of sciences, creative attitude, worldview, K. Ivanov (Kashkyr), G. Tuckay.*

The relevance of this study is determined by the fact that the problems of functional intraethnic conflict and personal consciousness from the standpoint of the theory of historical ethnology on the material of the Chuvash ethnos have remained undeveloped to date.

The purpose of this work is to determine the type of mechanism of action of the intraethnic conflict of a particular ethnic group (in this case, the Chuvash) based on the poetic creativity and behavior of ethnophores with a vivid personal consciousness. In our opinion, the functional foundations for the intraethnic conflict of the Chuvash ethnic group can be found only in a historical context.

Materials and methods. *The materials for the study were the creative and biographical facts of specific Chuvash poets in the context of the most significant cultural and political events in the life of the Chuvash ethnic group of the early XX century. The theoretical and methodological provisions of historical ethnology from S.V. Lurie's textbook were used.*

Results. *The analyzed material shows that for the poets of the peoples of the Volga region with a developed personal consciousness, the beginning of the XX century really became a stage of a sharp rise in their national consciousness and an active search for ways to further*

develop their people. K. Ivanov (Kashkyr) and other literary classic authors developed their concepts of the spiritual and moral relationship between a creative personality and the people, the man and the society. They were concerned about many constant formulas and cultural codes of their native ethnic groups. As people with a developed personal consciousness, they were looking for ways for the ethnic group to function in the new conditions of reality. The functional conflict of the Chuvash ethnic group, which served as a mechanism for its development, had a clearer outline at the beginning of the XX century. In the context of a wide range of socio-political models, it became an effective conflict taking place within the ethnic community itself.

Conclusions. The Chuvash people with personal consciousness in the early XX century began to place the evil inclination both outside their ethnic group and inside it. Accordingly, the images of patrons also changed: the moral qualities of people came to the fore in them, without highlighting their national origin. The Chuvash students became more intolerant of public and everyday criticism of them, both from representatives of other ethnic groups and from some of their fellow tribesmen who preferred traditional values of more prestigious ethnic groups.

References

1. Amineva V.R. *Sopostavitel'noe izuchenie russkoi i tatarskoi literatur* [Comparative study of Russian and Tatar literatures]. Kazan, Shkola Publ., 2017, 264 p.
2. Gazizova L.R. *Lirika Gabdully Tukaya v perevodakh na russkii yazyk: istoriya i poetika. Diss. ... kand. filol. Nauk* [Lyrics of Gabdulla Tukay in translations into Russian: history and poetics. Cand. Diss.]. Kazan, 2022, 186 p.
3. Ivanov K.V. *Cyrnisen pukkhki / Sochineniya* [Essays]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1990, 447 p.
4. *Istoriya rodnogo kraya. Khrestomatiya. Chast' I (X–XX veka)* [History of the native land. Reader. Part I (X–XX centuries)]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1993, 416 p.
5. *Istoriya chuvashskoi literatury XX veka. Chast' 1 (1900–1855 gody)* [History of Chuvash literature of the 20th century. Part 1 (1900–1855)]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2015, 431 p.
6. Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow, 2004, 624 p.
7. *Tatar shigariyate: XX gasyr bashy* [Tatar poetry: the beginning of the 20th century]. Kazan, Magarif Publ., 2004, 447 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Трансформация «образа покровителя» и локализация «источника зла» в личностном сознании чувашского этноса начала XX века // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 112–122. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-112-122.

УДК 811.111'367/37
ББК 123.34

А.Н. РУХЛИН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (социологический анализ корреспондентских сведений)

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотизм, общественное мнение, Симбирская губерния, крестьяне, средства массовой информации.

Вступление России в Первую мировую войну вызвало подъем патриотизма в стране. Однако правительство с самого начала конфликта следило за настроением подданных, в том числе за сельскими жителями. Крестьяне были самым многочисленным классом в Российской империи, именно они составляли основу армии и поставляли хлеб фронту. В связи с этим отслеживание общественных настроений стало важнейшей задачей государства. Царское правительство отправляло в деревни корреспондентов, которые опрашивали жителей уездов и составляли подробные отчеты об их отношении к войне, власти и т.д. Настроения крестьян Симбирской губернии отражали общий патриотический порыв 1914 г.

Цель исследования – изучение общественных настроений крестьян Симбирской губернии в начальный период Первой мировой войны по отчетам корреспондентов.

Материалы и методы. В статье использовались архивные материалы записи корреспондентов, работавших с сельским населением. Корреспондентами были местные государственные служащие и священники (И. Березин, И. Хохлов, В. Аношин и т.д.). При проведении исследования были использованы исторический и общенаучные методы, а также социологический метод контент-анализа корреспондентских сведений о настроениях сельского населения в уездах и волостях Симбирской губернии в первый год войны.

Результаты исследования. На рубеже XIX–XX вв. в Симбирской губернии в крестьянском хозяйстве были распространены такие отрасли, как земледелие, животноводство и разнообразные кустарные промыслы. В губернии была низкая грамотность, на население заметное влияние оказывало православное духовенство. Из отчетов корреспондентов следует, что крестьяне придерживались патриотических, традиционных взглядов. Несмотря на невзгоды, уезды губернии сохраняли спокойствие и оказывали всяческую поддержку правительству. Недовольство высказывалось лишь по причине нападения Германии. Тяжелое, а зачастую бедственное положение крестьян не формировало пороченческие настроения. Корреспонденты зафиксировали активную поддержку семей и детей-сирот местными жителями, это вызывало у крестьян чувство причастности к Великой войне. В корреспондентских отчетах отмечалась заметная роль периодической печати в формировании общественных настроений.

Выводы. Сельское население Симбирской губернии относилось к власти и начавшейся войне лояльно, это обуславливалось рядом факторов: влиянием проправительственных средств массовой информации, слухами и мнением интеллигенции. Поддержание патриотических настроений в Симбирской губернии, которая была тыловой, было приоритетным направлением правительства. Данные материалы наглядно иллюстрируют высокую степень политизированности сельского населения Симбирской губернии в 1914 г.

Введение. Первая мировая война оказала огромное влияние на все стороны жизни государства и общества Российской империи, и особенно на экономику, политическую структуру, социальную психологию масс. Прежде чем коснуться восприятия войны широкими слоями населения, следует показать отношение к ней отдельных наиболее массовых представителей, в частности крестьянства, в начальный период Первой мировой войны. В начале XX в. именно крестьяне составляли подавляющее большинство населения Российской империи, и из них же в основном состояла русская армия. В связи с этим сбор сведений о настроениях крестьян стал важнейшей задачей царского правительства.

Военный конфликт, начавшийся в 1914 г., стал конфликтом абсолютно нового типа. Вполне естественно, что он повлиял на всех его участников. Наряду с необходимостью полной мобилизации экономики на нужды войны требовалось по возможности полное единение наций вокруг своих правительств. Правительства, в свою очередь, дабы эффективнее использовать эмоциональный патриотический подъем своих народов, должны были обеспечить не менее эффективную идеологическую подпитку этому порыву. Посредством периодической печати правительство пыталось воздействовать на общественное мнение крестьян.

В России во время Первой мировой войны уделялось должное внимание общественным настроениям. В 1914–1916 гг. царское правительство отправляло в деревни корреспондентов, которые проводили соответствующие опросы. Местным жителям задавались вопросы: «В чем и как проявляется местным населением помощь жертвам войны?», «Как сильно интересуется население ходом войны?». Важными вопросами были: «Откуда получает сведения о войне?» или «Выписываются ли крестьянами газеты и какие?». Социологические сведения о патриотических или антипатриотических настроениях доставляли в губернскую канцелярию, где проводился анализ общественного мнения региона, дальше информация шла в столицу.

Целью исследования является изучение общественных настроений крестьян Симбирской губернии по материалам корреспонденций в начальный период Первой мировой войны.

Материалы и методы. Источниковой базой послужили отчеты корреспондентов, хранящиеся в Государственном архиве Ульяновской области (№ 22–29. 1914 г. Корреспондентские сведения о помощи жертвам войны со стороны крестьян и о настроении крестьянского населения в связи с войной по Симбирской губернии).

В исследовании применялись исторический и общенаучные методы, а также социологический метод контент-анализа корреспондентских сведений [6] о настроениях сельского населения в уездах и волостях Симбирской губернии в первый год Первой мировой войны.

Результаты исследования

Симбирская губерния в начале XX в. Симбирская губерния – административно-территориальная единица на юго-востоке Европейской части Российской империи, по данным переписи 1897 г., насчитывала 1 527 848 человек, из которых абсолютное большинство (почти 68%) составляло русское население. Основным этническим группам принадлежало мордовское население (12,37%), а также чуваша – 10,46% и татары – 8,77%. 94% населения губернии относилось к крестьянскому сословию [1. С. 148].

Симбирская губерния по своему географическому положению, а также по строению и составу почвы принадлежала к группе аграрных губерний России. Основой и крестьянского хозяйства, и в целом экономики губернии было земледелие.

Крестьяне одних и тех же категорий получали неодинаковые наделы в разных уездах. Среднее количество земли на один двор колебалось для бывших удельных крестьян от 5,1 дес. в Курмышском до 10,5 дес. в Сенгилеевском уездах, для бывших государственных от 3 дес. в Алатырском до 12,5 дес. в Сенгилеевском, и для бывших владельческих крестьян от 4,2 дес. в Алатырском до 7,4 дес. в Симбирском уездах [1. С. 149].

В крестьянских хозяйствах занимались животноводством – разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз и свиней. Значительное место в хозяйственной деятельности крестьян Симбирской губернии занимали кустарные промыслы. Кроме малоземелья, развитие кустарных промыслов в губернии

было обусловлено небольшими урожаями хлебов, низкими ценами на хлеб в урожайные годы, избытком работоспособного населения в хозяйствах несущих и хозяйствах с минимальным количеством пахотной земли. Играли роль также большая доходность промыслов по сравнению с земледелием, устойчивый спрос на определенный товар, доступность необходимого сырья, налаженный сбыт, а также развитая инфраструктура [1. С. 43].

Симбирская губерния на рубеже XIX–XX вв. по уровню грамотности в сравнении с другими поволжскими губерниями стояла на последнем месте. Расходы, выделяемые на народное образование, были минимальными, губерния также стояла на последнем месте среди губерний Среднего Поволжья. Женщины были самыми неграмотными [5. С. 225].

Грамотность населения Симбирской и Самарской губерний (1910–1913 гг.)

Губернии	Грамотные, полуграмотные и учащиеся, % к численности населения		
	мужчины	женщины	всего
Симбирская	27,6	3,8	15,6
Самарская	31,1	8,1	19,5

Примечание. Таблица составлена по сводным материалам, опубликованным З.М. и Н.А. Свамицкими в сборнике «Земские подворные переписи 1880–1913 гг.» [7].

Православная церковь имела сильные позиции в регионе. В каждом уезде было по несколько приходов. В Сызрани была действующая старообрядческая церковь. Влияние духовенства на крестьян губернии осуществлялось через церковные мероприятия и церковную печать. В губернии находился 671 православный приход [2].

Итак, на рубеже XIX–XX вв. в Симбирской губернии хозяйство крестьянского населения основывалось на таких отраслях, как земледелие, животноводство и разнообразные кустарные промыслы. Крестьяне обеспечивали себя предметами первой необходимости и имели возможность получать как основной, так и дополнительный заработок. В губернии были низкая грамотность и заметное влияние православного духовенства.

Общественное мнение крестьян о войне. В период Первой мировой войны сведения об общественных настроениях передавали специальные корреспонденты, ездившие по уездам и волостям [4. С. 39]. Патриотическими чувствами было охвачено все российское общество, в том числе и симбирское. Война началась с успехов русской армии в 1914 г. (Гунбиненское, Галицийское, Сарыкамышское сражения).

Опросы крестьян Алатырского уезда Кувакинской волости показали, что ситуация на фронте «их сильно интересует». Крестьяне жаловались на трудности, возникшие с начавшейся «скверной и неслыханной войной», в некоторых домах, кроме малых детей, «не осталось ни одного мужчины в семье», а семьи большею частью бедные [3. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.]. Несмотря на это, жители считали, что воевать с напавшим на Родину врагом необходимо. К событиям фронта большой интерес проявляли крестьяне Чеберчинской волости Алатырского уезда, «новости о войне сильно захватывают местное население» — писал корреспондент Иван Хохлов [3. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.]. О проблемах на селе не говорят, каждый день сельчане толпятся у здания волостного правления и почты, «дожидаясь с нетерпением вестей о войне» [3. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.]. Настроения по уезду разнились, но в целом они были умеренно-патриотическими и терпимыми, население уже в начале войны столкнулось с реальными проблемами бедности и уходом мужчин на фронт.

Жители Карсунского уезда Королевской и Беклемишевской волостей жаловались корреспонденту Василию Аношину на «плохую жизнь», а с войной социально-экономическое состояние волостей стало еще хуже. Аношин отмечал – «наполовину селение совсем бедное, кроме того, чуть не из каждого дома работников угнали на войну» [З. Д. 7. Л. 2–2об., 19–19об.]. По этой причине войной жители Королевской волости интересовались очень сильно, «даже подростки и дети», все надеялись на быстрое ее завершение. При «удаче наших» очень веселятся, а при частичном поражении русской армии «падают духом и отчаиваются», Аношин отмечал, что местные крестьяне ратуют за «счастливый исход войны» [З. Д. 7. Л. 2–2 об., 19–19об.]. Война изменила жизнь крестьян, падало их благосостояние, несмотря на это, возмущений не было.

Крестьяне Симбирского уезда волостей Подкуровская и Нагаткинская также интересовались фронтом. Материалы корреспондента подтверждают патриотические возгласы и настроения в уезде. Жители не жаловались на бедность и невзгоды, а уход мужчин на фронт воспринимали спокойно, «так надо». Крестьяне восторгались августовскими победами русской армии. В деревенских разговорах везде были лишь о войне, потому что мобилизация коснулась каждого крестьянского хозяйства. Если известия приходили о победе России, то весь народ был радостен, «где слушаешь – только и говорю, что наши взяли в плен людьми и орудиями и обозы», а в случае неблагоприятных событий для русской армии «народ в унынии и нерадостные вести рассказывает» [З. Д. 7. Л. 2–2об., 19–19об.].

В Сызранском уезде корреспондентами были православные священники (А.Н. Боголюбов, В.С. Кузнецов). В Репьевской и Самайкинской волостях также была большая заинтересованность крестьян фронтом. Заметно влияние сельского православного клира, подпитывавшего идеологически и поддерживавшего население. Критика власти отсутствовала, жалобы на различные социально-экономические проблемы корреспондентами не были озвучены. Жители патриотически отнеслись к начавшейся войне. Постоянно ждали писем, обсуждали военные события на сходках и в сельских храмах после литургии [З. Д. 10. Л. 5–5об., 8–8об.].

В целом, можно отметить, что мнение крестьян в связи с начавшейся войной 1914 г. исходило из оборонческо-патриотических, традиционных взглядов – «Германия, враг, напавший на родную землю». Слухи о немецком порабощении русского народа, родной земли порождали страх из-за возможного поражения России в войне. Поэтому, несмотря на невзгоды и возмущения, уезды Симбирской губернии сохраняли спокойствие и оказывали всяческую поддержку царскому правительству. Недовольство, хоть и высказывалось, но лишь по причине нападения Германии, с ней связывали ухудшение жизни и гибель родственников.

Социально-экономическое состояние по крестьянским опросам уездов Симбирской губернии. Корреспонденты отмечали тяжелое положение крестьян. Жители Карсунского уезда жаловались на то, что многие не могут жертвовать, а в село должны «пригнать немчуру» и нужно еще поддерживать семьи, оставшиеся без кормильцев. Королевская волость находилась в бедственном положении, «перебиваются с куса на кусок», крестьяне говорили, что из-за ухода на фронт мужчин они стали плохо жить, «еще хуже обеднели» [З. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.].

Крестьяне Алатырского уезда возмущались, что нужно много терпеть лишений, война с германцами забрала мужчин на фронт, в основном из бедных

семей. Жители Подкуровской и Нагаткинской волостей жаловались, что все грамотные мужчины ушли на войну, в селе некому стало читать, зато остались те, кто может легко «откупоривать бутылки с водкой или пивом». Местные жители говорили о бедственном положении в деревне, приводя в пример пословицу: «Что посеешь, то и пожнешь» [З. Д. 7. Л. 2–2об., 19–19об.].

Несмотря на проблемы, вызванные войной, местные жители уездов активно помогали семьям и детям-сиротам: жители Кувакинской – сбором денег, холстом, добровольными пожертвованиями и др., Чеберчинской волости – рожью и мукой.

В Королевской, Беклемишевской, Репьевской, Нагаткинской волостях уполномоченные сборщики из местных крестьян собирали пожертвования пострадавшим от войны (около 20 руб., давали по 5–10 коп.). Но селяне возмущались из-за того, что лазаретов, приютов для увечных и сирот вовсе нет [З. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.].

Во всех окрестных селах население оказывало посильную помощь жертвам войны. Были неоднократные денежные сборы, а также много случаев пожертвований вещами: теплым бельем, обувью и проч. При осенней уборке хлеба были случаи бесплатной помощи оставшимся без работника солдатам и детям.

Пожертвования были по средствам: деньгами, хлебом, вязаньем и носильным бельем, но «в очень умеренном количестве». Помощь для действующей армии и семьям мобилизованных на войну была самая разнообразная. Для армии собирали деньги, хлеб, теплые чулки, готовое белье и теплую одежду. Семьям мобилизованных на войну провели почти все полевые работы, заготовили на зиму дров из удельного леса верст за 15, выдали, кроме казенного пособия, и деньги из попечительского совета, общество освободило их от всех общественных дел и подвод. Запашка полевой земли, оставшейся после ушедших на войну, было в пользу их семейств [З. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.; Д. 7. Л. 2–2об., 19–19об.].

Тяжелое положение в селах, неурожаи не сказывались на патриотическом настроении крестьян, наоборот, активная поддержка пострадавших от войны, забота о детях, женах, оставшихся без мужей, делали местных жителей волости сопричастными к Великой войне.

Периодическая печать, используемая крестьянами. Важное место занимала периодическая печать. Губернские власти собирали информацию о том, какие средства массовой информации пользовались популярностью у местного населения. Корреспонденты перечисляли официозные правительственные и церковные издания, но в Симбирской губернии также распространялись нелегальные листовки и газеты. Социал-демократическая газета «Заря Поволжья» была закрыта накануне объявления германским послом войны России.

Некоторыми зажиточными крестьянами Алатырского уезда выписывались столичные газеты «Русское слово», «Русское чтение», «Раннее утро», «Петербургский листок» и «Копейка». Каждый день крестьяне ходили на местную почту, «дожидаясь с нетерпением вестей о войне» [З. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.]. Широким спросом всего уезда пользовались бюллетени. На каждую почту в волостное правление их присылали, и они моментально расхватывались населением. Именно из газет жители получали информацию о победах на фронтах, что вызывало рост патриотических настроений [З. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.].

В Карсунском уезде крестьяне выписывали мало изданий, корреспондент комментировал – «привычки, что ли, нет» [З. Д. 7. Л. 2–2об., 19–19об.], «некогда читать», «будто бы нет достаточных средств» [З. Д. 4. Л. 28–28об., 38–38об.].

В данном уезде было почти безграмотное население, крестьяне даже просили организовать читальни. Помимо сведений из газет о войне жители узнавали и «от интеллигентных лиц». Почта в данную волость поступала не каждый день, поэтому информацию получали во время поездок «в извоз с одного базара на другой в Симбирск, Карсун, Поповку и другие». Сами газеты выписывают мало, ссылаясь на то, что. В волости Беклемишевской с грамотностью дела обстояли чуть лучше, интерес к периодике проявляли все – «не только взрослые, но даже подростки и дети». Все сведения получались очень быстро, почти одновременно с городскими жителями. Источниками служили столичные и местные газеты, которые выписывали многие крестьяне, также новости рассказывали приезжие с железнодорожной станции Чуфарово, через которую направлялись все торговцы и плотники.

Активно выписывали газеты жители Подкуровской волости, в основном столичную периодику: «Петроград», «Русское слово», «Свет» [3. Д. 11. Л. 28–28об., 31–31об.]. Из газет крестьяне узнавали о победах русского оружия, лишь посредством слухов – о взятии русских солдат в плен, поражениях и т.д. В Нагаткинской волости Симбирского уезда газеты получали православное духовенство и еще 3 человека, а остальные пользовались телеграммами из Симбирска, и то в редких случаях. Это свидетельствует о бедности и безграмотности населения.

Один из высоких уровней грамотности и уровня жизни был в Сызранском уезде. В Репьевской волости массово выписывались газеты и журналы. Жители волости «нарасхват» брали журналы «Нива», «Природа и люди», в которых тоже было немало статей, посвященных ходу войны, «Русский паломник» и другие, которые выписывались священником местной церкви, псаломщиком и активом общины. Основными были две газеты – «Петроград» и «Сельский вестник» [3. Д. 10. Л. 5–5об., 8–8об.]. Кроме того, причт в каждый праздник после вечерней читал в храме о текущих событиях войны.

Среди жителей Самайкинской волости были распространены следующие периодические издания: «Петроград», «Русское чтение», «Приходской листок», «Сызранский курьер» и «Сызранское утро», местные газеты, другие телеграммы [3. Д. 10. Л. 5–5об., 8–8об.]. Наиболее популярной была газета «Петроград». В приходе ежедневно распространялись сведения о войне путем расклеивания у церковной сторожки телеграмм и иллюстраций журнала «Искры», и эти места расклейки являлись «уличным клубом» для крестьян, где читали, рассматривали и обсуждали переживаемые боевые события [3. Д. 10. Л. 5–5об., 8–8об.]. Все газеты крестьяне выписывали через местного священника.

Газеты оказывали сильное влияние на общественное мнение и настроения крестьян. Самым читаемым уездом был Сызранский, в 1914 г. в нем находилось 5 типографий [5. С. 220]. В остальных уездах из-за низкого уровня грамотности периодика была менее актуальной. Где газеты и журналы не могли оказывать серьезного воздействия, там эффективны были слухи, различные суждения и мнения интеллигенции, торговцев, священников и т.д.

Выводы. Сельские жители Симбирской губернии принимали самое живое участие в Первой мировой войне. Сельчане помогали всем, чем могли, оставшимся без кормильцев семьям. Несмотря на возникшие проблемы, вызванные войной, крестьяне сохраняли спокойствие. Настроения были патриотические. Отчеты корреспондентов раскрывали общую картину общественных настроений в среде крестьян, на которые влияли следующие условия:

1. Географические и экономические особенности Симбирской губернии. Симбирская губерния была аграрным регионом. Основой и крестьянского

хозяйства, и в целом экономики губернии было земледелие. Экономическое состояние уездов и волостей разнилось, крестьяне одних и тех же категорий получали неодинаковые наделы, оттого крестьяне некоторых волостей сводили концы с концами.

2. Население Симбирской губернии было традиционным аграрным обществом. Огромное влияние имели местные обычаи, сильная связь с семьей, тяга к родной земле, что позитивно сказывалось на патриотических настроениях.

3. Симбирскую губернию называли «городом церквей», в ней был 671 православный приход. В регионе большое значение имело православное духовенство. Во всех уездах находились православные церкви, местное священство держало связь с крестьянами.

4. Источниками информации о войне служили периодическая печать, слухи, рассказы торговцев и представителей интеллигенции.

5. В регионе существовала оппозиционная пресса, издавались проправительственные издания, из Петрограда и Симбирска присылали патриотическую прессу. Неофициальные издания большевиков (появлялись в Сызрани) не имели сильного воздействия.

Все эти факторы способствовали патриотическому восприятию войны и лояльности к власти. Анализ отчетов корреспондентов о настроениях крестьянского населения в Симбирской губернии 1914 г. свидетельствовал о высоком уровне патриотизма. Несмотря на невзгоды, жители уездов и волостей сохраняли спокойствие и оказывали всяческую поддержку правительству. Недовольство высказывалось по отношению к Германии, с которой крестьяне связывали все беды.

Литература

1. Анашкина Г.П., Шабалина Л.П. Народные промыслы в Симбирской губернии // Из этнической истории Ульяновской области (Краткие очерки): сб. науч. тр. Ульяновск: Областное газетное изд-во, 1993. С. 248.
2. Баженова Н.И. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1903. 372 с.
3. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 636. Оп. 1.
4. Симбирские страницы Первой мировой (Сборник документов и материалов) / П.В. Макарова, Г.В. Романова, И.А. Чуканов и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. 352 с.
5. Семенов В.П., Семенов П.П., Ламанской В.И. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Ульяновск: Дом печати, 1998. 599 с.
6. Социологический справочник [Электронный ресурс]. URL: https://sociological_guide.academic.ru/ (дата обращения: 07.11.2024).
7. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи 1880–1913 гг. Поуездные итоги. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1926. 270 с.

РУХЛИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и государственного управления, Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Ульяновск (Ruhlenko15@mail.ru).

Aleksey N. RUKHLIN

**SOCIAL SENTIMENTS OF PEASANTS OF SIMBIRSK PROVINCE
IN THE EARLY PERIOD OF THE WORLD WAR I
(sociological analysis of correspondent information)**

Key words: World War I, patriotism, public opinion, Simbirsk governorate, peasants, mass media.

Russia's entry into the World War I caused an upsurge of patriotism in the country. However, from the very beginning of the conflict, the government monitored the mood of its subjects,

including the villagers. Peasants were the largest class in the Russian Empire; they formed the basis of the army and supplied bread to the front. In this regard, tracking public sentiments became the most important task of the state. At the request of the local authorities, correspondents interviewed the residents of uyezds, after which they compiled a detailed analysis of their attitudes towards the war, the power, etc. The sentiments of Simbirsk governorate peasants reflected the general patriotic impulse of 1914.

The purpose of the study is to study the social attitudes of peasants of Simbirsk governorate in the early period of the World War I according to the reports of correspondents.

Materials and methods. The article used archival materials recorded by correspondents who worked with the rural population. The correspondents were local government officials and priests (I. Berezin, I. Khokhlov, V. Anoshin, etc.). The research used historical and general scientific methods, as well as the sociological method of content analysis of correspondent information about the sentiments of rural population in uyezds and volosts of Simbirsk governorate in the first year of the war.

Research results. At the turn of the XIX–XX centuries, agriculture, animal husbandry, and various handicrafts were widespread in Simbirsk governorate. There was low literacy in the governorate, and the Orthodox clergy had a noticeable influence on the population. It follows from the correspondents' reports that the peasants adhered to patriotic, traditional views. Despite the hardships, the uyezds of the governorate remained calm and provided every possible support to the government. Discontent was expressed only because of the German attack. The difficult and often distressing situation of the peasants did not form a defeatist mood. Correspondents recorded an active support of families and orphaned children by local residents, which caused the peasants to feel a sense of engagement in the Great War. Correspondent reports noted a significant role of the periodical press in shaping public sentiments.

Conclusions. The rural population of Simbirsk governorate was loyal to the government and the outbreak of war, due to a number of factors: the influence of pro-government media, rumors and the opinion of the intelligentsia. Maintaining patriotic sentiments in Simbirsk governorate, which was a rear area, was a priority for the government. These materials clearly illustrate a high degree of politicization of the rural population of Simbirsk governorate in 1914.

References

1. Anashkina G.P., Shabalina L.P. *Narodnye promysly v Simbirskoi gubernii* [Folk crafts in Simbirsk province]. In: *Iz etni-cheskoi istorii Ul'yanovskoi oblasti (Kratkie ocherki): sb. nauch. tr* [From the ethnic history of the Ulyanovsk region (Brief essays): Collection of scientific papers]. Ul'yanovsk, 1993, 248 p.
2. Bazhenova N.I. *Statisticheskoe opisanie soborov, monastyrei, prikhodskikh i domovykh tserkvei Simbirskoi eparkhii po dannym 1900 goda* [Statistical description of cathedrals, monasteries, parish and house churches of the Simbirsk diocese according to data from 1900]. *Tipo-litografiya A.T. Tokareva* [Typo-lithography of A. T. Tokarev]. Simbirsk, 1903, 372 p.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond. 636. Opis. 1* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archive 636. Anagraph 1].
4. Makarova R.V., Romanova G.V., Chukanov I.A. et al. *Simbirskie stranitsy Pervoi mirovoi (Sbornik dokumentov i materialov)* [Simbirsk pages of the First World War (Collection of documents and materials)]. Ul'yanovsk, 2014, 352 p.
5. Semenov V.P., Semenov P.P., Lamanskoi V.I. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Srednee i Nizhnee Povolzh'e i Zavolzh'e*. [Russia. Complete geographical description of our Fatherland. Middle and Lower Volga and Trans-Volga]. Ul'yanovsk, 1998, 599 p.
6. *Sotsiologicheskii spravochnik*. [Sociological handbook]. Available at: https://sociological_guide.academic.ru/ (Accessed Date: 2024, July 11).
7. Svavitskaya Z.M., Svavitskii N.A. *Zemskie podvornye perepisi 1880–1913 gg. Pouezdnye itogi* [Zemstvo household censuses 1880–1913. County results]. Moscow, 1926, 270 p.

ALEKSEY N. RUKHLIN – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Public Administration, Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Ulyanovsk (Ruhlenko15@mail.ru).

Формат цитирования: Рухлин А.Н. Общественные настроения крестьян Симбирской губернии в начальный период Первой мировой войны (социологический анализ корреспондентских сведений) // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 123–130. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-123-130.

УДК 821.161.1(470.343)

ББК Ш33(2=411.2)52

С.В. СТАРИКОВ

**НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ А.А. ТИХОНОВА-ЛУГОВОГО
В КОНТЕКСТЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ В РОССИИ
(1878–1885 годы)**

Ключевые слова: Россия, эпоха, писатель, литература, чеховское время, стихи, беллетристика, купечество, герой.

Становление и развитие русской писательской интеллигенции XIX в. остается актуальной проблемой исторической науки и литературоведения. Писатель в России был не только творцом литературных произведений. Его миссия была самым тесным образом связана с развитием государства и общества. Деятельность писателя оказывала значительное влияние на политику, общественную жизнь, культуру. Литература становилась «учительницей жизни». На переломных рубежах российской истории в литературное творчество вливались новые таланты. Они искали свое творческое кредо, преодолевая трудности, стали известны всей России, но оказались забытыми в XX в.

Цель исследования – изучение литературной деятельности русского писателя А.А. Тихонова-Лугового, начавшейся в пореформенную эпоху в России, влияния жизненных условий, новых идей и устремлений на складывание замыслов и особенностей его творческого дарования и стиля.

Материалы и методы. Источниками послужили воспоминания писателя «Как росла моя вера», «Листки из автобиографии», оценки современников, а также первые написанные им литературные произведения – стихи и рассказы, позволяющие оценить его взгляды, поиски своего места в литературной среде и становление его как писателя. Основными методами стали историзм, объективность, анализ и синтез материалов из литературных источников и публицистики.

Результаты исследования. На рубеже 1870-х и 1880-х гг. российское государство и общество в целом переживали время реформ и преобразований, предпринятых императором Александром II. Новая эпоха капиталистической модернизации вызвала новые явления в экономике и социальных отношениях, породила новые противоречия в жизни. Русская литература активно откликалась на вызовы времени, стремясь показать истоки и причины психологической и нравственной подоплеку событий и процессов. Началась «чеховская эпоха». Появилось новое поколение поэтов, беллетристов, драматургов. Среди них первые литературные шаги сделал А.А. Тихонов-Луговой, решивший посвятить себя литературному творчеству. Он испытал немало лишений и жизненных уроков, горечь разочарований, радость первых успехов и признаний, став известным писателем конца XIX – начала XX в. В своем творчестве оставался на позициях классической русской литературы, стремился как никто другой определить глубинные социально-психологические характеристики типичных героев пореформенной эпохи различных социальных слоев, чинов и званий.

Выводы. Несмотря на появление новых модернистских течений в литературе наступающего «серебряного века», многие пришедшие в писательскую среду новые таланты, включая А.А. Тихонова-Лугового, продолжили самые лучшие традиции русской литературы «золотого века», произведения которой стали настоящей «учительницей жизни» для многих поколений соотечественников.

Введение. В отечественной историографии и литературоведении переломная александровская эпоха 70–80-х гг. XIX в. была и остается предметом активного изучения. Пореформенный период сыграл весьма значимую роль не только в социально-экономическом развитии России, но и в культуре, в литературе в особенности. В литературу вошло много новых творческих и одаренных личностей, среди которых и русский писатель Алексей Алексеевич Тихонов-Луговой (1853–1914). Его имя сегодня восстановлено в русской литературе,

жизнь и деятельность отмечена выходом в свет статей и монографий [18, 19], хотя историкам литературы и литературоведам еще предстоит многое сделать в этом отношении.

Целью исследования является изучение литературной деятельности русского писателя А.А. Тихонова-Лугового, начавшейся в условиях пореформенной эпохи, которая наступила в России в результате масштабных реформ императора Александра II.

Материалы и методы. Материалами для данной публикации послужили воспоминания А. Лугового «Как росла моя вера», «Листки из автобиографии», оценки современников, ранние стихи и проза писателя.

Результаты исследования. Детство и юность Алексея Алексеевича Тихонова-Лугового прошли в уездном городе Царевококшайске Казанской губернии, где отец писателя являлся владельцем винокуренного завода. Получив прекрасное фундаментальное домашнее образование и большое наследство от отца, Алексей Тихонов тяготился своей предпринимательской деятельностью, не собиравшись наследовать купеческое дело, и в феврале 1878 г., продав свой винокуренный завод, уехал в Санкт-Петербург.

В столице 25-летний Алексей начал новую жизнь. Наступила полная независимость. Вспоминая об этом времени, он писал, что решил посвятить себя литературной деятельности. Правда, еще в гимназии он писал стихи, рассказы, театральные рецензии, переводил Боккаччо. Но все это было «только для себя» [8. С. 84]. Еще в мае 1878 г. он написал первый свой рассказ «Две встречи». Речь шла о студенте и женщине легкого поведения. Этот рассказ Алексей никому не предлагал для печати [13. С. 81]. Его первая печатная статья появилась в 1878 г. в «Биржевой газете» и была посвящена питейно-акцизному вопросу. Были и другие газетные статьи, обычно или без подписи, или подписаны «А. Тихонов», «А.Т.», «М. Н-н» [1. С. 174].

Для начинающего писателя возник вопрос: что и как писать? Алексей решил для себя, что просто написать рассказ для читателя явно недостаточно. Непременнo нужно указать даже в обыденном явлении что-нибудь такое, чего не видели в нем другие. Тогда он понял, что знает еще «страшно мало» и «ничего не видел». Поэтому решил ближе познакомиться с жизнью в столице и одновременно больше узнать о купеческой среде [8. С. 85]. Служба у фабриканта и заводчика И.И. Алафузова позволяла это сделать. 24 июня 1878 г. он отправил Алексея в заграничную командировку, чтобы заключить торговые контракты с французскими льнопрядильными фабрикантами для продажи им льна и льняной кудели. О занятиях литературой пришлось пока забыть. Пришлось помимо воли и желания втянуться в торговлю. Поездка продолжалась четыре месяца. Алексей жил во Франции, совершая деловые поездки в Лондон, Бельгию и Париж, где побывал на всемирной выставке 1878 г. Для занятия литературой не оставалось времени. Вся эта торговая деятельность длилась четыре года. Летом Алексей ездил по Европе, оформлял сделки. Зимой в городах и селах Камско-Волжского бассейна осуществлял проверку товарной продукции, прикасаясь с экономикой страны, жизнью и бытом крестьянства, богатыми купцами, пароходчиками, биржевиками, рабочими, грузчиками. Эта деятельная торговая жизнь увлекла Алексея. Бросалась в глаза разница в уровне жизни за рубежом и в России, в оценке бедности и богатства. Ежегодные поездки за границу и возвращение на родину вызывали у коммерсанта Алексея противоречивые чувства. Он вспоминал, что если в городах или среди рабочих большой разницы не было заметно, то убожество крестьянской жизни в России не встречалось больше

нигде. С идеей, что бедность – это благодетель, он никак не мог согласиться. Алексей тогда считал, что к богатству надо стремиться каждому, чтобы потом распространять «это благо» на других [8. С. 87].

Поездки в Европу открывали кипучую промышленную жизнь, представлявшуюся залогом народного благосостояния. Но на Западе Алексей увидел не только прогрессивные явления, но и теневые стороны, о которых молчала пресса. Это касалось положения рабочих, женщин, социальных проблем. А когда дело касалось менталитета, душевных настроений, Алексей видел наши светлые стороны русской жизни: золотое сердце и природный ум русского деревенского населения, отзывчивость русской души, нравственность, патриотизм, взаимные отношения народов России. В своих воспоминаниях А. Луговой признавался, что «мое сердце было полно любви к моему родному народу» [8. С. 93]. Наблюдая жизнь простых французских рабочих и общаясь с ними, Алексей Алексеевич не находил у них той отзывчивости, свойственной русским, а все ответы на вопросы следовали только с оттенком чисто практического отношения к жизни, и ближайшая выгода оказывалась на первом плане. Поэтому А. Луговой отдавал предпочтение русской народной жизни. Посещая по торговым делам базары в селах и деревнях Вятской и Пермской губерний, Алексей проникался чувством уважения к родной стороне. Наблюдения и переживания периода активной торговой деятельности были ценны для Лугового как начинающего русского писателя.

Через два года Луговой и сам стал экспортером хлебных и льняных товаров из России за границу. Летом 1879 г., когда Алексей в очередной раз выехал во Францию, одна купеческая семья уговорила его начать собственную льняную торговлю, предлагая открыть для него большой кредит на выгодных условиях [9. С. 117]. Летом 1880 г. он отправил во Францию первые партии своих товаров, отказавшись осенью от службы у Алафузова. Затеяв покупки льна в больших размерах, Алексей рассчитывал, по его выражению, на почти «безграничный кредит» у французских друзей.

Убийство Александра II 1 марта 1881 г. привело к свертыванию заграничных кредитов. Французы, по свидетельству Алексея, боялись, что «у нас произойдет революция». Попытка найти кредит в России оказалась безуспешной. Поэтому он вынужден был продать все товары с огромными убытками, смог продержаться еще два года, сохраняя свое почтенное положение в торговых отношениях [8. С. 101]. Но при этом оказалось трудно совместить интересы одних кредиторов с интересами других. А тут еще воспаление легких и тяжелое лечение в Казани окончательно надломили всю торговую деятельность коммерсанта Алексея. Дальнейшая борьба с торговыми неудачами и убытками стала для него просто непосильной. В 1883 г. Алексей был уже не в состоянии выполнить свои торговые обязательства и заявил петербургскому коммерческому суду о своей торговой несостоятельности «с пассивом около полумиллиона рублей». Никто из 70 кредиторов Алексея не потребовал ни задержания, ни ареста, кроме Государственного банка. Но и это было сделано, по выражению А. Лугового, «с чисто формальной стороны». Коммерческий суд отказал банку на том основании, что «мою несостоятельность отнесли к разряду несчастных». По делам Алексея был учрежден конкурс: по «Уставу о торговой несостоятельности» имущество купца описывалось и распродалось в процедуре конкурса, вырученные деньги распределяли между кредиторами. Получаемые доходы также шли на конкурсное распределение в установленные сроки конкурса. В суде Алексей рассказал все, как было, и дал присягу [8. С. 103]. Алексей

остался на свободе. Он сдал кредиторам все свое имущество. Суд на проживание назначил ему сумму – 50 руб. [8. С. 101]. Даже судебные приставы удивлялись, что Алексей сдал все наличные деньги кредиторам. Долгов «неоплатных» хотя оставалось еще на 250 тыс. руб., но они были определены судом как неоплаченные по независящим от него причинам.

Алексей Алексеевич переехал в дешевенькую меблированную комнату и впервые почувствовал себя свободным, устроившись снова у купца Алафузова на небольшое жалование, с окладом уже втрое меньшим, чем прежде. И теперь он уже не думал, что недостаточно знает жизнь, что ему нечего сказать своего в литературе. С этого момента все его силы, все помыслы были отданы литературе. «Я стал писателем», – констатировал Луговой [8. С. 104].

Литературная деятельность Лугового началась в пореформенную эпоху, в 1880-е гг., когда Россия переживала сложные процессы своего внутреннего развития. Реформы императора Александра II приветствовались русским общественным мнением, хотя вызывали неоднозначную оценку в разных кругах интеллигенции и среди населения. Реформы не снимали остроты социальных противоречий, что стало питательной средой для оппозиционных настроений и действий. После убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 г. вектор внутренней политики приобрел консервативную направленность. «Эпоха Победоносцева», как называли современники 1880-е гг., ознаменовалась жесткой цензурой. Контрреформы императора Александра III были нацелены на борьбу не только с революционными настроениями и организациями, но и с радикальными либеральными сторонниками преобразований.

Русская литература базировалась на основополагающих принципах отражения русской жизни во всем ее многообразии, во многом сохраняла свой идейно-проповеднический, воспитывающий характер, была той кафедрой, с которой раздавалось учительское слово. Литературный стиль реализма, установившийся с 1840-х гг., позволял писателям и поэтам напрямую общаться с читателем и воздействовать на процессы, происходившие в стране. Тесная связь с общественным движением стала наиболее заметным явлением литературного творчества. Известный литературный критик и историк литературы, С.А. Венгеров, анализируя литературный процесс, писал, что в 1860–1880-е гг. литературное творчество и действительность настолько сблизились, что разделить их было просто невозможно [3. С. 28]. Этот момент самого тесного взаимодействия литературы и общественной жизни «тонко и чутко», по мнению С.А. Венгерова, «уловил» И.С. Тургенев. В целом же, как писал С.А. Венгеров, русская литература удивительно сочетала в себе художественную красоту и нравственную силу, широкий размах и тоску по идеалу [3. С. 37]. В русской литературе продолжали работать как классики, например, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, так и признанные крупные писатели, шедшие своим путем, – М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Островский, И.А. Гончаров, Г.И. Успенский. Появлялись новые направления. Литература развивалась вместе с русской жизнью.

Историки литературы и литературные критики по-разному оценивали литературный процесс 1880-х гг. Одни называли его упадком, безвременьем, когда в литературе образовалась некая пауза и выжидание. Наступившее время сравнивали с 1870-ми гг., когда литература и публицистика напрямую были связаны с общественным движением в России, революционным народничеством. «Семидесятники» задавались планами преобразований и социальных переворотов. Литература живо откликалась на социально-политические идеи и движения. Другие видели в этом «молчании» вполне естественную эволюцию

литературного процесса. «Восьмидесятники» отвергали политическую составляющую литературного творчества. Они шли своим путем, придерживались «теории малых дел». В условиях утверждения консервативного курса и ужесточения цензуры их литературные произведения не призывали к ниспровержению существующего строя, не пропагандировали грандиозные планы будущего, не констатировали зло и пороки, а малыми штрихами о русской жизни давали возможность размышлять, оценивать, находить свое место в жизни, сохраняя тем самым назидательный и воспитательный характер русской классической литературы. Любовь к человеку, Отечеству, земле, созиданию, прогрессу – эти добродетели сочетались и соседствовали с критикой, комедией и трагедией. Они использовали любую возможность публиковать свои произведения и не делили столь категорично русскую периодику по политическому признаку. Их глашатаем стал журнал «Русская мысль», издававшийся с 1880 г. В группу «восьмидесятников» входили писатели: Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.М. Гаршин, В.И. Немирович-Данченко, М.Н. Альбов, К.С. Баранцевич, К.М. Станюкович, И.Н. Потапенко и др. В этот круг вошли и молодые писатели А.А. Тихонов-Луговой и В.А. Тихонов. Антон Павлович Чехов стал глашатаем этого направления. Даже в 1890-е гг., когда в литературе вновь определилось несколько течений (марксистское, модернистское, либеральное), традиционное направление продолжало доминировать в русской литературе. Авторы фундаментальной «Истории русской литературы XIX в.», вышедшей в начале XX в., подчеркивали, что великие традиции русской литературы в 1880 и 1890-е гг. «остались непоколебленными волнами мистицизма и индивидуализма» [6. С. 100].

В 1880-е гг. в русской литературе началась «чеховская эпоха». Вместо длинных романов и повестей к читателю приходят короткие рассказы. Длинные объяснения и описательная манера уступают место творческому возбуждению через передачу настроения. Читатель не следует за произведением, а сам призывается к активной работе. Современники называли это «литературным импрессионизмом». Достаточно одного штриха, по выражению литературоведа рубежа XIX–XX вв. Таисии Ганжулевич, попадающего в «жизненный нерв», и перед нами само собою вырисовывается лицо живое, без дальнейших усилий художника. Тут малое и большое связаны самым тесным образом. Они неразделимы. Вот почему маленькие рассказы Чехова производили столь сильное впечатление. И тут важна не маленькая частица быта, а весь мир, общественная атмосфера, из которой уже выходят все частные явления. При этом писатель должен быть не просто реалистом, рисующим определенные «уголки наблюдения», а человеком, который призван подвести читателя к пониманию того, что «все эти пошлости» надо изменить всем миром, вместе, сообща. Только так можно преодолеть «грех общественного строя». «Простота реализма», по мнению Т. Ганжулевич, у Чехова достигла высшей степени, а полная безотрадности картина русской жизни получила «грозный смысл и значение» [4. С. 558].

Вокруг Чехова стала складываться школа исканий и неудовлетворенности, школа «импрессионистов-реалистов», не только отражающих действительность, но и творящих ее. В письме В.А. Тихонову, брату А.А. Тихонова-Лугового, 7 марта 1889 г. А.П. Чехов отметил: «Чем больше успеха, тем лучше для всего нашего поколения писателей... Мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а “восьмидесятые годы” или “конец XIX столетия”. Некоторым образом, артель» [14. С. 323–324].

По мнению Т. Ганжулевич, эта «чеховская школа» в литературе не завершилась и после кончины А.П. Чехова. Но в 1880-е гг. в сфере беллетристики выступили писатели безусловно талантливые. Каждый из них был индивидуален в своем творчестве. Некоторые из них чуть позднее стали поборниками новых литературных стилей и форм, навеянных идеями общественно-политической мысли и учений рубежа веков. «Дымка модернистской манеры», по определению С.А. Венгерова, толкнула часть беллетристов, и особенно поэтов, к безысходности, «смеси реального с нереальным, определенного с неопределенным». Другие, напротив, оставались верны традициям русской классической литературы. Новые веяния и тенденции в развитии литературы они воспринимали не как творческий порыв в неизвестность, а как свое служение литературе и русской жизни. В этом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать и творчество Алексея Алексеевича Тихонова-Лугового.

15 февраля 1884 г. в московском иллюстрированном журнале «Россия» было опубликовано первое печатное стихотворение А.А. Тихонова «Из Виктора Гюго» под псевдонимом «А. Луговой». По этому поводу Алексей Алексеевич Тихонов писал, что псевдоним он взял исключительно для того, чтобы его произведения не смешивали с произведениями его брата Владимира Алексеевича Тихонова [13. С. 81]. Журнал «Огонек» в заметке о 25-летнем юбилее литературной деятельности А.А. Лугового сообщал, что свой псевдоним писатель взял от города Луги, где долгое время жил и сейчас проживает [2. С. 15]. Однако это не соответствовало действительности. Что касается выбора самого названия псевдонима «Луговой», Алексей Алексеевич, отвечая тем, кто полагал, что его псевдоним происходит от города Луги, писал следующее: «Прилагательное от Луги будет Лужский, а я впервые поселился в Луге только в 1891 году. Псевдоним же мой взят от лугового берега Волги, на котором стоит Казань» [5. С. 927].

Луговое левобережье Волги с его далями и лесами было любимо начинающим писателем с детства. В этой любви Алексей Алексеевич неоднократно признавался в своих произведениях. Эта сторона русской земли импонировала настроениям писателя, его вере в человеческий разум и светлое будущее. Взгляд с крутизны высокого правого берега устремлялся в далекую даль. «Какой простор! Какая красота!.. Какой красивой лентой бежит река, омывая горы, разливаясь по лугам. Как это похоже на жизнь, на всю нашу жизнь вообще. Поверхность реки есть тайна, сокрытая в ее глубинах, а далекое-далекое пространство – все, что явится еще отражением будущего» [11. С. 417, 421]. Повести, рассказы, стихотворения им подписывались «А. Луговой» или «Ал. Луговой».

Стихотворение в журнале «Россия» многое значило в поэтической судьбе А. Лугового. Идея прощения тех, кто раскаивался в грехе, стала лейтмотивом многих не только поэтических, но и прозаических произведений писателя.

«Прощайте женщине ее паденье!
Ведь вы не знаете того мученья,
Какое, может-быть, пережила она,
Когда порока жадная волна
Ее в водоворот кипучий увлекла!..
Она не без борьбы, поверьте, пала,
Как жемчуг, блещет капля дождевая,
На ветке с солнечным лучом играя;
Но дерево трясут, и капля борется, дрожит...
Упала – вместо перла, грязь лежит!

Виной мы сами! ты богач! сокровища твои!
Но чистая вода таится и в грязи,
И чтоб она опять прозрачной стала
И снова блеском прежним заиграла,
Ей нужен лишь – таков закон природы мировой –
Иль солнца луч, иль луч любви святой!» [16. С. 1].

Первой публицистической статьей А. Лугового стала статья «Наследство богача», напечатанная в газете «Эхо». Правда, она была без подписи и шла как редакционная [13. С. 81]. Зимой 1885 г. Луговому предложили работу в газете «Эхо» за 50 руб. в месяц. Но уже в феврале газету закрыли по цензурным соображениям.

В 1884 г. Алексей женился. Его избранницей стала Любовь Андреевна Егорова. Пришлось жить с супругой на те 50 руб., которые полагались Алексею по конкурсному делу на проживание. На отца рассчитывать не приходилось, поскольку его торговые дела пришли в полный упадок. Но в это время Луговой продолжал писать. Как свидетельствовал сам Луговой, все его «первые литературные опыты» он давал читать поэту и другу Михаилу Николаевичу Соймонову, уроженцу Казанской губернии, жившему в Петербурге. Его начинающий писатель называл «восприемником моей музыки» [13. С. 81]. К 25-летию кончины М.Н. Соймонова А. Луговой написал и опубликовал в «Историческом вестнике» большую статью о своем наставнике [12].

В 1884 г. А. Луговой завершил стихотворение «Опять на Волге!»:

«Волга!.. родная! красавица! мать!..
Кончились годы печальной разлуки:
Волны твои я увидел опять,
Страстно к тебе простираю я руки,
Смело вступаю на берег родной.
Волга! Прими ты усталого сына,
Раны мои ты, родная, омой, –
Раны и скорби дала мне чужбина, –
Ты – дай больному желанный покой» [10. С. 9].

Стихотворение стало настоящей поэмой о Волге, признанием молодого поэта в любви к великой русской реке – символу Родины, имело биографический оттенок. Детство и юность прошли на Волге, в Казанской губернии. Луговой приносит свою исповедь Волге. В стихотворных строках он пишет, как покинул Волгу, как шумный жизненный поток захватил его, как в битве за цели земные изнемог и все потерял.

«Полно!.. не место сомнениям скорбным!..
Волга родная ключом животворным
Скорбь и недуги мои исцелит,
Твердою волею грудь укрепит.

Здесь моя жгучая боль утихает,
Легче на сердце, и силы бодрей;
Грудь утомленная жадно вдыхает
Сладостный воздух родимых полей.
Вижу картины родимой природы,
Слышу волны я знакомый прибой...
Нежного детства счастливые годы
В памяти вдруг пронеслись чередой» [10. С. 13].

Алексею вспоминались картины детства, волжские песни и предания, которые чутко внимал младенческий ум.

«Вспомнилось мне, как ребенком бывало,
Здесь под горой, у реки я играл, –
Няня мне волжские песни певала,
Вторил ворчливо ей пенистый вал...»

Здесь, на Волге, Алексей услышал и песни-страдания через поэзию Некрасова, живо представлял, как бурлаки тянут бечеву под игом нужды и труда.

«Думал тогда я, что время настанет –
Выросту я: чтоб помочь беднякам,
Чтобы их горю найти утешенье –
Чтобы в труде им подать облегченье –
Все мои силы, всю жизнь я отдам...»

И теперь, когда жизнь поставила перед новым выбором, поэт обращался к могучей реке:

«Волга! Я здесь пред тобой с покаяньем,
Исповедь сердца тебе приношу...
Я искупил заблужденья страданьем,
И у тебя новых сил я прошу» [10. С. 16].

Стихотворение-исповедь Волге-реке пользовалось популярностью у современников. Отрывки из него часто цитировали в волжских путеводителях, книгах о Волге и Поволжье.

Даже став петербургским жителем, А. Луговой в летнее время продолжал выезжать в места своего детства, «заглядывать в наш уездный городок», встречаться с местной интеллигенцией и администрацией, что позволяло отвлечься от суетной столичной жизни [17. С. 114]. Луговой не терял связь с местами своего детства и юности.

В 1885 г. А. Луговой написал свой первый рассказ «Не судил Бог!.. Волжские мотивы», опубликованный в журнале «Вестник Европы» (январь 1886 г.). Действие в рассказе разворачивается на Волге близ Козьмодемьянска. В крутом овраге правого берега, у деревни Кленовка, встречались влюбленные – девушка, Матрена, дочь местного состоятельного крестьянина, Матвея Савельича, и Петр, парень-рыбак, из деревушки на левом берегу. Они мечтали пожениться. Выбрали момент, когда батюшка Матвей вернется с Нижегородской ярмарки. Петр собирался сватов засылать. Матрена сначала не сомневалась, что батюшка их благословит. Но у него были другие планы. Хотел он сосватать свою единственную дочь за сына одного из нижегородских купцов, правда, тянул с этим делом. Побывав в Нижнем и уже договорившись, решил сообщить Матренушке эту новость. Но доченька решительно отказалась. После этого она не спала всю ночь и решила ночью идти к оврагу встретить своего суженого, чтобы вместе прийти к Матвею Савельичу и убедить его дать им родительское благословение. На Волге лил проливной дождь. Разыгралась буря. Матрена, не встретив любимого, вернулась домой ждать Петра. Он, несмотря на непогоду, сильный ветер, отговоры матери, сел в лодку и, борясь с водной стихией, уже догреб до середины реки. Но вдруг высокий вал волны набежал на лодку и вмиг опрокинул ее. Не успел даже выпустить из рук крепко ухваченных весел, обессилел, захлебнулся и стал погружаться в водную пучину. Его тело унесло быстрое течение вниз по реке [16. С. 39]. В рассказе много прекрасных зарисовок волжской природы, берегов и реки. Эти картины Волги

под Козьмодемьянском сначала созвучны любви двух сердец, а потом картины бури как бы вторят той трагедии, которая разыгралась на Волге, и развеивают грезы любви. Известный литературный критик К.К. Арсеньев в 1895 г. так оценивал рассказ Лугового: «“Не судил Бог” – дебют Лугового в области беллетристики – до сих пор остается одним из лучших его рассказов. Очень хорош волжский пейзаж; очень симпатична любовная идиллия, скоро уступающая место драме. Гибель Петра, в то время как он едет на свидание с Матреной, изображена с большой сдержанностью и силой» [15. С. 59].

Вскоре появился небольшой этюд «Одним часом!..» (1885). В нем яркими мазками нарисовано природное бедствие – ночная буря с градом, которая в одночасье уничтожила все плоды крестьянского труда – триста сорок с лишним десятин пышно колосившихся хлебов. Сколько разбитых надежд, сколько несбывшихся ожиданий! [16. С. 46].

К июлю 1885 г. выдача жалованья от конкурса прекратилась, и Луговой, как он сам выразился, «остался с сильно расстроенным здоровьем без всяких средств». Заняв небольшую сумму денег, Алексей уехал на лето в деревню. Осенью, вернувшись в Питер, он решил жить только за счет литературного труда, пусть даже в долг. Вскоре он написал повесть «На курином насесте. Хроника одного незаметного существования» (1885) [16. С. 50–175], возлагая на нее большие надежды. Основная идея повести – конфликт поколений в купеческих семьях. Сыновья не хотят продолжать купеческое дело, стремятся на государственную службу, мечтают жить по-новому, по справедливости, ибо купеческий мир основан на наживе и обмане. Но, вступив на новый путь, человек претерпевает тяжелые испытания иногда с трагическим исходом. В основе повести были личные переживания начинающего писателя, личный опыт оставления купеческого дела и те разочарования, которые пришлось пережить. Герои повести – крупный нижегородский купец Гордей Александрович Гордеев, дела которого находились в упадке, и его сын, Григорий, стремившийся «жить собственным трудом». Отец окончательно разорился и приехал в Петербург к сыну, которого устроил в банк с окладом в 30 руб. Жили не в достатке. Мамаша Григория, Марфа Игнатьевна, советовала сыну жениться, лучше на купчихе, чтобы «деньжата водились». А Гриша о генеральской дочке мечтал. Шли годы однообразные и скучные. Жалованье Григорию прибавили. Он получил чин коллежского регистратора. Отец, наблюдая за сыном, его обслуживанием перед вышестоящим начальством, все более холодно относился к нему. Но вскоре отец скончался. Повышений по службе у Григория не было и не предвиделось. Все надежды на быструю карьеру, удачную женитьбу постепенно рассеивались. Он сменил место службы, устроился в типографию корректором, замкнулся, стал просто скряжничать.

«Это, мамаша, роскошь-съ – каждый день кофе пить! Непростительная роскошь-съ – твердил он каждый раз, когда заставлял Марфу Игнатьевну за кофе».

Мамаша задумала сосватать Григория за купчиху из Нижнего, но тамошние отказались, ибо жених еще чином не вышел. Григорий Гордеевич вообще пал духом и физически ослаб, как-то постарел, во всем разочаровался, хотя и успокаивал себя тем, что служит верно царю и отечеству, что никого по миру не пустил и вообще еще не все потеряно. И снова мечтал, строил планы. Но дела шли все хуже. Доход сокращался. Семья потеряла сбережения и проценты на них в результате судебного разбирательства с нижегородским купцом, которому доверились Гордеевы и дали ему деньги. Для Гордеевых наступили тяжелые дни. Но вскоре Григорий получил повышение по службе. Они сняли новую

квартиру. Опять речь зашла о женитьбе. Но поездка на пароходе в Петергоф закончилась сначала простудой, а затем продолжительной болезнью. Марфа Игнатьевна ухаживала за сыном, но врач сказал, что он безнадежен. Григорий умер. Все пошло прахом. Не сбылись мечты и желания. Всю свою жизнь он просидел «на курином насесте». Это сидение убило в нем человека. Повесть Лугового высоко оценил литератор М.А. Круковский [7. С. 365–366].

Основную идею повести, где надежды и стремления разбиваются о жизненные неудачи, неспособность преодолеть социальные устои и привычки, подниматься выше и достичь счастья, автор выразил в философском заключении: «Горе! Несешься по белу свету, налетая неведомо откуда, и захватываешь на пути своем и богатых, и бедных, и молодых, и старых; и рвешь ты беспощадно в клочки то, что многие годы хранилось и лелеялось в тайниках любящего сердца... И за тобой, горе, по пятам за тобой идет торжествующая радость и заставляет забыть произведенное тобой разрушение! Потому что жизнь есть смерть, и смерть есть жизнь» [16. С. 175]. Луговой отправил рукопись в журнал «Вестник Европы», но редакция вернула рукопись «без объяснения причин». Однако вскоре она была опубликована.

Выводы. Первым литературным произведением А.А. Тихонова-Лугового были присущи большая наблюдательность, вдумчивость, тонкие психологические характеристики героев, особый литературный язык – меткий, богатый оттенками. В конце 1880-х гг. молодой писатель обогатил русскую классическую литературу повестью «Pollice verso – «Добей его!», в основу которой была положена идея психологии толпы и поведения человека в экстремальных ситуациях. Эта повесть сделала А. Лугового писателем, известным всей читающей России.

Литература и источники

1. А. Луговой // Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811–1911. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1911. С. 173–174.
2. А.А. Луговой (Тихонов). К 25-летию литературной деятельности // Огонёк. Еженедельный художественно-литературный журнал (С.-Петербург). 1909. № 7. С. 15–17.
3. Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей русской литературы. 2-е изд. с прибавлением этюда «Победители или побеждённые?» (о модернизме). СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 88 с.
4. Ганжулевич Т. Чехов и наша литература // Нива. 1914. № 27. С. 538–539; № 28. С. 557–559.
5. Измайлов А.А. А.А. Луговой (Литературная характеристика) // Исторический вестник. 1914. № 12. С. 919–934.
6. История русской литературы XIX века: в 5 т. / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1910. Т. 5. 578 с.
7. Круковский М. Сочинения А. Лугового // Новое слово. Журнал научно-литературный и политический (СПб.). 1894. № 11, нояб. С. 365–366.
8. Луговой А. Как росла моя вера. Отрывки из автобиографии // Вестник Европы. 1910. № 12. С. 74–104.
9. Луговой А.А. Листки из автобиографии // Нива. 1909. № 6. С. 114–117.
10. Луговой А. Стихи. 1884–1912. СПб., 1912. 166 с.
11. Луговой А. Души. Посмертный рассказ // Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к журналу «Нива». 1915. № 3, март. С. 417–432.
12. Луговой А. Памяти М.Н. Соймонова (К двадцатипятилетию его кончины 12 сентября 1888 года) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1913. № 9. С. 985–997.
13. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 80–83.
14. Письма А.П. Чехова. Т. II (1888–1889). М.: Издание М.П. Чеховой, 1912. 458 с.
15. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1896. Т. 64. 1004 с.

16. Сочинения А. Лугового: в 5 т. СПб., 1894. Т. 1. 574 с.
17. Сочинения А. Лугового: в 5 т. СПб., 1895. Т. 3. 618 с.
18. *Стариков С.В.* Русские писатели Алексей Луговой и Владимир Тихонов (Историко-литературные очерки о знаменитых царевококшайцах). Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг», 2022. 404 с.
19. *Хрисанфов В.И.* Лужский затворник. Страницы жизни русского писателя А.А. Тихонова-Лугового. СПб.: «Скифия-принт», 2009. 240 с.

СТАРИКОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (sv.starikov@yandex.ru).

Sergey V. STARIKOV
THE BEGINNING OF THE LITERARY ACTIVITIES
OF THE RUSSIAN WRITER A.A. TIKHONOV-LUGOVOY IN THE CONTEXT
OF THE POST-REFORM ERA IN RUSSIA (1878–1885)

Key words: Russia, epoch, writer, literature, Chekhov's time, poetry, fiction, merchant, hero.

The evolvement and development of the Russian literary intelligentsia of the XIX century remains an urgent problem of historical science and literature studies. A writer in Russia was not only the creator of literary works. His mission was closely connected with the development of the state and the society. The writer's activities had a significant impact on politics, public life, and culture. Literature became the "teacher of life." At the turning points of the Russian history, new talents poured into literary creativity. They searched for their creative credo, overcoming difficulties, became known throughout Russia, but were forgotten in the XX century.

The purpose of the study is to study the literary activity of the Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy, which began in the post-reform era in Russia, the influence of living conditions, new ideas and aspirations on the formation of ideas and features of his creative talent and style.

Materials and methods. The sources were the writer's memoirs "How My Faith Grew", "Leaves from Autobiography", the assessments of his contemporaries, as well as the first literary works he wrote – poems and short stories that give the opportunity to evaluate his views, the search for his place in the literary environment and his formation as a writer. The main methods were historicism, objectivity, analysis and synthesis of materials from literary sources and social and political essays.

Research results. At the turn of the 1870s and 1880s, the Russian state and the society as a whole were experiencing a time of reforms and transformations undertaken by Emperor Alexander II. The new era of capitalist modernization caused new phenomena in the economy and social relations, and created new contradictions in life. The Russian literature actively responded to the challenges of the time, striving to show the origins and causes of psychological and moral background of events and processes. The "Chekhov era" began. A new generation of poets, fiction writers and playwrights emerged. Among them, the first literary steps were made by A.A. Tikhonov-Lugovoy who decided to devote himself to literary creativity. He experienced many hardships and life lessons, the bitterness of disappointments, the joy of his first successes and recognition, becoming a famous writer of the late XIX and early XX centuries. In his work, he remained in the positions of classical Russian literature, striving like no one else to determine the deep socio-psychological characteristics of typical heroes of the post-reform era belonging to various social strata, ranks and titles.

Conclusions. Despite the emergence of new modernist trends in the literature of the coming "silver age", many new talents came to the writing environment, including A.A. Tikhonov-Lugovoy, they continued the best traditions of the Russian literature of the "golden age", whose works became a real "teacher of life" for many generations of compatriots.

References

1. A. Lugovoi [A. Lugovoy]. In: *Slovar' chlenov Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete. 1811–1911* [Dictionary of members of the Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University. 1811–1911]. Moscow, 1911, pp. 173–174.
2. A.A. Lugovoi (Tikhonov). *K 25-letiyu literaturnoi deyatelnosti* [A. A. Lugovoy (Tikhonov). On the 25th anniversary of literary activity]. *Ogonek. Ezhenedel'nyi khudozhestvenno-literaturnyi zhurnal*, 1909, no. 7, pp. 15–17.

3. Vengerov S.A. *Osnovnye cherty istorii noveishei russkoi literatury. 2-e izd. s pribavleniem etyuda «Pobediteli ili pobezhdennye?» (o modernizme)* [The main features of the history of modern Russian literature. 2nd ed. With the addition of the study «Winners or losers?» (about modernism)]. St. Petersburg, 1909, 88 p.
4. Ganzhulevich T. *Chekhov i nasha literatura* [Chekhov and our literature]. *Niva*, 1914, no. 27, pp. 538–539; no. 28, pp. 557–559.
5. Izmailov A.A. *A.A. Lugovoi (Literaturnaya kharakteristika)* [Lugovoy (Literary characteristics)]. *Istoricheskii vestnik*, 1914, no. 12, pp. 919–934.
6. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N., ed. *Istoriya russkoi literatury XIX veka: v 5 t.* [History of Russian literature of the 19th century. 5 vols.]. Moscow, 1910, vol. 5, 578 p.
7. Krukovskii M. *Sochineniya A. Lugovogo* [The writings of A. Lugovoy]. *Novoe slovo. Zhurnal nauchno-literaturnyi i politicheskii*, 1894, no. 11, Nov., pp. 365–366.
8. Lugovoi A. *Kak roslo moya vera. Otryvki iz avtobiografii* [How my faith grew. Excerpts from the autobiography]. *Vestnik Evropy*, 1910, no. 12, pp. 74–104.
9. Lugovoi A.A. *Listki iz avtobiografii* [Leaves from autobiography]. *Niva*, 1909, no. 6, pp. 114–117.
10. Lugovoi A. *Stikhi. 1884–1912* [Poems. 1884–1912]. St. Petersburg, 1912, 166 p.
11. Lugovoi A. *Dushi. Posmertnyi rasskaz* [Souls. Posthumous story]. *Ezhemesyachnye literaturnye i nauchno-populyarnye prilozheniya k zhurnalu «Niva»*, 1915, no. 3, March, pp. 417–432.
12. Lugovoi A. *Pamyati M.N. Soimonova (K dvadtsatipyatiletyu ego konchiny 12 sentyabrya 1888 goda)* [In memory of M.N. Soymonov (On the twenty-fifth anniversary of his death on September 12, 1888)]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*, 1913, no. 9, pp. 985–997.
13. *Pervye literaturnye shagi. Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei* [The first literary steps. Autobiographies of modern Russian writers]. Moscow, 1911, pp. 80–83.
14. *Pis'ma A.P. Chekhova. T. II (1888–1889)* [Letters of A.P. Chekhov. Vol. II: 1888–1889]. Moscow, 1912, 458 p.
15. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1896, vol. 64, 1004 p.
16. *Sochineniya A. Lugovogo: v 5 t.* [The writings of A. Lugovoy. 5 vols.]. St. Petersburg, 1894, vol. 1, 574 p.
17. *Sochineniya A. Lugovogo: v 5 t.* [The writings of A. Lugovoy. 5 vols.]. St. Petersburg, 1895, vol. 3, 618 p.
18. Starikov S.V. *Russkie pisateli Aleksei Lugovoi i Vladimir Tikhonov (Istoriko-literaturnye ocherki o znamenitikh tsarevokshaytsakh)* [Russian writers Alexey Lugovoy and Vladimir Tikhonov (Historical and literary essays on the famous tsarevokshaytsy)]. Yoshkar-Ola, 2022, 404 p.
19. Khrisanfov V.I. *Luzhskii zatvornik. Stranitsy zhizni russkogo pisatelya A.A. Tikhonova-Lugovogo* [The Luga Recluse. Pages of the life of the Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2009, 240 p.

SERGEY V. STARIKOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (sv.starikov@yandex.ru).

Формат цитирования: Стариков С.В. Начало литературной деятельности русского писателя А.А. Тихонова-Лугового в контексте пореформенной эпохи в России (1878–1885 годы) // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 131–142. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-131-142.

УДК 94(47):37.014

ББК 63.3(2)521

Л.А. ТАЙМАСОВ

МИССИОНЕРСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИЕПИСКОПА КАЗАНСКОГО АМВРОСИЯ (А.И. ПРОТАСОВА)

Ключевые слова: архиепископ Амвросий (А.И. Протасов), Казанская епархия, народы Среднего Поволжья, новокрещенные, миссионерство, христианское просвещение, Российское библийское общество, духовенство, паства.

Актуальность изучения истории религии и церкви обусловлена необходимостью сохранения духовного наследия прошлого. Исследование деятельности видного казанского архиепископа Амвросия (Протасова), внесшего большой вклад в укрепление церковного ведомства и развитие христианства в Среднем Поволжье, дополнит информацию о православном архипастыре, а также сведения по истории религии и церкви в регионе.

Цель исследования – анализ вклада архиепископа Казанского и Симбирского Амвросия (Протасова) в развитие православного миссионерства в полиэтническом регионе.

Материалы и методы. Анализ документов из фондов Российского государственного исторического архива, материалов периодической печати XIX в. («Заволжский муравей», «Известия по Казанской епархии», «Русская старина»), научных публикаций осуществлялся с использованием хронологического, биографического методов, а также институционального подхода.

Результаты исследования. В начале XIX в. этноконфессиональная карта Казанской губернии была пёстрой: на ее территории проживали христиане различных конфессиональных и сектантских групп, мусульмане, ревнители традиционных народных верований, иудеи. Самую многочисленную группу составляли православные, в большинстве своем новокрещенные, т.е. обращенные в христианство в середине XVIII в. в период деятельности Новокрещенской конторы. Основной целью православного миссионерства на восточных окраинах страны являлась христианизация и русификация нерусского населения. Меры административного воздействия на новокрещенных не приносили желаемого результата: они оставались приверженцами веры предков. Среди представителей светской и духовной власти были сторонники «прямой» христианизации, опиравшиеся на авторитет власти и права, в то же время отдельные чиновники и духовные лица выступали за христианское просвещение новокрещенных. Исследование показало, что архиепископ Амвросий, имевший превосходное образование и получивший большой педагогический и управленческий опыт в период работы в духовных учебных заведениях и руководства Тульской епархией, лучше многих архипастырей Русской православной церкви понимал необходимость просветительских мер для утверждения новокрещенных в православии. В годы его служения были открыты Казанское, Симбирское, Чебоксарское духовные училища, учреждены классы чувашского и марийского языков, создано Казанское отделение Российского библийского общества, изданы книги Священного Писания на языках поволжских народов, возрос образовательный уровень православного духовенства, улучшился его социальный статус.

Выводы. Архиепископ Казанский Амвросий возглавил Казанскую и Симбирскую епархии в 1816 г., когда она находилась в кризисном состоянии, в ней участились случаи возвращения новокрещенных к традиционным верованиям и исламу. Труды архипастыря позволили значительно укрепить церковное ведомство, увеличить образовательный уровень духовенства, усилить просветительские меры в утверждении православия среди новокрещенных. При его служении были открыты духовные училища, и в них действовали классы по изучению местных языков. Амвросий был одним из активных деятелей Российского библийского общества, основателем и руководителем его Казанского отделения. Непосредственно занимался организацией христианских переводов и изданием книг Священного Писания на татарском, чувашском, мордовском, марийском языках. В условиях общественно-политической нестабильности при воцарении Николая I он был причислен к лагерю «ненадежных» и переведен в Тверскую епархию, стоявшую ниже Казанской и Симбирской в церковной иерархии.

Введение. В современных условиях формирование исторических знаний, духовно-нравственное воспитание населения приобрели особую актуальность. Для понимания современных этнокультурных процессов в стране и регионе Поволжья важно знать историю религии региона, процесс христианизации местных

народов. Деятельность Амвросия (Протасова) оставила заметный след в миссионерском просветительстве первой половины XIX в. Казанско-Симбирская епархия в тот период была одной из крупных и сложных по структуре и составу в Русской православной церкви (РПЦ). Учрежденная в 1555 г., она являлась основным миссионерским центром распространения православия в восточных окраинах страны. Народы Среднего Поволжья, крещенные в бытность Новокрещенской конторы (1740–1764), несмотря на административное давление со стороны правительства и церкви, оставались индифферентными к новой вере. В таких условиях отдельные государственные и церковные деятели начали высказывать идею христианского просвещения «казанских новокрещен». Амвросий был сторонником миссионерского просветительства и внес заметный вклад в укрепление церковной инфраструктуры и христианское просвещение народов Казанской и Симбирской губерний. Жизнь и деятельность архиепископа Амвросия нашли отражение в статьях В.И. Жмакина [3] и А.Ф. Можаровского [5], К.К. Чередыева [15]. Надеемся, что данная публикация внесет дополнение в изучение жизнедеятельности архипастыря в период служения в Казани.

Целью исследования является анализ вклада архиепископа Казанского и Симбирского Амвросия (Протасова) в развитие православного миссионерства в полиэтническом регионе.

Материалы и методы. Анализ документов из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), материалов периодической печати XIX в. («Заволжский муравей», «Известия по Казанской епархии», «Русская старина»), научных публикаций осуществлялся с использованием хронологического, биографического методов, а также институционального подхода.

Результаты исследования. В начале XIX в. этноконфессиональный состав населения Казанской губернии был весьма мозаичным: в ней проживали христиане различных конфессиональных и сектантских групп, мусульмане, ревнители традиционных народных верований, иудеи. Самыми многочисленными являлись православные, значительную часть которых составляли обращенные в христианство в середине XVIII в. в период деятельности Новокрещенской конторы, фактически остававшиеся приверженцами традиционной веры. Меры административного воздействия на новокрещеных не приносили желаемого результата. Наряду со сторонниками «прямой» христианизации, опиравшимися исключительно на авторитет власти и права, все больше становилось лиц, выступавших за христианское просвещение новокрещеной паствы. Одним из видных архиереев Казанской епархии, оказавших заметное воздействие на развитие миссионерского просветительства среди поволжских народов, был Амвросий (Протасов). В данной статье освещается его деятельность в период служения в Казани в 1816–1827 гг. С именем Амвросия связаны создание и функционирование Казанского отделения Российского библейского общества (РБО), целенаправленная работа по переводу и изданию текстов Священного Писания на языках поволжских народов, совершенствование подготовки кадров духовенства с учетом национальных особенностей приходов и др.

Алексей Иванович Протасов родился в г. Боровск в 1762 г. Обучался в Перервинской и Сергиевской духовных семинариях, Московской славяно-греко-латинской академии, в которой в 1790-х гг. трудился сначала учителем риторики и поэзии, затем префектом. Еще в годы учебы проявил разносторонние способности, по всем предметам учился на отличные оценки, в совершенстве овладел греческим и латинским языками. На талантливого студента обратил внимание митрополит Московский Платон (П.Г. Левшин), ставший его духовным наставником.

По совету своего покровителя Алексей Протасов в 1794 г. принял монашеский постриг с именем Амвросий [9. С. 151]. Его служебная карьера складывалась весьма успешно. В январе 1799 г. он возглавил Троице-Сергиеву Приморскую пустынь под Санкт-Петербургом в сане архимандрита. Через год Амвросия назначили ректором Александро-Невской академии, и одновременно он управлял сначала Иверским, затем Юрьевым монастырями. В период службы в Санкт-Петербурге Амвросий опирался на поддержку Амвросия (А.И. Подобедова), возглавлявшего ранее Казанскую и Симбирскую епархию и назначенного 16 октября 1799 г. архиепископом Санкт-Петербургским, Эстляндским и Выборгским, а позже, с присоединением Новгородской епархии в 1801 г., ставшего митрополитом. Под руководством своего архипастыря, отвечавшего за реформирование духовного образования, Амвросий (Протасов) преобразовал Санкт-Петербургскую духовную семинарию в академию [9. С. 151].

В 1804 г. ему доверили управление Тульской и Белёвской епархией, учрежденной в 1799 г., где он прослужил до 1816 г. Энергичная деятельность Амвросия во многом способствовала ее развитию. В эти годы он отличился своими проповедями, которые распространялись далеко за пределы руководимой им кафедры. Речь Амвросия при выборе судей в Туле удостоилась перевода на разные языки, отдельные цитаты разошлись в народ. Известна молва, что Александр I на просьбу вновь назначенного губернатора дать ему инструкции вручил ему текст проповеди Амвросия [3. С. 617–618]. Общественный резонанс вызвала его речь на новый 1815 г. [3. С. 621]. Были и другие содержательные речи, принесшие архипастырю славу лучшего проповедника [1]. Некоторые тексты выступлений Амвросия включены в православные хрестоматии как образцы красноречия.

После кончины архиепископа Казанского и Симбирского Павла (П.С. Зернова) 14 января 1815 г. Синод довольно долго подбирал кандидатуру на вакантную должность. Только через год был сделан выбор в пользу Амвросия (Протасова). На решение Синода оказала воздействие его приверженность идее христианского просвещения, которая в годы функционирования РБО стала особо популярной. Синод учел и организаторский, управленческий и преподавательский опыт Амвросия, награжденного за успехи в пастырском служении орденами св. Анны 1-й степени (1806) и св. Владимира 2-й степени [3. С. 623]. Можно предположить, что на выбор повлиял член Синода Амвросий (Подобедов), испытывавший к Казани особые чувства и возлагавший на Протасова большие надежды.

Амвросий прибыл в Казань 25 марта 1816 г. Ему досталось тяжелое наследство. Архиепископ Павел не отличился рвением при своем управлении вверенной ему епископией и оставил преемнику запущенное хозяйство. В консистории служили «неутомимые взяточники», которые допускали на священнические места полуграмотных, не учившихся нигде лиц духовного сословия, среди «казанских новокрещен» усилилось отступническое движение, предстояло восстанавливать здания церквей, академии, пострадавшие от сильного пожара.

Амвросий взялся за наведение должного порядка – совершал поездки по епархии, встречался с духовенством, паствой, выявлял нарушения и т.д. Решительные меры архипастыря были встречены в штыки. На него стали писать доносы, жалобы. Синод, реагируя на них, требовал от Амвросия подробных объяснений. Так продолжалось до тех пор, пока в Казань не отправили ревизора – члена Синода архиепископа Иону, ставшего впоследствии недоброжелателем Амвросия. Иона, вернувшись в Санкт-Петербург, не смог представить отчет ревизии, заявив, что бумаги у него украли [3. С. 624].

Население Казанской губернии отличалось этническим и конфессиональным многообразием. Русские к началу XIX в. составляли большинство, хотя и уступали суммарному числу нерусских народов. Основная часть «казанских иноверцев» (чуваши, татары, марийцы, мордва, удмурты) была крещена в XVIII в. в бытность Новокрещенской канторы (1740–1764). Однако крещеные народы фактически оставались верными традициям предков. Главная причина их религиозного нигилизма в отношении церкви объяснялась совершенным отсутствием знаний о христианской религии. Предшественники Амвросия, архиереи Вениамин (В.Г. Пуцек-Григорович), Амвросий (А.И. Подобедов), являясь сторонниками миссионерского просветительства, уделяли большое внимание переводу христианских текстов на языки новокрещеных народов и подготовке служителей церкви и проповедников [5. С. 532–534]. Амвросий изучил опыт миссионерско-просветительской деятельности предшественников и старался учесть его на практике. Ему были известны сведения о катехизисе на чувашском языке, изданном на личные средства митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Амвросия (Подобедова), и переводах катехизиса, десятисловия и молитв на татарский, чувашский, марийский и мордовский языки, сделанных в 1803–1806 гг. при архиепископе Серапионе (С.С. Александровский).

Архиерейское служение Амвросия на Казанской кафедре пришлось на период деятельности Библейского общества, главной целью которого было распространение Священного Писания среди многонационального населения Российской империи. 28 февраля 1816 г. указом Александра I Синоду поручалось осуществить перевод Нового Завета на русский язык [12. С. 20]. Основной задачей Амвросия с первых же дней служения в Казани стало создание отделения РБО. Казанское отделение РБО торжественно открыли 20 января 1818 г. Вице-президентом избрали архиепископа Амвросия. Он приложил немало усилий для учреждения сотовариществ в городах и селениях епархии, количество которых вскоре составило 15. Деятельность Казанского отделения осуществлялась за счет членских взносов и пожертвований, сумма которых за 1818 г. являлась существенной (10 054 руб. 93 коп. ассигнациями). Сам Амвросий ежегодно вносил в пользу Общества по 100 руб. [14. С. 17]. Речи его о пользе чтения Священного Писания, произнесенные на собраниях РБО, печатали даже в иностранных журналах [3. С. 630].

В годы архиерейского служения в Казани Амвросий общался с М.Л. Магницким, назначенным в 1817 г. симбирским гражданским губернатором. В то время церковная структура Симбирской губернии входила в состав Казанской епархии, поэтому им приходилось совместно обсуждать разные организационные вопросы. В начале деятельности РБО Магницкий являлся ревностным сторонником распространения Библии в России. Он участвовал почти во всех заседаниях Библейского общества. В 1818 г. по его инициативе учредили Симбирское отделение РБО. На торжестве по случаю его открытия Магницкий произнес пространную речь. Много лет спустя, сделав ее подробный анализ, А.Н. Пыпин назвал Магницкого «первым родоначальником... позднейшей и нынешней литературы лицемерия и доноса» [10. С. 158]. Прав ли был он в этой оценке? На наш взгляд, Магницкий сыграл в дальнейшей судьбе Амвросия негативную роль, и об этом станет известно позже.

В 1819 г. губернатор Магницкий донес министру А.Н. Голицыну о растрате денег и безбожном преподавании предметов в Казанском университете. Добился направления сначала в качестве ревизора, а затем назначения ректором университета и попечителем Казанского учебного округа. В тот период ему

покровительствовали граф А.А. Аракчеев и князь А.Н. Голицын, что во многом способствовало его карьере. М.Л. Магницкий снискал славу карьериста, интригана, лицемера. Став ректором университета, принялся устанавливать свои порядки. Уволил более десяти профессоров, требовал закрыть и даже разрушить здание учебного заведения, о чем он писал в Санкт-Петербург. Отличился крайним обскурантизмом: в университете процветали интриги, доносы, жизнь студенчества была устроена по образцу монастырскому. Амвросий, зная о влиятельных покровителях Магницкого, не вмешивался в его управленческую деятельность.

По мнению В.И. Жмакина, между архиереем и попечителем сложились даже дружеские отношения [3. С. 625]. Владыка часто посещал университет, участвовал в проведении годичных экзаменов. Внимательно слушал ответы экзаменующихся, нередко прерывал их, делал замечания, указывал ошибки и начинал с воодушевлением излагать свои мысли. В этих случаях все участники экзамена с интересом слушали архипастыря, называли его речь «ангельской, а мысли божественными» [3. С. 627]. Почитатели архиерея, среди которых был и ректор университета, иногда собирались в архиерейском доме или в летней резиденции на озере Кабан, обсуждали разные, в основном религиозные, вопросы, с восхищением внимали красноречивым рассуждениям архипастыря. Современники, общавшиеся с Амвросием, действительно отмечали его живой ум, выдающиеся творческие способности, что во многом расходилось с внешним обликом архиерея. Он был маленького роста, толстоват, некрасив лицом, вдобавок ко всему имел слабый голос. «Невыгодное впечатление, получаемое от его физиономии, сглаживалось только его живыми, свидетельствующими о его глубоком уме, глазами», – писал В.И. Жамкин [3. С. 632].

Не все в Казани питали добрые чувства к Амвросию. Современники не могли не заметить противоборство двух групп: одна объединялась вокруг архиепископа, другая – настоятеля Богородицкой женской обители игуменьи Назареты. Конфликт возник еще в 1798 г., когда началось строительство монастырского собора. Для контроля за расходованием средств распоряжением архиерея Амвросия (Подобедова) был определен комиссионер (посредник при торгово-финансовых операциях. – Л.Т.). Когда Амвросий (Протасов) возглавил Казанскую епархию, обнаружив нарушения, отправил донесение в Синод. Назарета требовала упразднения комиссионера, который вмешивался в дела монастыря. Этот конфликт продолжался до самого ухода настоятельницы на покой в 1822 г. [5. С. 367].

Основной заботой Амвросия оставались управление отделением РБО, работа над переводами, изданиями и распространение христианских текстов среди населения. Амвросий лично курировал организацию переводческого дела. В первый же год учреждения Казанского отделения предложил комитету РБО приступить к переводам священных текстов на мордовский, чувашский, марийский языки. Он привлек к переводам священников, владевших языками местных народов, и фактически возглавил их работу. На чувашский язык Евангелие от Матфея переводили священники Петр Яблонский из с. Пандиково и Михаил Вознесенский из с. Красные Четаи, Евангелие от Марка – священник с. Чемеево Алексей Алмазов. Переводчика Евангелия от Луки священника с. Шатьма Василия Федорова заменил священник г. Ядрина Касаткин, а священник того же города Смеловский заменил священника с. Шатьма Василия Федорова. Над переводом книги «Деяния святых апостолов» работал священник с. Шумшеваши Муратовский. Соборное послание св. апостола Иакова перевели священники

с. Ишаки. На марийский язык Евангелие от Матфея переводил священник с. Шапкилей Андрей Альбинский, Евангелие от Марка – священник с. Малый Сундырь Алексей Померанцев, Евангелие от Луки – Андрей Альбинский, Евангелие от Иоанна – священник с. Шапкилей Игнатий Альбинский, Деяния св. апостолов – священник с. Арды Иван Ардатский [11. Л. 29–29об.]. Работа переводчиков была рассмотрена в отдельной статье¹, поэтому здесь затронем лишь участие в этом деле Амвросия.

Никто из переводчиков не имел опыта подобной деятельности. Не было словарей, грамматик, методических указаний, поэтому многое зависело от способностей переводчика. Переводчики с досадой писали Амвросию, что для сохранения смысла текста Писания в языках новокрещенных народов невозможно подобрать нужные выражения [11. Д. 111. Л. 25]. Священники все же ответственно подходили к порученному делу – в меру своих способностей и возможностей старались выполнить качественные переводы. Например, Андрей Альбинский, переводивший Святое Евангелие на марийский язык, писал: «Более нужно, дабы при самом начале распространения христианства не возникло в сердцах сего народа и терние заблуждений» [11. Д. 111. Л. 25]. Амвросий, постоянно контролировавший переводческую работу, с пониманием отвечал, что это «тяжкий труд» [11. Д. 111. Л. 25]. 10 февраля 1819 г. архиепископ Амвросий доложил А.Н. Голицыну о завершении марийского перевода Евангелия от Матфея [11. Д. 111. Л. 54об.]. Амвросий и деятели РБО были заинтересованы в скорейшем издании переводов, поэтому Андрея Альбинского и переводчика на мордовский язык Андрея Охотина вызвали в Санкт-Петербург для подготовки рукописи к печати [11. Д. 111. Л. 86]. 12 мая 1820 г. Амвросий сообщил председателю РБО о завершении переводов Нового Завета на чувашский, черемисский и мордовский языки и намерении приступить к переводу Ветхого Завета [11. Д. 111. Л. 60–60об.]. Книга на чувашском языке под названием «Святой Евангель» была напечатана в типографии Казанского университета, а марийский и мордовский переводы тиражировали в синодальной типографии в Санкт-Петербурге [11. Д. 111. Л. 86].

Результаты использования переводной литературы были скромными. Профессор Казанского университета В.А. Сбоев, указывая на несовершенство переводов, писал, что что книги, переведенные подстрочным способом, без учета духа языка, внутреннего его механизма, были совершенно непонятны чувашам [11. С. 164]. Реализация книг продвигалась слабо не только по причине низкого качества переводов, но более всего вследствие неграмотности населения. Переводческая деятельность продолжилась, однако усиливалась критика в отношении переводов и самого Библейского общества. М.Л. Магницкий 24 мая 1824 г. в письме к вновь назначенному митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Серафиму (Глаголевскому) указал на наличие «богохульных выражений» в персидском переводе и заявил о прекращении членства в РБО [11. Д. 221. Л. 1–2]. За прекращение деятельности Библейского общества выступил министр просвещения А.С. Шишков. В декабре 1824 г. митрополит Серафим представил Александру I доклад с обоснованием необходимости упразднения РБО. Император не решился закрыть свое детище, только в 1826 г. Николай I приостановил деятельность Библейского общества в России.

¹ См.: Таймасов Л.А. Переводы Священного Писания на языки новокрещенных народов Казанским комитетом Российского библейского общества // Образование и просвещение в губернской Казани: материалы научно-практического семинара. Казань: Ин-т ист. им. Ш. Марджани, 2012. С. 167–189.

Амвросия занимали не только вопросы, связанные с РБО. В ходе объезда церквей и монастырей он обращал внимание на подготовленность духовенства к пастырской и богослужебной деятельности. Так, по данным 1809 г., в Чебоксарском уезде лишь 19, а в Цивильском 11 священников имели духовное образование [7. С. 39]. Архиерей считал, что утверждение православия среди новокрещеной паствы во многом зависит от профессионализма приходского духовенства, поэтому заботился о развитии духовного образования. Ему не удалось сохранить статус Казанской духовной академии, обретенный в 1797 г. стараниями архиепископа Казанского Амвросия (Подобедова). Академия закрылась 21 сентября 1818 г. по решению Синода, то есть уже в первый же год службы Амвросия в Казани. На ее базе действовала семинария, которая стала подотчётной Санкт-Петербургской духовной академии [2. С. 197–200]. Архиерей стремился восполнить потерю академии усилением учебно-материальной базы и преподавательского состава духовной семинарии, что позволило ей быть в числе лучших в Русской православной церкви. Стараниями Амвросия были учреждены духовные училища в Чебоксарах (1819), Алатыре (1818), Симбирске (1818), которые способствовали повышению числа образованных священников.

В отчете за 1828 г. архиерей указал, что в Казанской губернии из 539 священников 307 не имели соответствующего образования, а в Симбирской – из 695 человек 584 [4. С. 536]. Эти данные свидетельствуют о постепенном повышении образованности православного духовенства. Позитивный результат в подготовке кадров во многом был обусловлен целенаправленной деятельностью Амвросия. Архипастырь надеялся, что будущие пастыри, пройдя обучение в классах чувашского, марийского языков, смогут объяснить пастве основы христианского учения на родном языке и читать новокрещенцам книги Священного Писания. Он также планировал организовать для прихожан в воскресные и праздничные дни занятия по ланкастерской системе, но реализовать планы не успел [6. С. 114]. Об этом же писал Н.В. Никольский, считавший, что данная инициатива исходила от Магницкого [8. С. 22].

Общественно-политические перемены в стране с приходом Николая I сказались и на судьбе Амвросия. 6 ноября 1826 г. его перевели на Тверскую кафедру, что было равносильно понижению по службе и воспринималось как наказание. В литературе есть утверждение, что причиной его перевода из Казани в Тверь стали интриги и доносы недоброжелателей [9. С. 151]. Основная причина все же заключалась в его близких отношениях с М.Л. Магницким. После вступления на престол Николай I распорядился сослать дерзкого и беспокойного чиновника под надзор в Казань. Местная администрация не желала иметь неприятности из-за скандального оппозиционера и искала повод для выдворения Магницкого за пределы губернии. Казанский губернатор О.Ф. Розен донес генерал-губернатору А.Н. Бахметову, что Магницкий общается с разными неблагонадежными людьми. В свою очередь генерал-губернатор переправил донесение начальнику Главного генерального штаба И.И. Дибичу. Было решено отправить М.Л. Магницкого в Ревель, 23 ноября он был выслан из Казани [3. С. 635–636]. В числе «ненадежных» невольно оказался и архиепископ Амвросий, состоявший в дружеских отношениях с Магницким.

В литературе встречается разная оценка деятельности архиепископа Амвросия. Например, профессор Казанской академии Е.А. Малов вменял ему в вину уничтожение каменной церкви в честь праведных Захария и Елисаветы на берегу озера Кабан, возведенной при Новокрещенской школе. После упразднения школы закрылась и церковь, здания ветшали. Церковь разобрали

в 1825 г. по распоряжению Амвросия. По мнению Малова, ее можно было восстановить. А.Ф. Можаровский действия Амвросия считал правильными, так как церковь находилась в татарской слободе, где не было православного прихода, а материалы после разбора церкви принесли доход в 958 руб. и были использованы для ремонта здания академии, а также на иные потребные расходы. А.Ф. Можаровский положительно оценивал деятельность архипастыря, отмечал его вклад в развитие миссионерского просветительства, в борьбу со взяточничеством «консисторианов», чиновников консистории [5. С. 359–360].

Паства тоже по-разному относилась к Владыке. Как указали выше, его противники всячески мешали и препятствовали его стараниям, писали жалобы и доносы. Все же сторонников у Амвросия было больше, так как без поддержки администрации и духовенства не случились бы позитивные перемены в практике миссионерского просветительства. Проводы архипастыря состоялись при участии представителей духовенства и паствы, которые были опечалены вестью о его переводе в Тверь. Проводы были торжественными и трогательными. В прощальной речи Амвросий благословил казанцев, со скорбью отметил: «...беседа сия к вам есть последняя в сей стране живых, уже не соутешимся мы более верою общию...» [13. С. 341]. В ответном слове ректор Казанской семинарии Феофан (Александров) благодарил архипастыря за его труды: «...во благе попечения, за все премудрые учреждения, за все наставления спасительные и наипаче за славный и обязательный предмет святыя твоея жизни» [13. С. 341]. Слова Амвросия оказались пророческими: недолго суждено было архипастырю возглавлять тверскую паству, он скончался 1 июля 1831 г. во время эпидемии холеры.

Выводы. Деятельность архиепископа Амвросия (Протасова) на Казанской кафедре ознаменовалась позитивными переменами в жизни многосложной епархии. Приняв ее в 1816 г. в расстроенном состоянии, многое сделал для установления порядка во всех звеньях церковного управления. Он выступил инициатором учреждения Казанского отделения РБО, превратил его в центр христианского просвещения. Под его руководством осуществлялись переводы Священного Писания на языки новокрещенных народов Среднего Поволжья, издавались книги. Хотя от них не последовал ожидаемый эффект по причине низкого качества переводов и сплошной неграмотности новокрещенных, но опыт пригодился для совершенствования просветительской работы. Амвросий большое внимание уделял подготовке священнослужителей, среди которых существенно выросло число получивших духовное образование. При нем произошла реорганизация духовных учебных заведений, были открыты новые духовные училища, в них учреждались классы чувашского и марийского языков, чтобы пастыри могли прихожанам объяснять основы христианского вероучения. Надеемся, материалы нашего исследования позволят добавить новые штрихи к образу архиепископа Амвросия и лучше понять этапы утверждения православия в Среднем Поволжье и его современное состояние.

Литература

1. *Амвросий (Протасов)*. Слова и речи Амвросия, бывшего епископа Тульского и Белёвского и архиепископа Казанского и Симбирского, Тверского и Кашинского. СПб., 1856. 327 с.
2. *Благовещенский А.* История старой Казанской Духовной Академии (1797–1818 гг.). Казань, 1875. 207 с.
3. *Жмакин В.И.* Амвросий Протасов, архиепископ Тверской. 1762–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 34. С. 615–640.
4. *Комиссаров Г.И.* Религиозное состояние чуваш в XIX веке // Православный благовестник. 1913. № 19. С. 532–536.

5. Можаровский А.Ф. Амвросий Протасов, архиепископ Тверской // Русская старина. 1883. Т. 40. С. 355–368.
6. Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1551 по 1867 гг. М., 1880. 261 с.
7. Научный архив Чувашского института гуманитарных наук. Отд. 1. Д. 36.
8. Никольский Н.В. Конспект по истории христианского просвещения чуваш. Казань: Центральная типография, 1909. 36 с.
9. Петруня О.Э. Амвросий (А.И. Протасов) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. 752 с.
10. Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. Санкт-Петербург, 2000. 472 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 808. Оп. 1.
12. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. 188 с.
13. Слово из прощальной беседы преосвященного Амвросия с казанскою паствою // Известия по Казанской епархии. 1876. № 11. С. 340–345.
14. Смирнов А. Деятельность Российского библейского общества в Казани и Казанского учебного округа. Казань, 1910. 78 с.
15. Чередеев К.К. Биографии Тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в г. Твери и до ныне. Тверь: Типография губернского правления, 1859. 302 с.

ТАЙМАСОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (taymasov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>).

Leonid A. TAYMASOV

**MISSIONARY AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF ARCHBISHOP AMBROSE OF KAZAN
(A.I. PROTASOV)**

Key words: Archbishop Ambrose (A.I. Protasov), Kazan Diocese, peoples of the Middle Volga region, the newly baptized, missionary work, Christian education, the Russian Bible Society, clergy, flock.

The relevance of studying the history of religion and the church is determined by the need to preserve the spiritual heritage of the past. The study of the activities carried out by a prominent Archbishop Ambrose (Protasov) of Kazan, who made a great contribution to strengthening the church and the development of Christianity in the Middle Volga region, will complement the information about the Orthodox archbishop, as well as the information on the history of religion and the church in the region.

The purpose of the study is to analyze the contribution made by Archbishop Ambrose (Protasov) of Kazan and Simbirsk to the development of Orthodox missionary work in a multiethnic region.

Materials and methods. The analysis of documents from the collections of the Russian State Historical Archive and periodicals of the XIX century. ("Zavolzhsky Ant", "News of Kazan Diocese", "Russian Antiquity"), scientific publications was carried out using chronological, biographical methods, as well as the institutional approach.

Research results. At the beginning of the XIX century, the ethnoconfessional map of Kazan governorate was diverse: the Christians of various confessional and sectarian groups, the Muslims, the adherents of traditional folk beliefs and the Jews lived on its territory. The largest group consisted of Orthodox Christians; most of them were newly baptized, i.e. converted to Christianity in the middle of the XVIII century during the period of activity carried out by Novokrestenskaya office. The main goal of Orthodox missionary work in the eastern outskirts of the country was Christianization and Russification of the non-Russian population. Administrative measures against the newly baptized did not bring the desired result: they remained adherents of the ancestral faith. Among the representatives of the secular and spiritual authorities, there were supporters of "direct" Christianization, relying on the authority of the power and the law, at the same time, individual officials and clergy advocated Christian education of the newly baptized. The study showed that Archbishop Ambrose, who had an excellent education and gained extensive pedagogical and managerial experience while working in theological educational institutions and heading Tula diocese, understood better than many archpastors of the Russian Orthodox Church the need for educational measures to establish the newly baptized in Orthodoxy. During the years of his ministry, Kazan, Simbirsk, Cheboksary theological schools were opened, classes of the Chuvash and the Mari languages were established, Kazan branch of the Russian Bible Society was established, books of Holy Scripture in the languages of the Volga peoples were published, the educational level of the Orthodox clergy increased, and its social status improved.

Conclusions. The archbishop Ambrose of Kazan became the head of Kazan and Simbirsk diocese in 1816, when it was in a state of crisis, and cases of the newly baptized returning to traditional beliefs and Islam became more frequent. The archpastor's work made it possible to significantly strengthen the church department, increase the educational level of the clergy, and strengthen educational measures to establish Orthodoxy among the newly baptized. During his ministry, theological schools were opened, and classes for learning local languages operated in them. Ambrose was one of the active figures of the Russian Bible Society, the founder and head of its Kazan branch. He was directly involved in organizing Christian translations and publishing books of Holy Scripture in the Tatar, the Chuvash, the Mordovian and the Mari languages. In the conditions of socio-political instability during the reign of Nicolay I, he was ranked among the "unreliable" camp and transferred to Tver diocese, which stood below Kazan and Simbirsk in the church hierarchy.

References

1. Amvrosii (Protasov). *Slova i rechi Amvrosiya, byvshego episkopa Tul'skogo i Belevskogo i arkhiepiskopa Kazanskogo i Simbirskogo, Tverskogo i Kashinskogo* [Words and speeches of Ambrose, former Bishop of Tula and Belyov and Archbishop of Kazan and Simbirsk, Tver and Kashin]. St. Petersburg, 1856, 327 p.
2. Blagoveshchenskii A. *Istoriya staroi Kazanskoi Dukhovnoi Akademii (1797–1818 gg.)* [History of the old Kazan Theological Academy (1797–1818)]. Kazan, 1875, 207 p.
3. Zhmakin V.I. *Amvrosii Protasov, arkhiepiskop Tverskoi. 1762–1831 gg.* [Ambrose Protasov, Archbishop of Tver. 1762–1831]. *Russkaya starina*, 1882, vol. 34, pp. 615–640.
4. Komissarov G.I. *Religioznoe sostoyanie chuvash v XIX veke* [The religious state of the Chuvash in the 19th century]. *Pravoslavnyi blagovestnik*, 1913, no. 19, pp. 532–536.
5. Mozharovskii A.F. *Amvrosii Protasov, arkhiepiskop Tverskoi* [Ambrose Protasov, Archbishop of Tver]. *Russkaya starina*, 1883, vol. 40, pp. 355–368.
6. Mozharovskii A.F. *Izlozhenie khoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskikh inorodtsev s 1551 po 1867 gg.* [A presentation of the progress of missionary work to educate Kazan foreigners from 1551 to 1867]. Moscow, 1880, 261 p.
7. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. 1. D. 36* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive 1. Document 36].
8. Nikol'skii N.V. *Konspekt po istorii khristianskogo prosveshcheniya Chuvash* [Abstract on the history of Christian education of the Chuvash]. Kazan, 1909, 36 p.
9. Petrunya O.E. Amvrosii (A.I. Protasov). In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2001, vol. 2, 752 p.
10. Pypin A.N. *Religioznye dvizheniya pri Aleksandre I* [Religious movements under Alexander I]. St. Petersburg, 2000, 472 p.
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 808. Op. 1* [Russian State Historical Archives. Archive 808. Anagraph 1].
12. Sboev V.A. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoi gubernii* [A word from the farewell conversation of Bishop Ambrose with the Kazan flock]. Kazan, 1856, 188 p.
13. *Slovo iz proshchal'noi besedy preosvyashchennogo Amvrosiya s kazanskoyu pastvoyu* [A word from the farewell conversation of Bishop Ambrose with the Kazan flock]. *Izvestiya po Kazanskoi eparkhii*, 1876, no. 11, pp. 340–345.
14. Smirnov A. *Deyatel'nost' Rossiiskogo bibleiskogo obshchestva v Kazani i Kazanskogo uchebnogo okruga* [Activities of the Russian Bible Society in Kazan and the Kazan Educational District]. Kazan, 1910, 78 p.
15. Cheredeev K.K. *Biografii Tverskikh ierarkhov ot nachala sushchestvovaniya arkhieieiskoi kafedry v g. Tveri i do nune* [Biographies of the Tver hierarchs from the beginning of the existence of the episcopal see in Tver to the present day]. Tver, 1859, 302 p.

LEONID A. TAYMASOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (taymasov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>).

Формат цитирования: Таймасов Л.А. Миссионерско-просветительская деятельность архиепископа Казанского Амвросия (А.И. Протасова) // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 143–152. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-143-152.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Структура статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

5. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт. Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом. Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки. При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления». Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. **Список References.** Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. **Сведения об авторах** набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексенко М.А., Малахова О.Ю., Попов А.Н. Отставка М.М. Сперанского: виновники, причины, итог	5
Аманжолова Д.А. Концепт неокOLONиализма: некоторые вопросы изучения	13
Блиняев С.Н., Данилов А.А., Харитонов М.Ю. Проблемы материально-бытового содержания военнопленных на территории Казанской губернии в годы Первой мировой войны	23
Иванова Т.Н., Казимиров М.С. Фронтное поколение работников прокуратуры Чувашии: Иван Григорьевич Григорьев	33
Иликаев А.С. Кереметы (киремети) как природные духи и родовые божества у мари и некоторых других народов Башкортостана	43
Корнилов Г.Е. О потамонимах-«балтизмах» Волго-Камского региона (начало заочного диалога с автором статьи «Балтская гидронимия Волго-Камского региона» О.Д. Федченко)	54
Маньков А.В. Мобилизация советской культуры в годы Великой Отечественной войны: об эвакуации ленинградских артистов в Кировскую область и их работе в условиях военного времени (1941–1944 годы)	66
Матюнина И.А., Данилов А.А. Трансформация региональных средств массовой информации Чувашской Республики в условиях политических и экономических изменений 1991–1994 годов	85
Минеев А.И. Социально-экономические и политические предпосылки реорганизации системы управления промышленностью и строительством в 1950–1960-е годы: исторический опыт республик Среднего Поволжья	94
Мокшина Е.Н., Балакирев Н.В. К вопросу о предпосылках становления государственности Финляндии	102
Родионов В.Г. Трансформация «образа покровителя» и локализация «источника зла» в личностном сознании чувашского этноса начала XX века	112
Рухлин А.Н. Общественные настроения крестьян Симбирской губернии в начальный период Первой мировой войны (социологический анализ корреспондентских сведений)	123
Стариков С.В. Начало литературной деятельности русского писателя А.А. Тихонова-Лугового в контексте пореформенной эпохи в России (1878–1885 годы)	131
Таймасов Л.А. Миссионерско-просветительская деятельность архиепископа Казанского Амвросия (А.И. Протасова)	143
Правила для авторов	153

CONTENTS

Aleksenko M.A., Malakhova O.Yu., Popov A.N. Resignation of M.M. Speransky: guilty parties, causes, the outcome	5
Amanzholova D.A. The concept of neocolonialism: some study questions	13
Blinjaev S.N., Danilov A.A., Kharitonov M.Yu. Problems of material and domestic maintenance of war prisoners in the territory of Kazan governorate during the World War I.....	23
Ivanova T.N., Kazimirov M.S. The front-line generation of employees at the Prosecutor's Office of Chuvashia: Ivan Grigorievich Grigoriev.....	33
Ilikaev A.S. Keremets (kiremeti) as nature spirits and ancestral deities of the Mari and some other peoples of Bashkortostan	43
Kornilov G.E. About the "Baltisms"-Potamonyms of the Volga-Kama region (the beginning of an absentee dialogue with the author of the article "Baltic hydronymy of the Volga-Kama region" O.D. Fedchenko).....	54
Mankov A.V. Mobilization of the soviet culture during the Great Patriotic War: on evacuation of Leningrad artists to the Kirov region and their work in wartime conditions (1941–1944)	66
Matyunina I.A., Danilov A.A. Transformation of the regional mass media of the Chuvash Republic in the context of political and economic changes in 1991–1994	85
Mineev A.I. Socio-economic and political prerequisites for the reorganization of the industrial and construction management system in the 1950s and 1960s: the historical experience of the republics of the Middle Volga region.....	94
Mokshina E.N., Balakirev N.V. On the issue of the prerequisites for the formation of Finnish statehood	102
Rodionov V.G. Transformation of the "patron image" and localization of the "source of evil" in the personal consciousness of the Chuvash ethnic group of the early XX century.....	112
Rukhlin A.N. Social sentiments of peasants of Simbirsk province in the early period of the World War I (sociological analysis of correspondent information)	123
Starikov S.V. The beginning of the literary activities of the Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy in the context of the post-reform era in Russia (1878–1885).....	131
Taymasov L.A. Missionary and educational activities of archbishop Ambrose of Kazan (A.I. Protasov).....	143
Rules for the Authors	153

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Исторические науки

№ 1 2025

Редактор *Т.В. Пенкина*
Технический редактор *Н.Н. Иванова*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 09.01.2025. Подписано в печать 20.03.2025. Выход в свет 28.03.2025.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,68. Уч.-изд. л. 14,63. Тираж 200 экз. Заказ № 340. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15